

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «БГУ»)

На правах рукописи

Бурдина Дарья Александровна

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СССР В
ОБЛАСТИ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В 1936-1953 ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА)**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

д. и. н., профессор

А. В. Шалак

Иркутск 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА (1936 – 1941 ГГ.)	36
1.1. Актуальные проблемы материнства и детства в довоенное время.....	36
1.2. Направления социальной поддержки материнства и детства	51
ГЛАВА 2. ИНСТИТУТ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	91
2.1. Государственная поддержка семей военнослужащих.....	91
2.2 Решение проблемы безнадзорности и беспризорности детей.....	114
2.3 Основные меры материальной поддержки детей	130
ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА, ОХРАНА И ЗАЩИТА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945-1953)	149
3.1. Приоритеты государственной политики в отношении института материнства и детства	149
3.2. Проблемы реализации социальной политики в 1946 – 1953 гг. в Байкальском регионе	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	186
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	194
ПРИЛОЖЕНИЯ	217

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Одна из главных внутренних функций государства – социальная функция. Она реализуется через государственную социальную политику. Для общества и государства социальная политика является неотъемлемой частью всех сфер общественной жизни, способствующей внутренней организации и развитию. На любом этапе существования государства социальная поддержка населения очень важна. Поскольку основной ячейкой общества является семья, то, прежде всего, огромное значение в социальной политике имеют меры, принятые в отношении института семьи, материнства и детства.

Выбранная для исследования тема «Социальная политика СССР в области материнства и детства в 1936 - 1953 гг. (на материалах Байкальского региона)» актуальна. Качественный анализ социальной политики в области семьи, материнства и детства позволит понять условия формирования структуры восточносибирского сообщества на примере выделенных регионов – Иркутской области и Республики Бурятия, определить факторы регионального развития, особенности трансформации государственной политики в изучаемый период.

Актуальность исследования определяется и государственными задачами России в сфере совершенствования социальной политики. Институт материнства и детства всегда остается уязвимой, нуждающейся в защите и охране частью общества. Ст. 38 Конституции Российской Федерации провозгласила тот факт, что материнство и детство находятся под защитой государства, что в свою очередь создает обязанность для правительства заботиться о своих гражданах, воплощая эту заботу в одном из множества направлений социальной политики. При этом в России не прекращается поиск новых форм помощи семьям, постоянно совершенствуется система льгот и пособий, что позволяет сделать вывод о необходимости привлечения дополнительного опыта, в том числе и исторического. Опыт решения обострившихся в изучаемый период социальных проблем поможет доказать необходимость действительно заняться изучением социальных

отношений и их слагаемых в период существования советского государства, поскольку многие социальные проблемы решаемы только с учетом исторического опыта.

Изучение социальной политики в отношении института материнства и детства должно стать одним из источников воссоздания объективной истории 1930-х - 1950-х гг., осмысления этого сложнейшего периода прошлого российского государства. События, которые происходили в изучаемый период, стали основой для дальнейшего развития советского, а далее российского общества. Их влияние на формирование современного института материнства и детства, а также на развитие механизмов реализации социальной политики государства прослеживается как в области поддержки института семьи, так и в сфере защиты и охраны материнства и детства.

Актуальность работы также связана с отсутствием обобщающих и масштабных исследований предмета изучения в Восточной Сибири. Только объективная оценка на основе системного анализа и привлечения широкого пласта архивных материалов позволит представить качественный результат, освещающий не только направления и механизмы реализации социальной политики, но и проблемные вопросы, решение которых может стать основой для преодоления современных проблем социальной сферы, перенимания советского опыта с учетом ошибок, трудностей и особенностей конкретных регионов.

Степень научной разработанности проблемы. Период 1930 – 1950-х гг. стал для историков наиболее обсуждаемым в русле его взаимосвязи с мобилизационными процессами, воплощением коммунистических идей в социальной практике, и, конечно же, в связи с таким масштабным событием как Великая Отечественная война.

Исследования изучаемой тематики условно можно разделить на два периода: советский (конец 1940-х гг. – 1991 г.) и постсоветский (с 1991 г. по настоящее время). Также в отдельную тематическую категорию необходимо выделить работы сибирских исследователей, которые посвятили свои работы ана-

лизу социальной политики в области, в том числе материнства и детства, в Байкальском регионе.

Одним из первых историков, поднявших вопрос изучения социальной политики СССР, стал Н. К. Амосов¹. Проблема оказания помощи населению, забота о народе – главные мотивы исследования автора. Н. К. Амосов отметил, что забота о народе действительно осуществлялась, указал основные формы такой заботы, определив трудности предвоенного и военного времени, нашедшие отражение в социальной среде. Стоит отметить, что для 1940-х гг. социальные исследования были редкостью, а имеющиеся данные не всегда обладали объективностью, поэтому работа Н. К. Амосова стала одной из ключевых точек для продолжения подобных изысканий. Позиция автора интересна и тем, что изложена современником.

В конце 1940-х гг. интерес к тематике социального курса в годы Великой Отечественной войны возрос. Появляется сравнительный анализ социальной политики СССР до и во время войны, а также возникает интерес к исследованию семей военнослужащих и их положения. В военные и послевоенные годы советская власть уделяла особое внимание семьям военных. А. П. Греков первым исследовал проблему обеспечения военнослужащих и их семей социальными льготами, проанализировал меры социальной заботы, а также материальные стимулы, предоставляемые населению в период Великой Отечественной войны². Это было первое исследование, в котором проанализирована социальная политика государства в области семьи и детства.

В 1950 – 1960-е гг., в связи с развенчанием «культы личности» на XX съезде КПСС, исследование истории социальных отношений в рамках изучения института материнства и детства получило новый импульс. Особое внимание было уделено вкладу женщин в победу в ВОВ, их деятельности в тылу. А. Д. Зарубина опубликовала свою статью «Героический труд женщин в период Ве-

¹ Амосов Н. К. Забота социалистического государства о нуждах народа. М.: Профиздат, 1947. 48 с.

² Греков А. П. Льготы и государственное обеспечение военнослужащих и их семей. М.: Воениздат, 1951. 168 с.

ликой Отечественной войны»¹. Историк отмечает, что женщины в военный период несли на себе все трудности работы и быта, в том числе и того, который ранее возлагался на мужчин. Также А. Д. Зарубина указала, что советским женщинам-матерям требовалось огромное количество усилий, чтобы сочетать изнурительный труд с воспитанием детей, которых часто было несколько в семье.

Именно в 1960-е гг. возникают первые работы, в которых рассматриваются региональные особенности социальной политики в сфере материнства и детства. Кроме того, историки актуализируют данные вопросы в рамках исследования деятельности партийных комитетов различного уровня в области формулирования партийных установок применительно к социальной сфере, в процессе реализации которых постепенно формировался механизм осуществления социальной поддержки различным слоям населения. В 1970-е гг. проблема материнства и детства рассматривалась в основном в контексте общей характеристики социальной политики советского государства. Социальное обеспечение в СССР было изучено М. С. Ланцевым². Автор затронул экономический аспект проблемы, осветив всестороннее обеспечение матерей и детей наряду с другими категориями населения СССР. В рамках теории государства и права социальная политика советского государства была рассмотрена В. Д. Попковым. Вопросы материнства и детства были затронуты автором при анализе основных направлений социальной политики государства³.

В 80-х гг. XX в. политика в отношении семей с детьми все еще рассматривалась как часть социального курса государства без указаний отдельных проблем и исключительно в положительном ключе. Количество работ резко возросло, авторы стали делать упор на сравнение периодов социалистического развития в связи с трансформацией господствующей идеологии и ее влиянии на

¹ Зарубина А. Д. Героический труд женщин в период Великой Отечественной войны: (по материалам Хакасии) // Ученые записки. 1963. Вып. 9. С. 40-48.

² Ланцев М. С. Социальное обеспечение в СССР. М.: Экономика, 1976. 143 с.

³ Попков В. Д. Социальная политика советского государства и права. М.: Изд-во МГУ, 1979. 136 с.

внутреннюю политику государства. Так, с уклоном на анализ развитого социализма социальную политику рассматривал В. З. Роговин¹. Отдельного внимания заслуживают работы М. С. Зинич. В статье «Забота советского государства о материально-бытовом положении населения в 1941-1945 гг.»² дана оценка основным направлениям советского социального курса, уделено внимание положению советской семьи.

Отличительной чертой историографии 1980-х гг. стала попытка оценить партийную роль в социальном курсе СССР. До указанного периода деятельность КПСС практически не анализировалась, критического отношения к партийному управлению социальной политикой не наблюдалось. С 80-х гг. XX в. все больше исследователей сталкиваются с необходимостью объективного анализа работы партийных деятелей. Это прослеживается как в трудах М. С. Зинич, так и в работах К. И. Микульского, В. З. Роговина, С. С. Шаталина³. Авторами дана оценка социального курса не только как способа решения проблемы благосостояния населения и создания комфортных условий для проживания в стране, но и как идеологического инструмента, направленного на построение идеалов социалистического жизненного уклада.

На этот же период историографии приходится рост интереса к истории регионов. Так, в Новосибирске публикуется работа В. В. Алексеева и В. А. Исупова «Население Сибири в годы Великой Отечественной войны»⁴. Авторы отмечают особенности демографических процессов в Западной Сибири, используя широкий пласт архивных документов и данных статистики. Представлена оценка положения семей с детьми, отмечена положительная динамика в области разработки мер поддержки советского населения.

¹ Роговин В. З. Социальная политика в развитом социалистическом обществе. М.: Наука, 1980. 205 с.

² Зинич М. С. Забота советского государства о материально-бытовом положении населения в 1941-1945 гг. // История СССР. 1985. №3. С. 87-104.

³ Микульский К. И., Роговин В. З., Шаталин С. С. Социальная политика КПСС. М.: Политиздат, 1987. 351 с.

⁴ Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, 1986. 230 с.

В целом, советская историография социальной политики в области материнства и детства полностью включается в общий курс исследования социальной политики. Отдельных работ, посвященных поддержке семьям и защите детства, не публиковалось. Возможности для изучения проблемы были весьма ограничены, поэтому частные исследования, касающиеся узких проблем, отсутствовали. Единичные работы содержали анализ региональных особенностей политики в отношении материнства и детства. Например, можно выделить работы А. П. Грекова, А. Д. Зарубиной, И. И. Кузнецова¹.

Историография постсоветского периода существенно отличается от предшествующего этапа. Растет спектр рассмотренных проблем, интерес историков все больше сосредотачивается на региональных отличиях реализации социального курса. Значительное количество работ затрагивает проблему положения детей в 1930 – 1950-е гг. Проблема детства была затронута такими авторами как А. С. Ващук², М. Р. Зезина³. Авторы изучали вопросы реализации социальной политики СССР, социальную защиту детей-сирот в военные и послевоенные годы, деятельность органов власти в области решения проблемы беспризорничества. Деятельность по обустройству и помощи детям, оставшимся без родителей, являлась одним из важных направлений социальной политики в период войны и первые послевоенные годы.

Социальные проблемы и социальная политика обозначенного периода все чаще становятся объектом исследования в диссертационных исследованиях. Среди них можно отметить работы А. В. Молодчика⁴, И. В. Пелих¹, которые

¹ Греков А. П. Льготы и государственное обеспечение военнослужащих и их семей. М.: Воениздат, 1951. 168 с.; Зарубина А. Д. Героический труд женщин в период Великой Отечественной войны: (по материалам Хакасии) // Ученые записки. 1963. Вып. 9. С. 40-48; Кузнецов И. И. Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1974. 510 с.

² Ващук А. С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (1945 г. – конец 80-х годов). Владивосток: Дальнаука, 1998. 212 с.

³ Зезина М. Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945 – 1955 г.г.) // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 127-134.

⁴ Молодчик А. Государственная социальная политика СССР и уровень жизни советского населения в 1929-1953 гг.: дис. ... д. ист. наук. М., 2004. 322 с.

подробно рассматривали социальную политику СССР изучаемого периода, однако уклон в работах был сделан на изучение экономических показателей: финансирование данной сферы, привлечение капитала, покупательскую способность населения и обеспечение продовольствием. Вопросы материнства и детства в них получили косвенное рассмотрение. Подобный подход характерен также для трудов Е. Е. Мачульской, Ж. А. Горбачевой², Е. Ю. Зубковой³.

Более подробно проблему социальной политики в отношении материнства и детства стали разрабатывать такие исследователи как А. Авдеев⁴, Л. Е. Васильева⁵, В. А. Рубин⁶, Ф.А. Такташева⁷. В их работах рассматриваются особенности развития семейного права СССР в области охраны материнства и детства, наиболее общие вопросы охраны материнства и детства, реализация государственной политики по отношению к семьям военнослужащих и некоторые другие аспекты данной проблемы.

В это же время появляются историографические работы. В частности, социальная политика советской власти в отечественной и зарубежной историографии рассмотрена в статье М. Ю. Кима, К. А. Кузоро⁸.

Отдельные исследователи в рамках изучения социальной политики сосредотачивают свое внимание на изучении более узкой тематики и хронологических рамок. Так Г.М. Иванова рассматривает финансирование социальной

¹ Пелих И. В. Социальная политика СССР в 1945-1953 гг. (на материалах Краснодарского края): дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 194 с.

² Мачульская Е. Е., Горбачева Ж. А. Право социального обеспечения : учеб. пособие. М. : Кн. мир, 2000. 286 с.

³ Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945-1953. М.: Росспэн, 2000. 229 с.

⁴ Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и в СССР // Историческая демография: Сборник статей. М.: Демографические исследования, 2008. С. 13-71.

⁵ Васильева Л. Е. Особенности развития семейного права СССР в области охраны материнства и детства в 1930-40-е годы // Изв. Саратов. ун-та. 2007. №2. С.67-69.

⁶ Рубин В. А., Рубин А. А. Реализация государственной политики по отношению к семьям военнослужащих и инвалидам войны на Южном Урале в 1941-1945 гг. // Вестник ОГУ. 2009. №4. С. 25-30.

⁷ Такташева Ф.А. Государственная поддержка материнства в 1943 – начале 1950-х гг. (по материалам Сталинградской области) // Известия ВГПУ. 2018. №4 (127). С. 192-196.

⁸ Ким М. Ю., Кузоро К. А. Социальная политика советской власти (1930-е гг.) в отечественной и зарубежной историографии // Вестник ТГУ. 2010. №334. С. 64-67.

сферы¹, региональные проявления политики охраны материнства и детства в РСФСР в 1950-1980 годах исследованы Н. Р. Фахрутдиновой², советская социальная политика в послевоенный период изучена Е. Е. Николаевым³, Д. Ю. Андрейчук⁴. Социальная политика СССР в отношении коренных малочисленных народов затронута А. А. Ермаковой, В. А. Кудашкиным⁵. Динамика социальной политики в отношении детства с 1917 г. по 1940 г. отражена в работе Т. М. Смирновой⁶.

Следует также отметить, что в этот период издаются сборники документов по теме диссертационного исследования. В 2020 г. под руководством В. В. Журавлева, Л. Н. Лазаревой был издан сборник документов «Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947-1953 гг.»⁷, в который были включены наиболее значимые законодательные и делопроизводственные материалы советской эпохи. Эти документы отражают основные направления решения исследуемых проблем на государственном уровне, представленные в данном диссертационном исследовании. Уникальность изданий также состоит в том, что они содержат вступительные статьи с анализом социальных проблем и особенностей эпохи.

Современные иностранные авторы также обращают внимание на проблемы, связанные с институтом материнства и детства в СССР, в контексте реализации социальной политики, при этом особое внимание уделяется изучению

¹ Иванова Г.М. Финансовая политика в социальной сфере в СССР в 1950-1970-е гг. // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. №3-2. С. 525-531.

² Фахрутдинова Н. Р. Политика охраны материнства и детства в РСФСР в 1950-1980 годах и её региональные проявления // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. 2017. №22. С. 129-131.

³ Николаев Е. Е. Советская социальная политика в послевоенный период (1945-1953 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2018. №8 (52). С. 27-33.

⁴ Андрейчук Д. Ю. Особенности социально-экономической политики СССР в первые послевоенные годы (1946-1953 гг.) // StudNet. 2020. №6. С.639-646.

⁵ Ермакова А. А., Кудашкин В. А. Социальная политика СССР в отношении коренных малочисленных народов в 20–50-х годах XX века: проблемы материнства и детства // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 4. С. 97–100.

⁶ Смирнова Т. М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917-1940 гг.. М.: Институт российской истории РАН, 2015. 384 с.

⁷ Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947-1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Росспэн, 2020. 718 с.

периода Второй мировой войны. Так Л. Киршенбаум¹ активно занималась изучением положения советских детей в период войны, а детство в период оккупации стало предметом исследования Б. Штельцль-Маркс², которая затрагивала вопросы «поиска корней» в послевоенное время. По известным причинам работы иностранных авторов в значительной степени политизированы и отражают их идеологические предпочтения. Поэтому не случайно, особое место в зарубежных исследованиях занимает положение семей во времена «сталинского террора». К примеру, Ж. Граффенрид³ и С. Вонг⁴ рассматривают репрессии в среде советских семей и советскую политику в отношении сирот, критикуя меры советской власти. В зарубежных публикациях можно найти исследования, посвященные миграционной политике СССР в послевоенный период, а также множество статей с анализом положения женщин в Советском Союзе. Помимо критики коммунистического режима, эти работы также вполне объективно отражают роль женщин в выполнении оборонных планов в годы войны, их участие в военных действиях на фронтах Великой Отечественной войны.

В настоящее время явно проявляется тенденция изучения различных аспектов социальной политики, включая вопросы материнства и детства, в рамках отдельных регионов. Социальная политика в области материнства и детства на примере Сталинградской области была изучена А. В. Липатовым⁵, Ф. А. Такташевой⁶, В. С. Меркурьевой⁷ и Ф. А. Хуснутдиновой¹, на материалах

¹ Kirschenbaum L. The Meaning of Resilience: Soviet Children in World War II // *Journal of Interdisciplinary History*. 2017. XLVII. Pp. 521–535.

² Stelzl-Marx B. Soviet children of occupation in Austria: The historical, political and social background and its consequences // *European Review of History: Revue européenne d'histoire*. 2015. 22:2. Pp. 277-291.

³ Graffenried J. Silence Was Salvation Child Survivors of Stalin's Terror and World War II in the Soviet Union // *The soviet and post-soviet re-view*. 2015. №42. Pp. 353-372.

⁴ Wong S. The Failure of Soviet Orphan Policies, 1918-1939 // *Armstrong Undergraduate Journal of History*. 2019. Vol. 9. Iss. 2. Pp.112-134.

⁵ Липатов А. В., Меркурьева В. С., Такташева Ф. А. Государственная и общественная поддержка семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны: на материалах Сталинградской области // *Известия ВГПУ*. 2017. №2 (115). С.192-198.

⁶ Такташева Ф. А. Социальная поддержка женщин в Сталинградской области в 1943-м начале 1950-х гг. // *Известия ВГПУ*. 2011. №9. С. 88-91.

⁷ Меркурьева В. С. Правовые основы защиты детей в 1941 1943 гг. (на материалах Сталинградской области // *Известия ВГПУ*. 2015. №1 (96). С. 158-162.

Кировской области – Н. В. Чернышевой², Челябинской области – П. А. Власовой, Г. А. Паниной³, на материалах нижнего Поволжья – Е. Е. Красноженовой⁴, на примере Башкирской АССР – И. П. Кузнецовой⁵. Авторами отмечены особенности реализации социальной политики в области материнства и детства относительно изучаемого региона, отмечены основные проблемы социальной сферы.

Следует также отметить, что различные аспекты социальной политики и состояния социально-бытовой инфраструктуры Восточной Сибири изложены в многочисленных работах историков Иркутска, Красноярска, Бурятии. Наиболее масштабным исследованием Восточной Сибири по праву считается работа И. И. Кузнецова «Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны»⁶. Автор уделяет внимание не только вкладу восточносибирского тыла в победу, но и анализирует основные аспекты жизни рабочих, крестьянства, других слоев населения, анализирует различные факторы, повлиявшие на социально-экономическое развитие региона. Отмечен один из главных векторов развития социально-экономической сферы – максимальное использование женского труда. Работа отличается широким кругом источников и фундаментальностью положений о единстве тыла и фронта в военные годы. И. И. Кузнецов также отмечал, что история сибирской военной повседневности не была изучена до конца и будет еще долгое время требовать внимания исследователей.

¹ Хуснутдинова Ф. А. Восстановление системы охраны здоровья женщин и детей в Сталинградской области в 1943-1945 годах // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2011. №2. С. 211-213.

² Чернышева Н. В. Социальная политика государства в отношении семей военнослужащих в 1941-1945 гг. (на материалах Кировской области) // Вестник ВятГУ. 2012. №1. С. 54-59.

³ Власова П. А., Панина Г. А. Профсоюзные организации Челябинской области и проблемы социальной защиты женщин в годы Великой Отечественной войны // Вестник ЧелГУ. 2012. №34 (288). С.89-94.

⁴ Красноженова Е. Е. Государственная политика по охране материнства и детства в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (на материалах нижнего Поволжья) // Известия ВГПУ. 2012. №3. С. 36-39.

⁵ Кузнецова И. П. Государственная политика в области охраны материнства и детства во второй половине 1940-х – первой половине 1960-х годов (на примере Башкирской АССР) // Вестник ЧелГУ. 2014. №8 (337). С. 41-48.

⁶ Кузнецов И. И. Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1974. 510 с.

Работа по изучению Байкальского региона была продолжена рядом ученых Иркутского государственного университета. Историографический обзор истории Иркутска в военное время был опубликован А. А. Ивановым, С. И. Кузнецовым¹. В статье освещены достижения в научной литературе, посвященные изучению подвига иркутского тыла во время Великой Отечественной войны. Обзор составлен от самых первых публикаций 1941 г., включает брошюры, посвященные подвигам иркутян, воспоминания участников событий, а также широкий региональный архивный материал. Авторы приходят к выводу, что данная тематика все еще развивается и не дошла до финального этапа.

А. А. Иванов, С. И. Кузнецов также принимали активное участие в продвижении в свет хрестоматий и сборников документов, посвященных истории Иркутска. В 2015 г. вышел сборник документов «Иркутск на фронте и в тылу (по материалам ГАНИИО)»². Государственный архив новейшей истории Иркутской области при поддержке иркутских исследователей начал постепенную работу по публикации источников региональной истории изучаемого периода. Среди документов встречаются материалы решений местных органов власти в отношении семей с детьми, данные об объемах помощи населению региона, а также воспоминания, ценные для создания объективной картины жизни региона в военное время. В 2016 г. была опубликована хрестоматия «История Иркутска XX века»³.

Подобные издания характерны и для изучения истории Бурятии. В 2020 г. в свет вышел сборник документов «Бурятия в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», составителями которого стали Б. Ц. Жалсанова, М. С.

¹ Иванов А. А., Кузнецов С. И. Иркутск на фронте и в тылу: обзор советской и современной научной историографии // История подвига : материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Посвящается 75-летию победы, Иркутск, 15 мая 2020 года. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2020. С. 15-23.

² Иркутск на фронте и в тылу (по материалам ГАНИИО) : сборник документов из фондов государственного архива новейшей истории Иркутской области. Иркутск : Оттиск, 2015. 496 с.

³ История Иркутска XX века : хрестоматия. Том 2. Иркутск : Общество с ограниченной ответственностью "Издательство Оттиск", 2016. 544 с.

Новолодская, Н. С. Барданов, Н. С. Ламуева и др.¹. Коллектив авторов произвел качественный отбор документов, посвященных вкладу Бурятии в победу, деятельности партийной и общественных организаций по обеспечению населения и поддержке фронта.

С каждым годом расширяется круг проблем, рассматриваемых исследователями в рамках изучения социальной политики СССР на территории Байкальского региона в 1930 – 1950-е гг. Восточносибирское здравоохранение стало предметом исследования в трудах В. А. Шаламова, В. Ю. Башкуева. Так или иначе, проблема, рассматриваемая авторами, касалась напрямую советской семьи, детей. В. Ю. Башкуев подробно изучил деятельность по борьбе с социальными болезнями, улучшению здоровья и санитарному просвещению в Бурятии в 1930 – 1950-е гг.². Совместно с У. В. Башкуевой им опубликована статья о состоянии санитарной гигиены в столице Бурятии с 20-х гг. XX в. до начала XXI в., в которой подробно исследована санитарно-эпидемиологическая ситуация в регионе и способы ее решения посредством улучшения работы системы здравоохранения, в том числе и через борьбу с детской заболеваемостью³.

Подобные проблемы рассматриваются и в работах В. А. Шаламова, посвященных изучению системы здравоохранения Восточной Сибири⁴. Автором подробно изучены вопросы организации медико-социальных условий населения Восточной Сибири, в том числе и относительно их влияния на развитие института материнства и детства.

¹ Бурятия в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. : Сборник документов / Государственный архив Республики Бурятия. Иркутск : Оттиск, 2020. 848 с.

² Башкуев В. Ю. Пробуждая «буддийский Восток»: кампании за оздоровление и санитарное просвещение в Бурятии и Монголии (1920-1970-е гг.) // Власть. 2015. № 10. С. 198-203.

³ Башкуева У. В., Башкуев В. Ю. Проблемы санитарной гигиены города Верхнеудинска / Улан-Удэ (1920-е годы - начало XXI века // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016 / Министерство образования и науки РФ, Байкальский государственный университет, Региональный центр научных исследований экономической истории России. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2016. С. 420-428.

⁴ Шаламов В. А. Санпросвет в Бурят-Монгольской республике в 1920-1930-е гг. // Десятые байкальские социально-гуманитарные чтения : Материалы: в 2-х томах, Иркутск, 01 марта – 30 2016 года. Том 1. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2017. С. 305-310; Шаламов В. А. Кадровый вопрос в системе Наркомздрава БМАССР и попытки его решения в 1930-е гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2018. № 4(32). С. 33-45.

В свете рассмотрения повседневности советской семьи стоит отметить работу Л. В. Зандановой «Повседневная жизнь населения Байкальской Сибири в XX веке: к постановке проблемы»¹, в которой отмечено, что сибирская историография действительно перешла от макроистории к микроистории, что означает интерес ученых к узким проблемам региона.

Н. Н. Карамашевой одной из первых рассмотрена история борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью. Ее исследование основано на данных архивов Восточной Сибири. Автор проанализирована структура заболеваемости и смертности детей в годы войны. Следует также отметить, что проблема детства рассматривается в контексте влияния таких факторов, как ухудшение материального положения населения и острый дефицит продовольственных товаров. Работы автора также содержат анализ основных направлений деятельности государства по внедрению всестороннего обучения в Восточной Сибири. Автор указывает и на недочеты в социальном курсе советской внутренней политики, которые отражались на положении детей².

Особый вклад в изучение социальной политики и социальных проблем Восточной Сибири внес А. В. Шалак. Обобщенным трудом автора является монография, посвященная социальным проблемам населения Восточной Сибири в 1940-е гг.³ В данной монографии впервые исследуются годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное пятилетие с позиции анализа подробной картины социальной жизни различных слоев населения. Особое внимание уделяется социальному положению малообеспеченных групп, включая детей и семьи военнослужащих. Это исследование проводится на базе широкого спектра

¹ Занданова Л. В. Повседневная жизнь населения Байкальской Сибири в XX веке: к постановке проблемы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2009. № 1. С. 227-232.

² Карамашева Н. Н. Некоторые проблемы охраны детства в годы Великой Отечественной войны: (на материалах Восточной Сибири) // Проблемы отечественной истории. 1993. Вып. 2. С. 84-104.

³ Шалак А. В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940-1945 гг.). Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. 357 с.; Шалак А. В. Условия жизни и быт населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998. 183 с.

источников – материалов местных и центральных архивов, воспоминаний, статистических данных.

Демографические процессы исследуемого периода рассматривались в статье Ю. А. Зуляра «Этапы и результаты демографической политики российского правительства в XIX-XXI вв. О составе и численности сельского населения Иркутского региона»¹. Отдельные аспекты социальной политики в контексте исследуемых проблем затрагивались также В. Н. Казариным².

С точки зрения истории повседневности в рамках изучения проблем семьи и детства несомненный интерес представляют работы Ю.А. Петрушина, написанные на материалах Иркутской области. Автор опубликован историографический обзор Великой Отечественной войны³, а также воспоминания детей войны, являющиеся важнейшим историческим источником по изучению социальной действительности советского общества⁴.

Крупным исследователем детства в Бурятии является Е. В. Банзаракцаева. В ее монографии «Охрана детства в Бурятии в годы Великой Отечественной войны» освящены вопросы положения детей различных категорий - беспризорных и безнадзорных, детей-сирот, детей военнослужащих, опекаемых и патронированных детей⁵. Особое внимание автор отводит быту детских домов, организации спецприемников, организации работы по поиску родственников детей,

¹ Зуляр Ю. А. Этапы и результаты демографической политики российского правительства в XIX-XXI вв. В составе и численности сельского населения Иркутского региона // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2007 / Иркутская государственная экономическая академия. Иркутск : Иркутская государственная экономическая академия, 2007. С. 5-15.

² Казарин В. Н. Советский Союз в 1945-1952 гг.: ключевые проблемы внутренней и внешней политики // История России : пособие для абитуриентов юридического факультета. Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 1998. С. 168-177.

³ Петрушин Ю. А. Историография Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Проблемы фальсификации истории в контексте становления и развития силовых структур, Иркутск, 23–24 апреля 2015 года / Под редакцией П.А. Капустюка. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. С. 175-181.

⁴ Петрушин Ю. А. Дети войны: суровая правда повседневности // Проблемы фальсификации истории в контексте становления и развития силовых структур, Иркутск, 23–24 апреля 2015 года / Под редакцией П.А. Капустюка. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. С. 186-189.

⁵ Банзаракцаева Е. В. Охрана детства в Бурятии в годы Великой Отечественной войны : монография. Улан-Удэ : Издат.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. 165 с.

которые потеряли связь с близкими¹. Е. В. Банзаракцаева также анализировала деятельность советской школы с позиции проникновения в нее идеологии и обязательного политпросвещения².

Охрана материнства и детства также исследована Е. Н. Афанасовой. Автором подробно рассмотрены вопросы детской смертности в Восточной Сибири, организации системы акушерской помощи, открытия новых больниц и борьбы с заболеваемостью детей³. Автором выделены проблемы организации дошкольных учреждений, работы детских домов, а также проанализирована работа различных организаций, направленная на улучшение положения жизни детей в регионе в 1930-е гг.

В целом, социальная политика СССР и ее региональное воплощение уже много лет привлекают внимание исследователей. Уникальные архивные материалы, большой пласт источников личного происхождения делает данную тему неисчерпаемой, а ее актуальность для регионов по-прежнему сохраняется.

Анализ литературы свидетельствует, что вопросы семейной политики, защиты детства либо частично затрагиваются в работах, посвященных социальной политике или условиям жизни населения, либо анализируются в рамках более узкого периода, как правило, ограничиваясь годами Великой Отечественной войны. Все это актуализирует необходимость комплексного исторического исследования с начала разработки концепции государственной политики в кон-

¹ Банзаракцаева Е. В. Организация работы с детьми, потерявшими связь с родителями советских и партийных органов Бурят-Монгольской АССР во время Великой Отечественной войны // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 2(9). С. 77-80. Банзаракцаева Е. В. Детские дома Бурятии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 7. С. 17-21.

² Банзаракцаева Е. В. Военно-патриотическое воспитание в школах Бурятии в годы Великой Отечественной войны // Байкальские встречи - VIII: Историко-культурное наследие региона как фактор социально-экономического развития : Материалы международной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 11–13 сентября 2014 года. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2014. С. 321-325.

³ Афанасова Е. Н. Изменение уровня младенческой смертности в Восточной Сибири в 1920-1930-х гг // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2013. С. 467-473; Афанасова Е. Н. Организация медицинской помощи детям в Восточной Сибири в 1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4-2(30). С. 23-25.

це 1930-х гг., ее последовательного осуществления в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановительного периода. Байкальский регион являлся в годы войны районом глубокого тыла, имел свои экономические и демографические особенности, этническую специфику, что не могло не отразиться на реализации региональной политики в области защиты семьи и детства. Комплексное изучение различных аспектов социальной политики в этой области, ее региональной специфики является актуальной задачей исторической науки, а осмысленный исторический опыт семейной политики несомненно обладает прикладным значением.

Объект исследования – социальная политика государства в области материнства и детства в 1936 – 1953 гг.

Предмет исследования: механизмы и практика реализации социальной политики в области материнства и детства в 1936 – 1953 гг. в Байкальском регионе.

Следует отметить, что содержание понятия «социальная политика» в области института материнства и детства включает следующие элементы:

- социальное обеспечение матерей и детей, в том числе мероприятия, направленные на повышение уровня жизни советской семьи;
- предоставление экономических гарантий матерям и детям – пособий, льгот, регулирование доходов, жилищных условий;
- предоставление образовательных услуг и услуг в сфере здравоохранения;
- координация и содержание специализированных заведений для детей-инвалидов, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Цель работы: изучение социальной политики в области материнства и детства на территории Байкальского региона, а также результатов политики в контексте социально-политических и экономических процессов, происходивших в СССР в 1936 – 1953 гг.

Задачи диссертационного исследования:

- рассмотреть нормативно-правовые основания социальной защиты и социального обеспечения материнства и детства, а также меры социальной поддержки в СССР;
- выделить особенности реализации социальной политики в Иркутской области и Республике Бурятия;
- обозначить основные изменения в курсе социальной политики в период Великой Отечественной войны;
- дать общую характеристику государственной поддержки отдельных категорий граждан: военнослужащих, детей-сирот, матерей-одиночек;
- проанализировать масштабы привлечения населения к оказанию помощи семьям с детьми;
- дать оценку борьбы с беспризорностью и правонарушениями несовершеннолетних;
- сформулировать основные проблемы реализации социальной политики в изучаемых регионах;
- оценить влияние социальной политики в области материнства и детства на уровень жизни населения Байкальского региона.

Гипотеза: социальная политика СССР в области материнства и детства в 1936 – 1953 гг. стала одним из ключевых направлений в политике советского государства. В Байкальском регионе данная политика имела свои специфические черты и оказала особое воздействие на складывание социальных отношений, отразилась на менталитете населения, а также создала предпосылки для дальнейшей трансформации института семьи, материнства и детства.

Хронологические рамки исследования определены 1936 – 1953 гг. Нижняя граница обусловлена принятием Конституции СССР, в которой отчетливо сформулированы меры и направления социальной политики в отношении института материнства и детства. Верхняя граница определена 1953 г., началом нового этапа в области внутренней политики, связанного с внутривластной борьбой и изменением приоритетов советского государства.

Территориальные рамки исследования определены границами Иркутской области и Республики Бурятия в 1936 – 1953 гг., поскольку данные территориальные единицы являются близкими по природно-географическим условиям, экономическим и социокультурным особенностям развития. При этом нужно отметить, что данные территориальные образования, входящие в состав Восточно-Сибирского края, с его упразднением в 1936 г. были определены как Бурят-Монгольская АССР и Восточно-Сибирская область. В свою очередь, в 1937 г. Иркутская область была выделена из состава Восточно-Сибирской области, а из Бурят-Монгольской АССР был выведен Усть-Ордынский Бурятский автономный округ, который в последующем территориально определен к Иркутской области. Таким образом, на период хронологических рамок исследования в составе Иркутской области находились 30 районов, девять городов и Усть-Ордынский Бурят-Монгольский национальный округ, а Бурят-Монгольская АССР включала 15 районов, из которых три носили статус национальных, и два города.

Выделенные территориальные рамки позволяют всесторонне изучить механизмы реализации социальной политики в области материнства и детства, а также ее особенности.

Теоретико-методологическая основа исследования. В основу диссертационного исследования заложены принципы научной объективности, историзма и системности. Методологической основой проведенного исследования является материалистическое понимание истории, которое позволяет наиболее полно учитывать взаимосвязь существующей социальной организации общества и экономических процессов в условиях глубоких трансформационных изменений, обусловленных войной. Принцип системности позволил осуществить обобщение, интерпретацию и использование теоретических положений, научных принципов и концептуальных позиций, обоснованных ведущими отечественными и зарубежными учеными.

При изучении темы диссертационного исследования автор опирался также на традиционные для исторических исследований общенаучные и специаль-

но-исторические методы. Основными общенаучными методами исследования являются анализ, синтез, сравнение, дедуктивный метод. При помощи анализа осуществлены отбор, структурирование и систематизация различных эмпирических данных, имеющих отношение к показателям демографических процессов, оценки численности семей в СССР, а также иных групп населения. Статистический анализ использован для оценки основных численных показателей, содержащихся в архивных источниках и иных информационных материалах: объемов помощи населению, динамики финансирования социальной политики и т.д. Метод синтеза использован при обобщении полученных данных, а также при формулировании выводов исследования. Дедукция позволила сделать вывод относительно основных черт социальной политики СССР в области материнства и детства.

Для написания диссертации также применялись специально-исторические методы. Историко-генетический метод способствовал последовательному раскрытию основ социальной политики СССР в процессе ее динамики с 1936 по 1953 гг., что позволило в наибольшей мере выявить особенности изучаемого явления. Историко-сравнительный метод применялся при выявлении особенностей и отличительных черт социальной политики довоенного, военного и послевоенного времени, а также межрегиональных различий. На основе применения историко-типологического метода в диссертационном исследовании выявлены и сформулированы совокупность факторов и признаков, которые характеризуют социальную политику изучаемого периода. Историко-системный метод позволяет рассмотреть социальную политику в канве исторических событий и явлений, в единстве общественно-исторического развития изучаемой эпохи.

Помимо перечисленных выше методов, был применен такой социологический метод обследования, как интервью. Данный метод использован для изучения общественного мнения современников изучаемых событий. Интервью с бывшими гражданами СССР, которые застали данный изучаемый период, позволило на частных примерах дать оценку реализации социальной политики СССР в области материнства и детства.

Источниковая база исследования. Источники диссертационного исследования можно разбить на несколько групп. Первую и самую важную группу составляют неопубликованные источники, хранящиеся в архивах Байкальского региона.

Источниковая база исследования содержит материалы пяти архивов Байкальского региона. Проанализированы данные 16 фондов ГАИО, а также 11 фондов его подразделения ЦДНИ, 13 фондов ГАРБ, 2 фонда МКУ «Архив города Черемхово», 1 фонд архива Заларинского района. Общее состояние источниковой базы для изучения проблемы социальной политики в области материнства и детства является удовлетворительным. Местные архивы Иркутской области и Бурятии богаты источниками, позволяющими дать полноценную оценку курса социальной политики и его проведения местными властями. В настоящее время в архивах по-прежнему остается неизученным большое количество материалов, на основе которых могут быть написаны множество работ, дополняющих и расширяющих выбранную тематику.

Данные по проведению социальной политики в области материнства и детства содержатся в фондах Государственного архива Иркутской области (ГАИО). В фондах 155 «Отдел народного образования Исполнительного комитета Верховенского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», 160 «Отдел народного образования Исполнительного комитета Иркутского г. Иркутск», 246 «Отдел народного образования Исполнительного комитета г. Тулун Тулунского округа Сибирского края» были заимствованы сведения о положении дел в области образования и культуры региона, отмечены основные особенности проведения социальной политики в области детства, в том числе, снабжения школ, строительства новых учебных заведений, реализации образовательных и воспитательных программ в изучаемый период.

Огромное значение для анализа итогов социальной политики имели фонды отделов здравоохранения – Зиминского (ф. 265), Исполнительного комитета Восточно-Сибирского краевого Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ф. Р-3101), данные Министерство здравоохранения Иркутской

области (ф. Р-1893). Архивные документы указанных фондов позволили дать оценку количественным и качественным показателям учреждений здравоохранения, в том числе получить информацию о снабжении больниц, детских поликлиник, родовспомогательных учреждений, акушерско-фельдшерских пунктах Иркутской области и Республики Бурятии. Кроме того, приведены данные о наличии сети аптек в регионе и состоянии их снабжения лекарствами, необходимыми детям.

Проведение социальной политики в области материнства и детства на местах, а также ошибки, встречающиеся в реализации взятого курса выделены на основе данных фондов Исполнительных комитетов (ф. 600). В фонде содержится информация об основных отчетах органов власти, а также акты проверки выполнения социального курса в отдельных районах, аймаках.

Особый пласт источников в ГАИО содержится в фондах комиссий по улучшению жизни детей (ф. 635, ф. 729). Для оценки состояния безнадзорности и беспризорности, а также мер, принимаемых в Байкальском регионе для улучшения положения детей, оставшихся без попечения родителей, использованы отчеты комиссии, а также жалобы, направляемые в ее адрес и иные документы.

Вторым важным для исследования архивом стал Государственный архив Республики Бурятии (ГАРБ). Его фонды содержат огромный пласт информации по проведению социальной политики в области материнства и детства в Бурятии. Для оценки помощи семьям с детьми важными источниками стали фонды райкомов ВЛКСМ (ф. 36, ф. 40). Данные фонды содержат дела, связанные с участием комсомольцев в социальной политике и оказании помощи женщинам и детям. На основе данных источников сделаны выводы об основных мерах поддержки и ее объемах.

Ф. 60 «Политотдел 4-го отделения ВСЖД» помог оценить масштабы беспризорности на транспорте в изучаемый период, а также проанализировать эффективность работы с детьми при оформлении их в приемники. Основная информация по мерам, принимаемым на уровне республики, в отношении жен-

щин и детей содержится в фондах П-1 «Бурят-Монгольская областная контрольная комиссия ВКП(б)» и П-2 «Улан-Удэнский горком КПСС», на основе которых сформулированы выводы об участии партии в решении проблем материнства и детства.

Фонды министерства здравоохранения РБ и медицинских производственных объединений позволили оценить уровень развития системы здравоохранения Республики Бурятии, что немаловажно для жизнеобеспечения семей, детей и граждан в целом.

Для исследования также применены данные Центра документации новейшей истории Государственного архива Иркутской области (ЦДНИ ГАИО). Прежде всего, это фонды районных и городских комитетов (ф. 29, ф. 67), партийные фонды, содержащие материалы принятых решений по реализации курса социальной политики (ф. 127, ф. 159, 199, 243), фонды профсоюзных организаций образовательных учреждений (ф. 1913). Архивные материалы позволили получить данные по отдельным районам Иркутской области и выявить проблемные аспекты реализации социальной политики в регионе в целом.

Из местных архивов также использованы фонды треста «Черемховуголь», содержащие информацию о жилищном строительстве и снабжении работников предприятий и их семей жильем. Данная информация содержится в Архиве города Черемхово.

Среди опубликованных источников отдельным видом можно выделить законодательные акты, среди которых Конституция СССР 1936 г., множественные Постановления ЦИК, СНК, регулирующие различные аспекты социальной политики – назначение пособий и льгот, реализацию мер по борьбе с безнадзорностью и беспризорностью, регулирование деятельности органов власти. Указы Президиума ВС СССР позволили составить перечень мер, реализуемых государством в сфере налогов и сборов, усыновления, улучшения социального обеспечения отдельных категорий семей. Постановление ЦИК СССР N 65, СНК СССР N 1134 от 27.06.1936 «О запрещении аборт...» позволило определить основу курса социальной политики в отношении материнства и детства – по-

вышение рождаемости, необходимость решения демографической проблемы страны. Указ Президиума ВС СССР от 19 мая 1949 года «Об улучшении дела государственной помощи многодетным и одиноким матерям и улучшении условий труда и быта женщин» помог определить основные меры поддержки семей с детьми, дать оценку социальному обеспечению советской семьи в сравнении с предыдущими документами, в том числе Указом Президиума ВС СССР от 25 ноября 1947 года «О размере государственного пособия многодетным и одиноким матерям». Указ Президиума ВС СССР от 10.04.1942 «О местных налогах и сборах» был использован для анализа льгот для многодетных и одиноких матерей. Положение детей, оставшихся без попечения родителей, рассмотрено на основе таких законодательных источников как Указ Президиума ВС СССР от 08.09.1943 «Об усыновлении».

Также были использованы материалы периодической печати, в особенности таких газет как «Ленская правда», «Восточно-Сибирская правда», «Колхозная правда», «Сталинский путь», «Ленский шахтер». На страницах газет публиковалась официальная позиция власти в отношении материнства и детства, освещались законодательные изменения в назначении пособий нуждающимся. Особо стоит отметить популяризацию помощи нуждающимся категориям населения: велось привлечение к общественным работам, сбору средств для семей фронтовиков, публиковались объемы оказанной помощи. Периодическая печать предоставляет большие возможности для изучения социальной политики в области материнства и детства. Анализ материалов из печатных изданий позволяет использовать информационные и аналитические данные исследования, которые важны для понимания разнообразных явлений, происходящих в обществе во время публикации изданий. Газеты и журналы советской эпохи являются необходимым элементом в изучении социальной политики, так как они помогают создать объективную картину взаимоотношений общества и государства и дополняют другие исторические источники.

Большой пласт источников опубликован в сборниках документов. Для исследования активно анализировались такие сборники как «Конституции и

конституционные акты РСФСР (1918-1937)» под ред. А. Я. Вышинского¹. Это один из первых сборников документов интересующего нас периода, содержащий все законы, необходимые для анализа изменений социального курса с 1936 г. Более поздние акты опубликованы в издании «Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР» под ред. М. И. Юмашева, Б. А. Жалейко².

Активно ведется работа по публикации архивных материалов ГАРБ и ГАИО. В 2011 г. вышел сборник документов из фондов ГАНИИО «Всё для фронта, всё для победы!»³. В нем нашли место как Указы и Постановления местных властей, так и источники личного происхождения. Под ред. Б. Ц. Жалсановой, М. С. Новолодской, Н. С. Барданова в 2020 г. вышел сборник «Бурятия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»⁴, в котором нашли отражения материалы из фондов архивов Бурятии, содержащие множество статистических данных о положении региона в этот сложный период. Работа по публикации подобного рода источников является регулярной для Бурятии. Еще в 2005 г. в свет вышел сборник «Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.»⁵, в котором собрано множество материалов о вкладе женщин в экономическое развитие региона, а также о поддержке многодетных и одиноких матерей со стороны местных органов власти.

Уникальными источниками являются воспоминания. Прежде всего, это материалы, полученные автором диссертационного исследования в ходе интервью. Интервью с Н. Ф. Безносовой 1933 г. р., жительницей рп. Залари, а ранее д. Яндон Заларинского р-на позволило выявить особенности жизни семей с

¹ Конституции и конституционные акты РСФСР (1918-1937): сборник документов / под ред. А. Я. Вышинского. М.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. 298 с.

² Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. (1938 - июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. – М.: Госюриздат, 1956. – 500 с.

³ Всё для фронта, всё для победы!: сборник документов из фондов ГАНИИО. Иркутск: Оттиск, 2011. 512 с.

⁴ Бурятия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: [сб. док.] / авт.-сост.: Б.Ц. Жалсанова, М.С. Новолодская, Н.С. Барданов и др.; науч. ред. Л.В. Курас. Иркутск: Оттиск, 2020. 848 с.

⁵ Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны 1941 -1945 гг.: документы и воспоминания. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2005. 320 с.

детьми в небольших поселениях региона. Из интервью с А. У. Янхаевой 1938 г. р. отмечены особенности проживания детей в бурятских деревнях, а также особенности организации обучения детей в сельских школах. Интервью с А. И. Кругловым позволило выделить проблемы обеспечения детей уже в начале 1950-х гг. Беседа с А. Ф. Глушаченко 1933 г.р. помогла дать оценку влияния репрессивной политики государства на семьи с детьми.

Стоит выделить книгу воспоминаний под редакцией коллектива Иркутского колледжа педагогического образования «Дети войны: сборник воспоминаний и очерков ветеранов ИКПО»¹. Были опубликованы материалы, собранные в ходе бесед с жителями Иркутска, которые застали войну, будучи детьми. Именно в этих воспоминаниях прослеживается вся тяжесть детской трудовой мобилизации в период Великой Отечественной войны.

В постсоветском пространстве ежегодно публикуются сборники с источниками личного происхождения и мемуары отдельных личностей. Для нашего исследования особую ценность имел сборник «Дети войны»², опубликованный преподавателями Иркутского регионального колледжа педагогического образования. Собранные воспоминания о жизни в военное время, о трудном детстве, потерях и невзгодах нуждаются в сохранении, в передачи следующему поколению этого уникального опыта адаптации к военному времени, использованию всех внутренних и внешних ресурсов для вживания и победы.

Еще одним видом источников, позволившим оценить динамику развития социальной сферы СССР в изученный период, стали статистические материалы, которые содержат данные о численности населения, его структуре, количестве женщин, возрастных групп населения, а также данные о жилищном строительстве, уровне жизни, доходах населения и многих других показателей развития социально-экономической сферы. Стоит отметить сборник «СССР в циф-

¹ Дети войны: сборник воспоминаний и очерков ветеранов Иркутского колледжа педагогического образования / сост. Л. Д. Свирковская. Вып.2. 2016. 66 с.

² Дети войны: сборник воспоминаний и очерков ветеранов Иркутского регионального колледжа педагогического образования / сост. Л. Д. Свирковская. Вып. 2. Иркутск: ГБПОУ ИО ИРКПО, 2016. 66 с.

рах», в котором опубликованы материалы в динамике от дореволюционных показателей до 1958 г.¹ Материалы данного сборника позволили оценить общее состояние развития института материнства и детства в СССР. Важное значение для исследования имели опубликованные в сборниках материалы Иркутскстата «За строкою цифр: к 95-летию Иркутской статистики»² и «Память о великом подвиге: цифры и факты. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.»³, содержащие общую информацию об истории региона в цифрах.

Положения и выводы, выносимые на защиту:

- К середине 1930-х гг. советское государство приступает к разработке концепции социальной политики и реформированию социальной сферы, в том числе института семьи и детства. К этому времени накопился комплекс проблем, который требовал скорейшего разрешения: отсутствие социальных гарантий для родивших женщин, многодетных семей, мер поддержки матерей-одиночек. Серьезной проблемой являлась общая неразвитость социальной сферы: высокая потребность в женских консультациях, родильных домах, детских медицинских учреждениях, кадровом потенциале и др. Трудности имелись в области стабилизации санитарно-эпидемиологической обстановки, борьбе с социальными болезнями, образовательной политики, что имело прямое отношение к институту семьи и детства. Уже к 1936 г. в Байкальском регионе активно продвигалось строительство лечебных учреждений, ежегодные расходы на данное мероприятие росли. Например, в Бурятии было выделено 1035 тыс. руб. Для Иркутской области 1937 г. стал фактически годом образования, чертой в проведении нового курса в социальной политике государства в области воспитания подрастающего поколения.

- Меры, предпринимаемые в курсе социальной политики СССР в области материнства и детства, были весьма разнообразны, что подчеркивает осознание

¹ СССР в цифрах [в 1958 году] : [краткий сборник статистических материалов]. М.: Центр стат. упр. при Совете Министров СССР, 1958. 469 с.

² За строкою цифр: к 95-летию Иркутской статистики Иркутск: Иркутскстат, 2015. 94 с.

³ Память о великом подвиге: цифры и факты. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.. Иркутск: Иркутскстат, 2020. 50 с.

советским государством значимости семьи и подрастающего поколения. Поддержка материнства и детства, создание условий для воспитания подрастающего поколения, защита детей, оставшихся без попечения родителей, несомненно, стали важнейшими задачами внутривластного курса. В Б-МАССР к 1940 г. количество медицинских учреждений для беременных женщин увеличилось до 4 самостоятельных консультаций и 7 смешанных. Только за один год педиатров в детских консультациях посетили 37253 ребёнка. К 1938 г. в регионе действовало 1427 школ, в которых проходило обучение 27,2 тыс. человек. За 1937 г. на развитие образования и здравоохранения было выделено 17725,6 млн. руб. Объем финансирования социальной политики увеличивался от года к году и к 1939 г. достиг суммы в размерах 8428 млн. руб. на развитие просвещения, 2307 млн. на здравоохранение. Реализация социальной политики во второй половине 1930-х гг. ставила перед местными органами власти множество новых задач. Однако поставленные в предвоенный период задачи были решены лишь частично, предпочтение на местах отдавалось решению чисто хозяйственных проблем. Несмотря на принятые меры в области защиты института материнства и детства, в предвоенные годы не удалось существенно продвинуться в области создания соответствующей социальной инфраструктуры.

- В годы Великой Отечественной войны рождаемость в Байкальском регионе снизилась более чем в два раза. Например, в Иркутской области она сократилась с 50 тыс. детей в 1940 г. до 19,5 тыс. детей в 1945 г. На состояние института семьи и детства огромное влияние оказало широкое вовлечение женщин в народное хозяйство региона. В этот период забота о детях являлась одним из важнейших направлений социальной политики государства и местных органов власти. Принимаемые меры в годы войны затрагивали самые востребованные аспекты защиты материнства и детства. Особенно отчетливо они проявились в деятельности по развитию и поддержке детских дошкольных учреждений. К 1945 г. в Бурят-Монгольской АССР было 107 садов, в которых воспитывались 7586 детей, что более чем в два раза превышало предвоенный уровень. В Иркутской области к началу 1944 г. количество детских садов превыси-

ло довоенные уровень в 3,2 раза. Помощь семьям военнослужащих, детям-сиротам носила характер постоянного попечения и являлась разнообразной. Проблемы, возникающие на местах, были обусловлены невысоким уровнем развития социально-бытовой инфраструктуры, недостатком ресурсов и человеческим фактором – недобросовестным исполнением служебных обязанностей. Несмотря на многие недостатки, органам власти в регионе удалось решить одну из основных задач: не допустить потери подрастающего поколения и даже сократить детскую смертность в сравнении с довоенным периодом.

- Фундаментальное значение для решения проблем семьи и детства особенно в годы войны, имела разнообразная по форме помощь со стороны населения региона. Организация данной помощи являлась важным элементом механизма реализации политики по сохранению института семьи и детства. Важное значение имело отражение этой деятельности в идеологической работе. Активно велась пропаганда с призывами поддерживать женщин и детей, публиковались сведения о мерах поддержки, объемах помощи. Большое значение имела организация дополнительного питания для детей, в том числе из многодетных семей и детей эвакуированных граждан. На предприятиях Иркутска на февраль 1943 г. действовало 98 комиссий, оказывающих помощь семьям мобилизованных граждан.

- В механизме реализации социальной политики в области материнства и детства важное значение уделялось борьбе с безнадзорностью и беспризорностью. Байкальский регион был одним из самых неблагополучных по показателям детской беспризорности на протяжении всего военного времени. На протяжении войны расходы на содержание детских домов и на борьбу с беспризорностью устойчиво росли. В 1945 г. в Иркутской области на содержание детских домов и борьбу с беспризорностью было выделено 18,2 млн. руб., что превышало бюджет 1944 г. на 3,8 млн. Решение проблемы осложнялось низким уровнем вовлеченности общественности в работу по данному направлению. Лишь в конце войны удалось отладить механизм деятельности по профилактике безнадзорности и беспризорности, включая создание сети специализирован-

ных детских учреждений, расширение системы патронирования, что позволило обеспечить выживание детей, оставшихся без родителей.

- После окончания войны важнейшей целью государственной политики в области материнства и детства стала стабилизация демографической ситуации и повышение рождаемости. Основным направлением деятельности в этом направлении стали меры по повышению социальной защищенности женщин и детей, введение ежемесячных пособий на детей, возобновление выплат материнского капитала, обеспечение доступа к качественному образованию и медицинской помощи, а также развитие детских учреждений, включая детские сады, школы и медицинские учреждения. Особенно значительные успехи были достигнуты в области расширения сети образовательных учреждений в городах и поселках городского типа. В Бурятии в поселках городского типа количество школ выросло в три раза, с 54 в 1941 г. до 163 в 1950 г. Сеть детских дошкольных учреждений в послевоенный период сократилась в связи с изменением режима работы, а также сокращением удельного веса женщин в структуре рабочей силы. В Иркутской области количество детских садов в 1947 г. в сравнении с 1946 г. сократилось незначительно, с 336 до 324, но детей в них уменьшилось на 33%. В БМАССР сокращение было масштабнее: сеть детских садов за этот период уменьшилась более чем в два раза, с 115 до 52, а количество детей с 6728 до 2906 человек.

- В 1945-1953 годах в Иркутской области и Республике Бурятия семьи с детьми имели стабильное социально-экономическое положение. Для многодетных семей сохранялись и расширялись меры социальной поддержки, особое внимание стало уделяться матерям-одиночкам. В то же время поддержка института семьи и детства не носила ярко выраженного приоритетного начала, как в годы войны. Органы власти, решая задачи восстановления разрушенного хозяйства и укрепления обороноспособности страны, рассматривали вопросы социальной политики как второстепенные. Данная тенденция отчетливо проявляется в деятельности местных органов власти Иркутской области и Бурятии.

- В СССР комплексный подход к защите института семьи и детства получил после принятия новой Конституции в 1936 г. В годы войны эта проблема была актуализирована и превратилась в одно из основных направлений деятельности органов власти в регионе. Высокая вовлеченность населения региона в эту деятельность являлась важным стабилизирующим фактором в тылу и моральной поддержкой защитникам Отечества. Законодательное оформление политики по защите института материнства и детства в данный период имело большое значение для решения демографических потерь страны, понесенных в годы Великой Отечественной войны, и успешного развития народного хозяйства.

Научная новизна исследования состоит в комплексном применении ранее не использованных архивных материалов, а также материалов интервью, достоверность которых подтверждается архивными данными. Проанализированы основные меры социальной политики в отношении института материнства и детства на материалах Байкальского региона. Локальный характер исследований дополняет имеющиеся труды по данной тематике и расширяет представление о специфике и особенностях реализации данного социального курса на местах, в частности на территории Иркутской области и Республики Бурятия.

Практическая значимость исследования. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы для подготовки общих и специальных учебных курсов, написания исследовательских работ, посвященных социальной политике СССР в области материнства и детства. Материалы могут найти отражение в таких вузовских курсах, как «История», «История России XX века», «История отечественного государства и права». Помимо этого, диссертация представляет особый интерес для краеведческой работы, поэтому может быть полезна для организации проектной и исследовательской деятельности, как в вузах, так и в образовательных учреждениях иных уровней.

Степень достоверности и апробация исследования. Результаты проведенного исследования нашли отражения в ряде публикаций, а также обсуждались на заседаниях «Шерстобоевских чтений» Байкальского государственного

университета (Иркутск, 2021, 2022, 2023 гг.), на конференции «Россия и Сибирь в изменяющемся мире: история и современность» (Иркутск, 20 апреля 2022 г.).

Статьи, опубликованные в журналах из перечня ВАК:

1. Бурдина, Д. А. Меры социальной поддержки и защиты материнства и детства на территории Иркутской области и Б-МАССР (1936-1953 гг.) / Д. А. Бурдина // Genesis: исторические исследования. – 2022. – № 9. – С. 79-89. – DOI 10.25136/2409-868X.2022.9.38554.

2. Бурдина, Д. А. Привлечение населения СССР к оказанию помощи семьям с детьми в годы Великой Отечественной войны (на примере Байкальского региона) / Д. А. Бурдина // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 4. – С. 44 - 53. – DOI: 10.7256/2454-0609.2023.4.43632.

3. Бурдина, Д. А. Решение медико-социальных проблем материнства и детства в курсе социальной политики СССР 1936-1953 гг. (на материалах Иркутской области и Бурят-Монгольской АССР) / Д. А. Бурдина // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2022. – Т. 41. – С. 53-59. – DOI 10.26516/2222-9124.2022.41.53.

4. Бурдина, Д. А. Решение проблем безнадзорности и беспризорности в рамках реализации социальной политики СССР 1936-1953 гг. (на материалах Байкальского региона) / Д. А. Бурдина // Исторический журнал: научные исследования. – 2022. – № 4. – С. 39-48. – DOI 10.7256/2454-0609.2022.4.38570.

5. Шалак, А. В., Бурдина Д. А. Проблема сохранения подрастающего поколения местными органами власти Байкальского региона. 1936-1950 гг. / А. В. Шалак, Д. А. Бурдина // Вестник архивиста. – 2022. – № 2. – С. 571-583. – DOI 10.28995/2073-0101-2022-2-571-583.

Статьи, опубликованные в журналах перечня РИНЦ:

1. Бурдина, Д. А. Историография социальной политики СССР в области материнства и детства в 1936-1953 гг. / Д. А. Бурдина // Иркутский историко-экономический ежегодник 2021. – Иркутск : Байкальский государственный университет, 2021. – С. 398-405.

2. Бурдина, Д. А. К вопросу о финансировании социальной политики в сфере поддержки материнства и детства в Байкальском регионе в 1936-1940 гг / Д. А. Бурдина // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2023 : Сборник статей. – Иркутск : Байкальский государственный университет, 2023. – С. 170-175. – DOI 10.17150/978-5-7253-3124-0.19.

3. Бурдина, Д. А. Развитие системы детских дошкольных учреждений как элемент социальной политики в области материнства и детства в СССР в 1936-1953 гг. (на материалах Иркутской области и б-МАССР) / Д. А. Бурдина // Россия и Сибирь в изменяющемся мире: история и современность : Материалы всероссийской (с международным участием) научно-теоретической конференции, Иркутск, 20 апреля 2022 года. – Иркутск: Издательство «Репроцентр+», 2022. – С. 196-201.

4. Бурдина, Д. А. Социальная политика СССР в области материнства и детства 1936 – 1953 гг.: анализ периодической печати Иркутской области / Д. А. Бурдина // Наукосфера. – 2022. – № 4-2. – С. 20-23.

5. Бурдина, Д. А. Социально-экономическое положение семей с детьми в Иркутской области и Республике Бурятия в 1945-1953 гг / Д. А. Бурдина // Иркутский историко-экономический ежегодник : Сборник статей. – Иркутск : Байкальский государственный университет, 2022. – С. 160-164. – DOI 10.17150/978-5-7253-3085-4.12.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, поделенных на шесть параграфов, заключения, списка источников и литературы, приложений.

Первая глава посвящена проблемам социальной политики СССР в довоенный период. Рассматриваются вопросы поддержки и охраны материнства и детства с принятия Конституции СССР 1936 г. и до начала военного вторжения Германии. Отмечен скачок в развитии здравоохранения, образования, мер социальной поддержки семей с детьми. При этом указаны основные проблемы, сохраняющиеся с 1920-х гг. и плавно перетекающие в следующие десятилетия так и нерешенными.

Вторая глава рассматривает период Великой Отечественной войны, в рамках которого уделялось большое внимание поддержке семей и организации жизни детей, их досуга, обучения, приобщения к труду. Отмечены новые проблемы, отразившиеся в курсе социальной политики, указаны ошибки местного партийного руководства при ее реализации на практике в Байкальском регионе. Третья глава содержит анализ послевоенного периода социальной политики СССР, в том числе в рамках восстановления экономики страны и влияния данных процессов на население, в том числе на семьи с детьми.

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА (1936 – 1941 ГГ.)

1.1. Актуальные проблемы материнства и детства в довоенное время

Общеполитический курс государства всегда направлен на развитие отдельных сфер жизни страны и граждан. Его ключевым компонентом является социальная политика, целью которой становится улучшение уровня жизни населения, его благосостояния, защита и поддержка отдельных социальных групп. В наиболее широком смысле под социальной политикой стоит понимать особый способ удовлетворения потребностей граждан; в узком же смысле – это инструмент, позволяющий сдерживать социальные противоречия.

В рамках проведения социальной политики реформированию и модернизации подвергаются такие сектора, как здравоохранение, образование, социальная инфраструктура, условия труда, личные доходы, демографические процессы. Особое место в данном процессе отводится мерам поддержки населения, в частности в адрес женщин и детей, которые являются одними из самых уязвимых категорий граждан.

Напрямую с материнством и детством связано решение проблем здравоохранения, начиная от организации родовспомогательных учреждений, наблюдений за течением беременности и заканчивая образованием комплексной сети педиатрических отделений, чья деятельность бы способствовала сохранению подрастающего поколения, борьбе с высокими показателями младенческой и детской смертностью. Отчетливая связь имеется со сферой образования, поскольку в рамках учреждений образовательной системы идет процесс формирования личности будущего советского гражданина. В дошкольных и общеобразовательных учреждениях осуществляется полноценный воспитательный процесс, который напрямую связан с институтом материнства и детства.

В СССР вопрос поддержки семей с детьми стал одним из самых актуальных. После революционных событий 1917 г. и гражданской войны страна нахо-

дилась в демографическом кризисе. Высокий уровень младенческой смертности, низкая продолжительность жизни, падение уровня рождаемости и отсутствие широкого круга социальных гарантий для граждан требовали от власти пересмотра имеющегося социального курса и поиска новых путей развития страны.

Согласно данным всесоюзной переписи населения, в СССР к 1937 г. проживало около 164 млн. чел., в Восточно-Сибирской области – 1757,3 тыс. чел., в том числе в Бурят-Монгольской АССР 624,6 тыс., в Иркутской области – 1302,9 тыс.¹ Особенно быстро в Иркутской области рос удельный вес городского населения. В сравнении с 1926 г. население Иркутска увеличилось к 1937 г. на 221,3% и составило 227,3 тыс. жителей города².

Согласно результатам переписи 1937 г., в СССР проживало 33,7 млн. детей в возрасте до 9 лет, а также 28,3 млн. несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет. Количество семей в стране достигло показателя в 64,5 млн.³, однако стоит учесть, что в это значение входили абсолютно все возрастные категории, которые имели отметки о заключении брака, в том числе и овдовевшие граждане. Не было отдельного подсчета численности семей, имеющих детей и даже средних показателей численности детей в советской семье. Отметим также, что сама перепись 1937 г. была объявлена «вредительской», поскольку ее результаты не сошлись с ожидаемыми прогнозами властей. Многие данные были засекречены, а оставшиеся архивные документы опубликованы впервые лишь в 1990 г. Именно поэтому к указанным цифрам стоит относиться критически, их погрешность по данным различных исследователей может составлять от 1 до 5%.

Социальное положение семьи в государстве определяется, прежде всего, жилищными условиями. Именно они становятся важным показателем качества

¹ Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов / Сост. В.Б.Жиромская, Ю.А.Поляков. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. С. 42.

² Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов / Сост. В.Б.Жиромская, Ю.А.Поляков. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. С. 60.

³ Там же. С. 70.

жизни граждан. В социальной политике СССР во второй половине 30-х гг. XX в. жилищная проблема оставалась нерешенной. Получение жилья было напрямую связано с трудовой деятельностью. В период проведения индустриализации росли города и рабочие поселки. Трудоустройство должно было стать гарантом получения жилья от предприятия. Снабжение рабочих жильем должно было стать одной из главных задач, стоящих в рамках социальной политики. Наблюдалось повсеместное строительство и улучшение союзного жилищного фонда.

В Сибири активно действовала программа поддержки частного строительства, в рамках которой происходило кредитование индивидуальных застройщиков. Срок подобного кредитования составлял 10 лет, а процент кредитования – 3%. Существовала необходимость внесения первоначального платежа в размере 1/3 от суммы строительства, необходимой для постройки. Программа не получила масштабной реализации из-за низкого уровня доходов населения: люди не могли оплатить треть суммы и поэтому не могли получить льготный кредит на строительство индивидуального жилья¹.

К 1936 г. острый дефицит жилья ощущался по всей стране. В Бурятии, по данным С. В. Кириченко, 80% предприятий не имели возможности предоставить рабочим жилье, полностью пригодное для проживания. Семьи заселялись в бараки, землянки, сараи. Были случаи проживания трудящихся в палатках². В Восточной Сибири показатель обеспеченности жилплощадью снижался от года к году. В Иркутске снижение с 4,6 кв. м до 3,7 кв. м было зафиксировано еще в первой половине 1930-х гг.

Вторым важным компонентом в социальной политике в области материнства и детства становится развитие сектора здравоохранения и улучшение санитарно-эпидемиологической обстановки в стране. Данное направление включало строительство новых медицинских учреждений, ремонт имеющихся боль-

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 177. Л.194.

² Кириченко С. В. Урбанизация и повседневность горожан Верхнеудинска / Улан-Удэ (конец 1920-х – 1930-е гг.): переход из сельской среды в городскую / С. В. Кириченко, М. Н. Балдино // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2022. № 4(50). С. 135.

ниц и медицинских организаций, обеспечение условий для снижения уровня младенческой смертности.

Уровень смертности в Сибири оставался достаточно высоким. В Восточно-Сибирском крае по состоянию на 1935 г. было рождено 71125 детей, из них умерло 10304 чел. То есть смертность новорожденных составила почти 15%. И хотя этот показатель был на 3,3% ниже уровня 1930 г. но специалисты оценивали его как очень высокий в сравнении с другими регионами. При этом рождаемость в сельской местности значительно превышала показатели в городах (см. Приложение 1)¹. Несмотря на то, что в первой половине 1930-х гг. было немало сделано для снижения младенческой смертностью, ее показатели изменились незначительно. Это позволяет утверждать, что принимаемые меры не соответствовали остроте имеющихся проблем.

Следует отметить, что в середине 1930-х гг. велась активная работа по противодействию и нейтрализации эпидемических заболеваний. 23 января 1935 г. XVI съезд Советов РСФСР принял постановление, согласно которому при вспышках эпидемии ответственность за распространение заболевания возлагалась на местные Советы. Именно поэтому регионы активно включались в решение данных проблем. Государство увеличивало расходы на здравоохранение, в особенности на ликвидацию очагов заболеваний. В целях охраны материнства и детства требовалось расширить санитарно-профилактическую работу, усилить работу по защите социальной среды от инфекционных заболеваний. В целом по стране бюджет на данную сферу планировалось увеличить в 3,6 раза с 1933 по 1937 гг., распределив на здравоохранение сумму в размере 5,4 млрд. руб.²

Одной из ключевых проблем для Республики Бурятия в 1930-е гг. оставалось отсутствие медицинской помощи для коренного населения региона. К 1936 г. в Бурятии активно продвигалось строительство лечебных учреждений, ежегодные расходы на данное мероприятие выросли до 1035 тыс. руб. С 1931

¹ ГАИО. Ф. р-2677. Оп. 4. Д. 21.

² Государственный бюджет СССР на 1937 г. М.: Типография Госфиниздата СССР, 1937. С. 5.

по 1935 гг. государством было потрачено около 2 млн. руб. на указанные меры¹. Проведение в регионе земельных реформ способствовало тому, что большая часть кочевников перешла к оседлому образу жизни в колхозах, что также позволяло предотвратить распространение социальных болезней в регионе. Стоит отметить, что семьи кочевых жителей Бурятии были большими – по 7 и более детей. При колхозах создавались лечебные учреждения, пункты фельдшерской помощи и даже детские санатории и ясли. Активно велась санитарная просветительская работа, которой занимались органы народного здравоохранения, диспансеры и дома санитарного просвещения. В результате этой деятельности к 1936 г. в Б-МАССР были полностью ликвидированы такие заболевания как холера, оспа и чума, сократились случаи заражения тифом.

Трудности возникали и при личном контакте с местным населением. Приглашенные в регион работники зачастую не знали бурятского языка, что порождало немало проблем по линии реализации социальных мероприятий. В качестве решения данной проблемы было предложено публиковать просветительские плакаты, листовки на национальном языке. Санитарно-просветительские беседы и лекции также велись на бурятском языке через переводчика.

Сельская местность нуждалась во врачах, налаживании медицинского обслуживания, строительстве или ремонте медучреждений. В предвоенный период в сельской местности нередко отмечаются вспышки заболеваемости туберкулезом. Туберкулез является социальной болезнью и всегда свидетельствует о низком уровне жизни населения. Нерешенные жилищные проблемы, неполноценное питание жителей региона являлись источником распространения данного заболевания. Значительная часть населения проживала в полуземлянках и бараках, где условия для жизни были достаточно стесненными, практически отсутствовало отопление, не было речи ни о каких санитарных нормах.

Местные власти принимали значительные усилия по борьбе с туберкулезом, однако уровень заболеваемости не снижался. К середине 1930-х гг. мест-

¹ ГАРБ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 174, Л. 71.

ные врачи прогнозировали снижение заболевания и даже полную его ликвидацию. Для решения проблемы в Б-МАССР в 1933 г. было направлено три специалиста, а к 1935 г. были открыты четыре детских туберкулезных санатория¹.

Глазные болезни также были лидерами среди заболеваний у бурятского населения. К 1935 г. Наркомздрав СССР направил по регионам специальные офтальмологические отряды, целью которых было выявление уровня распространенности глазных болезней среди населения. В Улан-Удэ к середине 30-х гг. XX в. было открыто 10 глазных коек. Также в республике работал передвижной глазной отряд, охват деятельности которого был сосредоточен на Аларском, Селенгинском, Боханском районах Бурятии. На все эти районы было всего три глазных врача, несмотря на то, что социальная потребность была как минимум в шести специалистах. При этом все врачи были приглашенными для работы в Республике из других регионов².

Нерешенность многих социальных проблем, неразвитость социальной инфраструктуры настоятельно диктовали необходимость комплексного подхода в реализации социальной политики и развитии социальной сферы. Требовалось нарастить темпы повсеместного строительства нового жилья, обеспечить советские семьи условиями, пригодными для проживания и воспитания детей, создать такие жилищные условия, которые бы способствовали повышению уровня рождаемости.

Требовалось расширить сеть медицинских учреждений, в том числе и родовспомогательных учреждений, акушерско-гинекологической помощи, санаториев, детских поликлиник. В свою очередь, это требовало и решение кадрового вопроса медицинских организаций, а также снабжение медучреждений необходимым оборудованием и медикаментами. Необходимо было также радикально улучшить качество санитарно-просветительской работы с целью противодействия распространению социальных болезней.

¹ Цыретарова Б. Б. Борьба с социальными болезнями в Бурятии (1920 – 1940-е гг.) / Б. Б. Цыретарова // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. № 1. С. 31.

² ГАРБ. Ф. 195. Оп. 4. Д. 140. Л. 56.

В середине 1930-х годов оставалась нерешенной проблема беспризорности и безнадзорности среди детей, которая обострилась еще со времен революции и гражданской войны. Еще в 1935 г. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» было дано поручение органам внутренних дел организовать особые секции для решения поставленной в документе задачи¹. Подобные секции были открыты при городских и районных советах, в том числе и в Иркутске. В селе Александровское были открыты детская колония и детский изолятор, к которому была присоединена Усольская детская колония, а также Иркутский детский изолятор. Были расширены приемники-распределители в Черемхово и Иркутске, а также увеличено количество профилактических мер, направленных на предотвращение противоправного поведения в детско-подростковой среде. Только в 1937 г. Иркутским отделением было задержано 149 несовершеннолетних. Причинами задержаний были карманные кражи, взломы и хулиганство, присутствие на улице в ночное время. Четверо несовершеннолетних совершили побег из трудовой колонии и также были задержаны милицией. Нередкими были попытки детей посетить кинотеатры и иные места развлечений без билетов, что также рассматривалось, как нарушение. В разряд беспризорных были определены 100 детей².

Проблема беспризорности породила ряд других немаловажных затруднений. Перед советской властью в 1930-е гг. стояла задача по решению проблем финансирования и материально-технического оснащения учреждений и мест, связанных с процессом временного содержания и устройства детей. Четыре действующих в Восточной Сибири приемника – в Иркутске, Черемхово, Улан-Удэ и Чите – могли вместить лишь 250 детей. Потребность в данных учреждениях была намного выше, в результате чего весь процесс, направленный на со-

¹ Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» от 31 мая 1935 г. // КПСС о комсомоле и молодежи. Сборник резолюций, решений съездов, конференций партии, постановлений ЦК КПСС и других партийных документов (1917-1961 гг.). М.: Молодая гвардия, 1962. С. 227.

² ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 112. Л. 21.

крашение беспризорности, шел очень медленными темпами, а органы охраны по линии железной дороге не осуществляли задержание детей, поскольку знали, что приемники-распределители переполнены. Такая ситуация была в Тулуне, Нижнеудинске и даже в Иркутске¹.

Значимой социальной проблемой было содержание детских домов, в которые отправлялись беспризорники, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей. В первой половине 1930-х гг. в СССР произошло резкое сокращение детских домов, поскольку ранее в 1929 г. была провозглашена «полная победа над беспризорностью». Но уже к концу 30-х гг. XX в. сокращение численности учреждений стали считать антисоветским преступлением. По СССР прокатилась волна репрессий против председателей детских областных и краевых комиссий. Поэтому во второй половине 30-х гг. был вновь взят курс на увеличение детских учреждений, что позволило исправить ошибки, сделанные ранее, и значительно облегчило решение данной проблемы в военные годы.

Кадровая проблема не могла не отразиться на соблюдении санитарных норм, в том числе в детских учреждениях. Например, в Иркутском детдоме №1 практически не проводились медицинские осмотры детей. Почти три месяца в учреждении не было врача, который бы следил за состоянием воспитанников. В некоторых учреждениях фиксировалось пренебрежение к чистоте – грязные комнаты, мусор в еде. У 40% воспитанников присутствовал педикулез². Остро стоял вопрос кадрового состава врачей, обслуживающих детские дома. В среднем к 1936 г. на одного врача в Сибирском крае приходилось 500 – 700 детей³. Охватить данное количество нуждающихся несовершеннолетних в осмотре, внимании или лечении было практически невозможно.

К началу проведения нового курса социальной политики, связанного с принятием новой Конституции СССР 1936 г., количество детских домов и их воспитанников в Иркутской области распределялось следующим образом: всего

¹ ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 63. Л. 15.

² Детдомам Иркутска не хватает твердого руководства и помощи // Восточно-Сибирская правда. 1931. № 131 (231). 14 июня. С. 3.

³ ГАИО. Ф. 729. Оп. 1. Д. 3. Л. 201.

в области действовало 18 детских домов, в которых на воспитании находились 2194 ребенка (см. Приложение 2). Из них 6 учреждений находились в областном центре, в том числе один приемник-распределитель, 4 учреждения были производственного типа, 4 детских дома сельскохозяйственного типа. Для дошкольников в области функционировали 4 учреждения, а также 2 учреждения относились к смешанному типу. Для детей с ограниченными возможностями действовали дом-интернат (для детей с умственной отсталостью) и дом инвалидов (для детей с физическими особенностями). В Мальтинском детском доме осуществлялось лечение детей, болеющих туберкулезом и имеющих иные диагнозы, связанные с заболеваниями дыхательной системы¹.

Стоит отметить, что в сравнении с 1923 г. количество детских домов значительно сократилось. Тогда в Иркутском округе действовало 38 учреждений, в которых пребывали 2061 человек². Сокращение детских домов более чем в два раза при увеличении численности их воспитанников свидетельствует о том, что состояние обслуживания детей к 1936 г. изменилось не в лучшую сторону. Численность воспитанников в каждом учреждении увеличилась, при этом каких-либо радикальных подвижек в численности кадров и материально-техническом оснащении не отмечалось.

Восемь детских домов Иркутской области нуждались в расширении помещений, катастрофически не хватало продуктов, одежды, книг, посуды. Детский дом №2 г. Иркутска не мог обеспечить себя дровами. Власти выделили участок леса для вырубki, но у детского дома не было ни пил, ни топоров, чтобы заготовить дрова. Финансовых средств для найма людей также не было. Кроме того, по словам заведующей Быковой, дети были вынуждены питаться одним хлебом. Мясные продукты в детский дом не поступали. Зачастую у детей не было обуви, чтобы дойти до школы. На весь детский дом в 1936 г. было выдано всего 10 пар обуви, которая не подходила детям по размеру³.

¹ ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 63. Л. 56.

² ГАИО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 657. С. 193-194.

³ ГАИО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 72. Л. 9.

В Киренском детском доме не хватало мебели. Имеющиеся столы и стулья, кровати были заимствованы из местного детского сада, поэтому не подходили под возраст воспитанников¹. Даже в областном центре в одном из детских домов по состоянию на 1928 г. на 26 детей приходилось 8 кроватей. Частично дети спали на одних матрасах, которых тоже хватало лишь для половины детей².

Иногда тяжелое материальное положение детских домов вызывалось самими воспитанниками. Например, в Иркутской области в 1935 г. в детском доме «Трудовая жизнь» воспитанники постоянно выбивали окна. Окна приходилось закрывать кровельным железом, которое также умудрялись портить. Вред наносился печному отоплению, дверям, посуде. Переломанные ложки закупать было не на что, поэтому пищу воспитанники принимали руками³.

Уже в течение первой половины 1930-х гг. предпринимались попытки исправить положение учреждений для детей-сирот. В 1933 г. СНК СССР принял постановление «Об укреплении детдомов РСФСР». По нему Народный комиссариат снабжения должен был сформировать фонды для снабжения детских домов продуктами первой необходимости – хлебом, рыбой, крупой, сахаром и т.д. На Комитет товарных фондов возлагались задачи по снабжению детских домов одеждой, обувью и постельным бельем⁴. Месяцем позднее было издано постановление СНК РСФСР «Об улучшении материального положения детдомов». Оно еще раз закрепило стоящие перед организациями задачи. Недостающие продукты для детских домов должны были предоставляться продовольственными кооперативами, а также их подсобными хозяйствами. При детских домах планировалось организовать огородничество, а также содержание мелко-

¹ ГАИО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 425. Л. 23.

² ГАИО. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 51. Л. 38.

³ ГАИО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 387. Л. 45.

⁴ Постановление СНК СССР «Об укреплении детдомов РСФСР» 1933 г. // Дети ГУЛАГа. 1918 – 1956 / сост.: С. С. Виленский, А. И. Кокурин и др. М.: МФД, 2002. С. 183-187.

го скота¹. Из бюджета на данные нужды было выделено 5 млн. руб. В том же году Восточно-Сибирский краевой исполнительный комитет отметил, что в детских домах региона не хватает провианта, есть проблемы с сырьем, топливом². Все принятые меры не способствовали решению проблемы, а лишь еще раз подчеркнули необходимость ее решения.

К 1935 г. работа с устройством детей-сирот немного изменилась. Началось повсеместное применение патроната. Размещение детей в семью позволяло освободить детские дома и предоставить детям возможность развиваться в обычных условиях без отрыва от социума. На патронирование направлялись дети от 5 месяцев до 14 лет. Однако данный процесс был воспринят работниками детских домов и органами местной власти слишком буквально. Нередко нарушались установленные возрастные рамки пребывания ребенка на патронировании. Например, в Иркутской области в Тулунском и Черемховском детских домах из интернатных условий были выведены на патронат подростки 14-15 лет, которые должны были быть отправлены на трудоустройство³. Данный факт говорит о том, что ни органы власти, ни сотрудники детских учреждений зачастую не понимали отличий между трудоустройством и патронатом. Их основная цель сводилась к тому, чтоб как можно быстрее избавиться от подростка, передав его на следующую воспитательную ступень. Поэтому процесс передачи детей на воспитание, как в детские дома, так и на патронирование нуждался в пересмотре и доработке.

Особое внимание в первой половине 1930-х гг. уделялось кадровой политике детских учреждений. Бюро Иркутского горкома ВКП(б) еще в 1933 г. в своем постановлении отмечало, что кадры в детских учреждениях не обладают высокой квалификацией, что сказывалось на общем состоянии учреждений и

¹ Постановление СНК РСФСР «Об улучшении материального положения детдомов» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1985. Т. 4. С. 239.

² Сулейманова Р. Н. Меры по защите детства в годы Великой Отечественной войны: из региональной истории / Р. Н. Сулейманова // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Т. 13, № 3. С. 46.

³ ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 63. Л. 6.

вызвало текучку воспитанников¹. С трудными подростками работа не велась, их предпочитали переправлять в другие учреждения. Присутствовали частые побеги детей из детдомов². Количественные показатели кадрового состава также не соответствовали потребностям общества. По состоянию на 1935 г. в Иркутской области был значительный кадровый дефицит: не хватало заведующих в пяти учреждениях, требовалось 102 воспитателя и 198 работников³. Морально-нравственные качества действующих работников детдомов также ставились под сомнения. В письмах воспитанников в Иркутскую областную ДТК можно встретить информацию об изнурительном физическом труде, о лишении детей ряда продуктов питания, которые сотрудники забирали себе. В речи по отношению к детям присутствовала нецензурная брань, а также стереотипное отношение к тому, что беспризорный ребенок не может быть ни пионером, ни комсомольцем⁴.

Отдельной проблемой можно назвать условия проживания детей в приемных семьях и надзор за этими условиями. Если ребенку полагалось социальное обеспечение, пенсии или иные выплаты, то их получали опекуны (попечители). Распоряжаться этими деньгами они должны были исключительно на нужды детей, но никакого контроля со стороны органов и общественности за данным процессом не было. Патронируемые дети должны были привлекаться к трудовой деятельности, выполнять наравне с остальными членами семьи сельскохозяйственные работы. Акты обследования семей содержат множество сведений об излишней нагрузке на детей. Нередко им приходилось работать по 10-12 часов. Встречались и случаи издевательств со стороны опекунов. Тяжелым оставалось материальное положение патронируемых детей. Например, в Тулунском районе в 1936 г. на слете патронируемых детей организаторы были шокированы их внешним видом. Дети были грязные, одежда на них была рваной, по

¹ Постановление Иркутского горкома ВКП(б) «О детской беспризорности в городе и мерах борьбы с нею» // Иркутск на фронте и в тылу (по материалам ГАНИИО): Сб. док. / Сост. А. А. Иванов, С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин. Иркутск: Оттиск, 2015. С. 90.

² ЦДНИ ГАИО. Ф. 159. Оп. 1. Д. 54. Л. 146.

³ ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 63. Л. 1.

⁴ ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 82. Л. 137.

виду некоторые выглядели хуже, чем беспризорники¹. В Иркутской области также нередко встречались патронажные объединения, в которых проживало по 7-10 детей. Для них нанимали воспитателя, в результате такое патронирование приобретало черты детского дома в миниатюре. Акты проверки также выявляли такие проблемы, как однообразное питание, отсутствие договора патроната, спонтанная передача детей в опекунские семьи².

Повсеместно с проблемой обеспечения детей, оставшихся без попечения родителей, стояла задача по воспитанию подрастающего поколения. Идеологические мотивы государственной социальной политики возлагали на детские образовательные и культурные учреждения задачу по воспитанию такого поколения, которое бы активно участвовало в строительстве нового коммунистического общества и делало все во благо своей страны.

В области образования и воспитания подрастающего поколения основными проблемными вопросами являлись дефицит педагогических кадров и низкая квалификация имеющихся учителей. Не хватало учебников, на низком уровне находилась материально-техническая база культурно-образовательных учреждений. Существенной проблемой также являлось выстраивание национального компонента в процесс образования.

В середине 1930-х гг. широким фронтом была развернута работа за всеобщее обучение. К середине 1930-х гг. в Б-МАССР 31,3% детей от 5 до 13 лет были обучены грамоте. Среди подростков и молодежи в возрасте от 14 до 24 лет этот показатель достиг 45,4%³. Пункты ликвидации безграмотности создавались в основном в Верхнеудинске и ближайших крупных поселениях, поэтому зачастую желающим получить азы образования приходилось пешком проходить несколько сотен верст к ликпунктам⁴.

Сложности оставались с организацией образовательного процесса в школах Б-МАССР. При поступлении в школы дети чаще всего знали 20-30 слов на

¹ ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 82. Л. 21.

² Там же. Д. 82. Л. 52.

³ ГАРБ. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 276. Л. 23-25.

⁴ ГАРБ. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 272. Л. 9.

русском языке. Бурятский и русский языки преподавались параллельно и их доли в образовательном процессе были различны в отдельных школах. Уровень обученности языкам был крайне низким: дети плохо владели бурятским и практически не знали русского языка. Для бурятских школ отсутствовали методические пособия. В целом по Республике наблюдалось недостаточное оснащение методическими материалами, учебниками. Зачастую сами педагоги не владели своим предметом. В частности данное замечание касается преподавания национального языка в школе¹.

Стоит также отметить, что в Б-МАССР огромное влияние на жизненный уклад оказывал буддизм. В 1930-е гг. советская власть вела активную борьбу с буддийскими дацанами, служители которых не поддерживали советскую политику. В религиозные учреждения перестали пускать те семьи, в которых были коммунисты. В результате идеологической борьбы 1701 священнослужитель подверглись репрессиям, большинство дацанов было закрыто. Произошел определенный надлом в ценностно-религиозных представлениях бурятского населения². Насаждение коммунистических идеалов в процессе воспитания подрастающего поколения требовало новых культурных практик и методов их реализации для воспитания молодежи в рамках коммунистического идеала.

Стоит отметить еще одну актуальную проблему Байкальского региона, подчеркивающую его специфику. Советская власть активно решала задачи по включению в общественные отношения представителей народов Севера. В Иркутской области к данной категории населения относятся тофалары и эвенки. Уже в 1930 г. был образован туземный совет на территории проживания тофов. Были построены поселения, в которых коренные народы составляли далеко не самый большой процент – 8-10% от общей численности проживающих в населенном пункте. Изменились семейные отношения тофов: родители больше не подбирали детям пару для брака, постепенно отменялся калым. Большинство

¹ ГАРБ. Ф. р-60. Оп.3. Д. 36. Л. 42-44.

² Соболева, А. Н. Особенности молодежной политики в Бурят-Монгольской АССР в 1920-1930-е гг / А. Н. Соболева // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 7. С. 159.

новых семей были межэтническими, что с одной стороны позволило тофаларам сохранить принцип экзогамии, но при этом привело к ассимиляции этнических особенностей народа. Браки заключались по советскому законодательству с разрешения туземного совета, а чуть позднее – сельского совета. Изменилось и отношение к детям-сиротам: если ранее о них заботилась тофаларская община, то с 1930-х гг. оставшиеся без родителей дети отправлялись в советские детские дома. Продвигался процесс ликвидации безграмотности народов Севера. Уже к концу 1930-х гг. практически все население Тофаларии говорило на русском языке.

Подобные процессы наблюдались и в отношении эвенков, проживающих на территории Мамско-Бодайбинского района. Управление территорией расселения также управлялось туземным советом. На прииски в данный район постоянно прибывало русское население, что ускорило процесс ассимиляции. Организовывались колхозы, например, в п. Конкудера. К середине 1930-х гг. насчитывалось 9 колхозных хозяйств при которых действовали промхозы, созданные для контроля за охотугодьями и выполнением плана по сбору пушнины. Семейные отношения эвенков практически разрушались. Традиции бракосочетаний были заменены советской регистрацией брака. Обучение детей проходило в рамках интернатной системы. Гонения на шаманство привели к сокращению процедур врачевания и необходимости использования учреждений здравоохранения района. Но отдаленность территории, отсутствие путей сообщения с отдельными поселениями делали практически невозможным оказание своевременной медицинской помощи населению. В 1930-е гг. для мотивации к увеличению сборов пушнины местными органами власти была разрешена продажа алкогольной продукции на территории расселения эвенков, что еще больше усугубило ситуацию и привело к резкому сокращению этноса.

В результате для коренных народов были созданы условия, угрожавшие сохранению их национальной идентичности. Подрастающее поколение все больше ассимилировалось с пришлым русским населением. Остро стоял вопрос обеспечения народов Севера услугами здравоохранения, образования, создания

необходимым для проживания санитарно-гигиенических условий. Произошло разрушение традиционного семейного уклада.

Таким образом, оценивая проблемные вопросы социальной сферы к середине 1930-х гг., следует отметить, что перед государством стояла непростая задача по реформированию практически всех ее аспектов. Огромное количество проблем в отношении института семьи и детства являлись нерешенными: отсутствовали социальные гарантии для родивших женщин, а также отдельные меры поддержки матерей-одиночек, многодетных семей. Высокой оставалась потребность в женских консультациях, родильных домах, детских медицинских учреждениях и кадровом потенциале для них. Множество нерешенных проблем накопилось в сфере борьбы с безнадзорностью и беспризорностью, финансирование детских учреждений не соответствовало потребностям, связанным с необходимостью улучшения их материальной базы. Требовалось разработать систему мер по надзору за обращением с детьми, находящимися под патронажем. Сохранение культуры этносов требовало отдельной проработки всех воспитательных и образовательных аспектов при реализации образовательных программ на территории регионов.

Указанные проблемы были типичными для многих районов страны, поэтому социальная политика в области материнства и детства СССР должна была стать важным элементом общеполитического курса. Принятые ранее меры не давали весомых результатов. Улучшение отдельных показателей качества жизни в Иркутской области и Б-МАССР присутствовало, но доля улучшений была незначительна. Все это по совокупности диктовало выработку новых мер и приоритетов в области социальной политики.

1.2. Направления социальной поддержки материнства и детства

Проведение социальной политики включало в себя реализацию комплекса мероприятий, направленных на поддержку и защиту населения страны. Поскольку женщины и дети являются одной из наиболее уязвимых категорий, не-

обходимо было разработать систему государственных мер, в том числе различных пособий, наград, способов поддержки многодетных и одиноких матерей.

Важным толчком в развитии социальной сферы СССР стало принятие Конституции 1936 г.¹. Именно этот документ впервые провозгласил необходимость государственной охраны материнства и детства. В ст. 122 Конституции была провозглашена приоритетность государственной помощи матери и ребенку, впервые вводилась мера по предоставлению женщинам отпуска при беременности с сохранением выплат, необходимых для обеспечения минимального уровня благосостояния. Государством признавалась необходимость строительства новых родительных домов, возведение и расширение сети яслей и садов. Конституция СССР 1936 г. дала начало широкому процессу социального строительства, разработки нового законодательства, ставшего базой для социальной политики в отношении материнства и детства.

Одним из первых шагов, направленных на улучшение демографической ситуации и защиту материнства и детства, стало Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»². Согласно постановлению, были запрещены аборты, кроме тех случаев, когда возникает угроза жизни и здоровью женщины. Запрет не распространялся на беременности, при которых выявлялись отклонения, либо подтверждалась передача наследственных заболеваний.

¹ Конституция СССР: утв. Чрезвычайным VIII Съездом Советов Союза ССР 5 Декабря 1936 г. // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918-1937): сборник документов / под ред. А. Я. Вышинского. М.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. 298 с.

² Постановление ЦИК СССР N 65, СНК СССР N 1134 от 27.06.1936 «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. (1938 - июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. 500 с.

Нарушение данного запрета врачом влекло за собой уголовное преследование и возможность получения наказания в виде двух лет тюремного заключения. В случае, если у врача, делавшего незаконный аборт, отсутствовало медицинское образование, срок увеличивался до 3 лет. Легальные абортыв делались исключительно в медицинских организациях. Для женщин, впервые сделавших нелегальный аборт, наказания не следовало, однако предполагалось общественное порицание, а при повторном деянии – штраф в размере до 300 р.;

В соответствии с данным постановлением, с 32 до 45 руб. была увеличена материальная помощь роженицам; также с 5 до 10 руб. увеличена сумма на кормление ребенка. Пособия выдавались всем застрахованным лицам, а для лиц, не имеющих страховки, выплачивалось из касс взаимопомощи. Были также установлены единовременные выплаты и ежегодные пособия для многодетных семей: 2 тыс. ежегодно в течение 5 лет для всех многодетных семей и единовременно 5 тыс. руб. для матерей, имеющих 10 детей. Также для последней категории семей были установлены ежегодные выплаты от двух до пяти лет в размере 3 тыс. рублей.

Матери, работающие в сельскохозяйственных артелях, могли получить алименты в трудоднях. Мера распространялась на бывших супругов, работающих в одном колхозе. Трудодни отца вычитались в счет алиментов, сокращая необходимость отработки матерей. Вводились меры для отцов-должников: за неуплату алиментов им грозило до двух лет тюремного срока, а также возникала необходимость оплаты государственных расходов на розыск родителя, скрывавшегося от своих прямых обязанностей.

Одновременно определялись основные меры социальной защиты несовершеннолетних. Судебно-исправительные меры больше не применялись к несовершеннолетним. В отношении них стали применяться меры медико-педагогического характера. Таким мерыв действовали для детей до 14 лет. В отношении подростком 14-16 лет судебно-исправительные меры могли применяться, но в том случае, если комиссией по делам несовершеннолетних признавалась обоснованность таких мер. К основным мерам медико-педагогического

характера были отнесены попечение со стороны родителей или ближайших родственников, у которых есть возможность оказывать воспитательное воздействие на ребенка. В случае отсутствия таких или возникновения обстоятельств, при которых родители или опекуны не справляются с несовершеннолетним, предполагалось помещение в специальное лечебно-воспитательное заведение, где были созданы все условия для перевоспитания и помощи трудному подростку.

В Байкальском регионе выплату пособий в рамках данного Постановления организовали еще до конца 1936 г. Уже в декабре 1936 г. пять многодетных матерей Баргузинского аймисполкома стали первыми получателями помощи. Четверым было выплачено 2 тыс. руб., еще одной – 4 тыс. рублей¹. Госбанк Куйтунского района осуществил выплаты 10 женщинам. Повсеместными стали обращения матерей к И. В. Сталину через СМИ со словами благодарности за введенные меры поддержки материнства и детства. В Иркутском районе за 1940 г. финансирование пособий многодетным матерям превысило 750 тыс. руб. С 1936 по 1940 гг. в среднем местными органами власти были выделены по 12-18 тыс. многодетным семьям. В Иркутском районе таких семей было 360².

В средствах массовой информации и нормативно-правовых документах регулярно подчеркивалось, что забота о женщинах и детях, а также воспитание подрастающего поколения первостепенная и ответственная задача, почетная миссия государства и семьи.

Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 также отменило ограничение по длительности отпуска, приравняв женщин служащих к женщинам-работницам. За ними сохранялось право на отпуск по родам продолжительностью 112 дней. Уголовная ответственность устанавливалась для работодателей, которые отказывали в приеме на работу беременной женщине или же снижали ей зарплату при переводе на легкий труд. В Постановлении также

¹ Восточно-Сибирская правда. 1936. №285. С. 3.

² Праздник трудящихся женщин // Сталинский путь. 8 марта 1941 г. №21 (497). С.1.

провозглашалась необходимость расширить сеть родильных домов, яслей и детских садов.

Принимаемые меры были действительно необходимы стране. Если в первое послереволюционное десятилетие политика СССР в основном сосредотачивалась на проблемах сохранения и укрепления власти, а также установления дипломатических контактов, то во втором десятилетии речь шла уже о частных проблемах, углубленном социально-политическом курсе, в рамках которого началась активная пропаганда культа материнства и детства. Института семьи, материнства и детства стал основным элементом, в рамках готового воспитывалось новое советское поколение, составляющее основу будущего общества. Активно поощрялась многодетность, в том числе посредством материального стимулирования, что действительно позволяло повысить уровень рождаемости, особенно на национальных окраинах.

Социальная политика требовала повышенного внимания, а также достойного уровня финансирования со стороны власти. Государственный бюджет СССР в 1930-е гг. предполагал выделение на социально-культурную сферу финансовых средств сравнимых с расходами на развитие промышленности и даже в больших суммах, чем на развитие сельского хозяйства и военной отрасли. В 1936 – 1937 гг. проекты бюджетов еще не содержали отдельных статей на социальные нужды и помощь институту семьи, но были обозначены в рамках общих социально-культурных мероприятий, которые требовали расходов. За 1937 г. на развитие образования и здравоохранения было выделено 17725,6 млн. руб.¹. Приоритетность развития социальной сферы подтверждается самой запланированной суммой расходов, а также соотношением ее с другими сферами.

Проект государственного бюджета СССР за 1937 г. также разграничивал долю финансирования социальной политики за счет местных бюджетов. Из них выделялось 12196 млн. руб. для решения социальных проблем на местах, что превышало планируемые расходы по отдельным статьям на 25-35% по сравнению с предыдущим годом. Средства в объеме 838 млн. руб. предназначались на

¹ Государственный бюджет СССР на 1937 г. М.: Типография Госфиниздата СССР, 1937. С. 5.

развитие сети детских садов и развитие имеющихся в стране учреждений (+64% от предыдущего года), 826 млн. руб. на нужды детских домов (+33% от предыдущего года) и 5860 млн. на строительство и оборудование школ (+27,1%)¹.

Объем финансирования социальной политики увеличивался от года к году и к 1939 г. достиг сумм в размерах 8428 млн. руб. на развитие просвещения, 2307 млн. на здравоохранение. В отдельные статьи расходов были вынесены пособия многодетным матерям (1 млрд. руб.), социальное страхование (5 млрд. руб.), социальное обеспечение (около 2 млрд. руб.)².

Выделение средств из бюджета на поддержку материнства и детства было лишь частью решения финансовой проблемы социальной политики второй половины 1930-х гг. Анализ реализации мер на практике показывает, что не всегда выделенные средства расходовались рационально. Только на примере Иркутской области и Бурят-Монгольской АССР можно увидеть массу проблем реализации курса социальной политики в отношении семей с детьми, которые коснулись выплат пособий, поддержки детских домов и патронирующих семей.

Рассматривая курс социальной политики в отношении материнства и детства в довоенный период, следует отметить, что меры по решению жилищного вопроса не соответствовали потребностям региона. Удовлетворение потребности в жилищном фонде в Восточной Сибири оставалась на уровне 3,5 млн., но в среднем на человека обеспеченность жильем оставляла 3-4 кв. м.

В Иркутской области продолжали работу строительные кооперативы, действующие еще с 1924 г. В масштабах страны кооперация ввела в советских городах в эксплуатацию более 7270 тыс. кв. м жилых помещений, обеспечив потребность более 1 млн. граждан. К осени 1937 г. ситуация изменилась. Вступил в силу запрет на выдачу государственных ссуд жилищно-строительным кооперативам. Были ликвидированы все принадлежавшие кооперативам предприятия стройматериалов, что привело к сокращению численности организаций

¹ Государственный бюджет СССР на 1937 г. М.: Типография Госфиниздата СССР, 1937. С. 5.

² Государственный бюджет СССР на 1939 г. Л.: Типография Госфиниздата СССР им. Котлякова, 1939. С.4.

по стране¹. Темпы жилищного строительства снизились, а население Сибири активно росло. К 1939 г. общая численность населения в регионе составляла 14112 тыс. чел., 31,3% из которых проживало в городах. К 1940 г. доля городского населения уже достигала 33,1%².

При этом следует отметить, что в вопросах обеспечения жильем действовала практика, при которой отдельные категории населения снабжались жильем в первую очередь. Первоочередность получения жилья предоставлялась высшим слоям городской интеллигенции. Часть рабочих-ударников, стахановцев также обеспечивалась квартирами в новостройках. В городах практически полностью обеспечены жильем были представители партийно-государственной номенклатуры. В г. Иркутске «номенклатурные» дома возводились на ул. Украинской, Марата, Сибирских Партизан.

Для всех остальных граждан, в том числе для семей с детьми, проблема обеспечения жильем оставалась более чем актуальной. Еще к 1936 г. в Верхнеудинске/Улан-Удэ возводились соцгородки паровозоремонтного завода, стекольного завода и мясокомбината. Они представляли собой целые жилые кварталы, имеющие собственную инфраструктуру. Соцгородок стал новым прообразом советского города-коммуны, нового жилищного пространства страны. Но застройка была в основном одноэтажной без оснащения водопроводом и канализацией. К 1940 г. только 16% жилья в Улан-Удэ было охвачено водопроводом, канализация присутствовала только в 12% застройки³. Отсутствие благоустроенного жилья в городе создавало проблемы, связанные с ухудшением санитарно-эпидемиологической ситуации в регионе.

¹ Букин С. С. Социальный перелом: жилищное строительство в городах Сибири на рубеже 1950 – 60-х гг. / С. С. Букин // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв.: Сборник научных трудов / Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт истории. Новосибирск: Издательство Параллель, 2008. С. 117.

² Социокультурная адаптация населения Сибири в условиях урбанизации (1930-1980-е гг.) / С. С. Букин, А. А. Долголюк, В. И. Исаев, А. И. Тимошенко // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв. : Сборник научных трудов / Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт истории. Новосибирск : Издательство Параллель, 2008. С. 170.

³ ГАРБ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 4203. Л. 94.

В 1936 г. в Б-МАССР приняты планы, направленные на улучшение санитарной обстановки во всех аймаках. Планировалось ввести должности санитарных инспекторов, увеличить объемы строительства бань, а на предприятиях установить дезинфицирующие камеры и пропускники. Как отмечают В. В. Номогоева, А. М. Плеханова, началась борьба за формирование санитарной культуры населения¹. Одновременно общественность широко привлекалась к участию в просветительских мероприятиях. В Республике устраивались культпоходы, частью которых стали месячники санитарии. В рамках повышения заботы о здоровье детей велось строительство спортивных сооружений, площадок, в аймаках закладывались сады, шел процесс озеленения территорий. В тех аймаках, где условия проживания были наиболее запущенными, строились бани, туалеты, продвигались средства гигиены. Со стороны местных органов Наркомздрава организовывались регулярные выездные проверки по селам, станам, фермам и даже по домам колхозных семей с целью выявления очагов антисанитарии.

Женщины, имеющие детей, в первую очередь учились правилам личной гигиены и навыкам домашней санитарии. Активную санитарно-просветительскую работу вели пионеры и комсомольцы, а также санитарные уполномоченные при колхозах. В средствах массовой информации регулярно поднимались вопросы о проблемах в области здравоохранения, в том числе о высоком уровне отдельных заболеваний, о нехватке врачей в больницах, о новых формах санитарно-просветительской работы в населенных пунктах².

В Иркутской области работа по санитарному просвещению велась в основном в районах, которые находились ближе к областному центру. Чтобы активизировать данную работу в отдаленных от Иркутска территориях в 1939 г. был создан Театр санитарной культуры. Артисты-профессионалы через театральные постановки доносили для взрослых и детей нормы санитарии. Театр гастролировал по отдаленным районам региона и помимо труппы артистов

¹ Номогоева В. В. Санитарное просвещение и борьба за «Новый быт» в Бурятии в 1920-30-е годы / В. В. Номогоева, А. М. Плеханова // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. 2009. № 2(66). С. 164.

² Бурят-Монгольская правда. 1937. №23. С.3.

включал еще и коллектив врачей, которые перед каждым выступлением читали лекции о гигиене, помогали распространять памятки и листовки¹. Подобная практика сглаживала санитарно-гигиенических различия городской среды и сельской местности.

Подобной практики не было на территории Б-МАССР, поэтому различия между санпросветом города и села здесь были более ярко выраженными. В основном практики санитарного просвещения возлагались на участковых врачей и средний медицинский персонал. В школах Бурятии и Иркутской области читались лекции для детей и персонала, осуществлялся просмотр познавательных фильмов о гигиене и способах распространения болезней. В местных клубах открывались вечера вопросов и ответов по данной тематике.

Помимо санитарно-просветительской работы в области здравоохранения проводились мероприятия, направленные на оздоровление подрастающего поколения, повышение уровня рождаемости, борьбу с высокой младенческой смертностью.

Демографическую проблему пытались решить запретом на аборты. По мнению Е. Н. Афанасовой, до 1936 г. одним из лидеров среди сибирских регионов по числу совершенных аборт была Иркутская область. В Республике Бурятия подобные врачебные манипуляции не были распространенной мерой, поскольку для этой территории характерны были более жесткие патриархальные устои. В 1936 г. в Бурятии было проведено 822 операции по прерыванию беременности, в то время как в Иркутской области 4650. После принятия постановления о запрете аборт численность подобных операций резко снизилась до 77 и 233, соответственно². Поэтому в предвоенные годы наблюдается более высокие темпы роста населения. Численность населения Бурятии в 1936 г. составля-

¹ Агафонова В. В. Санитарное просвещение в Иркутской области / В. В. Агафонова // К истории развития здравоохранения Иркутской области: Научные труды Иркутского государственного медицинского ин-та. Иркутск: ИГМИ, 1968. Вып. 93. Ч. 1. С. 72.

² Афанасова Е. Н. Реализация постановления ЦИК И СНК СССР «о запрещении абортов...» на территории Восточной Сибири во второй половине 1930-х гг. / Е. Н. Афанасова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2012. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2012. С. 323.

ла 471,1 тыс. человек, а в 1941 г. выросла до 575,4 тыс. Сокращение показателя произошло лишь в военное время – к 1945 г. там проживало 516,5 тыс. граждан. Подробные данные о соотношении показателей численности абортотворцев в РСФСР и в Восточной Сибири представлены в Приложении 3. Из них видно, что количество абортотворцев к 1937 г. по РСФСР упало в 4 раза после принятия нового запрета. Также необходимо отметить, что Иркутская область была безоговорочным лидером по количеству абортотворцев: 4650 абортотворцев в 1936 г., что на 3828 больше, чем в Бурятии за тот же год. С одной стороны, данный факт может быть связан с традиционным укладом жителей Бурятии: большие семьи, где члены семьи обладают наибольшей сплоченностью, свободно принимают в свои семьи детей, оставшихся без родителей, 7-8 детей распространенное явление для семьи. С другой стороны, уровень медицины в бурятских аймаках был крайне низким. Не исключено, что какая-то доля женщин просто не обращалась к врачам с целью совершения аборта, а решала проблему у местных «знахарок» на дому или самостоятельно при помощи народных средств.

С одной стороны, запрет на проведение абортотворцев стимулировал рост населения, с другой стороны, росло количество нелегальных прерываний беременности, которые чаще всего проходили не в медицинских условиях, а порой и неквалифицированными специалистами. За 1939 г. из 100 абортотворцев в среднем по Байкальскому региону 90 были начаты не в медицинских организациях. Зарождение теневого рынка услуг в этой области не позволяет однозначно положительно оценить данные меры власти.

В рамках реализации социальной политики в области материнства и детства активно росла сеть консультативных и родовспомогательных учреждений. Стоит отметить, что в общественном сознании сохранялось некое опасение среди женщин относительно родов в медицинских учреждениях, что существенно влияло на эффективность мер социальной поддержки в отношении матерей. В целях борьбы с предрассудками и суевериями среди женщин относительно родоразрешения в больницах было принято решение о введении мер поощрения для беременных женщин, приходящих к моменту родов в учреждения

здравоохранения¹. Одновременно во всех местах массово открывались отделения для женщин, которые осуществляли информационную работу с населением. Основной целью этой работы являлось популяризация концепции защиты материнства и всесторонней заботы о нем, что привело к привлечению значительного числа женщин к консультативным услугам для беременных к концу 1930-х гг. В Иркутской области к 1938 г. уже функционировало 15 женских консультаций, а в Бурят-Монгольском АССР их было всего 3².

Сфера здравоохранения в конце 1930-х гг. в Байкальском регионе развивалась весьма быстрыми темпами. В Бурятии в 1930 г. было построено 21 учреждение общей вместимостью 567 коек, вместо запланированных 26. Особенно сдерживало развитие сети здравоохранения дефицит медицинских кадров. Особенно это было характерно для сельской местности. В среднем по медицинским пунктам нехватка среди медицинского персонала составляла 12 человек.

Вместе со строительством больниц в сельской местности открывались детские и женские консультации. В регионе появилось шесть таких учреждений, в которых работало два врача, два врача-совместителя и два человека из среднего медицинского персонала³. Общие сведения о количестве и динамике медицинских учреждений Б-МАССР представлены в Приложении 4. Они свидетельствуют о значительном росте медицинских организаций в 1930-е гг. Подобный рост был характерен для многих регионов СССР. В два раза увеличилось количество больниц, расширилась сеть родильных домов, более чем в два раза возросло количество поликлиник, развивались родовспомогательные учреждения, резко увеличилось количество акушерских пунктов. Функционировали первые в регионе молочные кухни.

¹ Афанасова Е. Н. Организация медицинской помощи детям в Восточной Сибири в 1930-х гг. / Е. Н. Афанасова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4-2(30). С. 24.

² ГАИО. Ф. Р-2677. Оп. 4. Д. 44. Л. 190.

³ Цыретарова Б. Б. Борьба с социальными болезнями в Бурятии (1920 - 1940-е гг.) / Б. Б. Цыретарова // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. № 1. С. 32.

В 1936 г. в Б-МАССР имелась одна городская детская консультация и 6 смешанных консультаций в сельской местности¹. К 1940 г. их количество увеличилось до 4 самостоятельных консультаций и 7 смешанных. Только за один год педиатров в детских консультациях посетили 37253 ребёнка. Одновременно расширялась практика посещения детей на дому². Всего в детских консультациях работали 8 педиатров и 7 медицинских сестёр. Уровень детской смертности от Б-МАССР был крайне высоким, но по отношению к 1920-м гг. он снижился. К 1940 г. на 1 тыс. родившихся умерло 87 младенцев в возрасте до 1 года.

Актуальной проблемой для семей с детьми было снабжение лекарственными препаратами. В этой связи, требовалось расширять еще одну структуру учреждений здравоохранения – аптеки. Аптечная сеть в Байкальском регионе не была развита. Собственного транспорта аптеки чаще всего не имели, что приводило к перебоям в поставках, поскольку зачастую медикаменты транспортировались на попутках. В Бурятии даже в административном центре от центрального склада до аптек медикаменты доставляли на лошадях. Нередко прилавки аптек пустовали, в то время как на складе имелись товарные запасы. По этой причине лекарства часто доходили до аптек с окончившимся сроком годности. Только в 1937 г. в Улан-Удэ были выделены 2 грузовика, использование которых должно было решить логистические задачи аптечных пунктов. К 1939 г. в рамках аптечной сети работало уже 4 грузовика ГАЗ АА. На смену прежней проблеме пришла новая: почти 10 месяцев грузовики не использовались, поскольку отсутствовало топливо для заправки. В среднем расстояние от главного склада до аптечных пунктов республики составляло 200 – 400 км. Это значит, что требовалось 150 – 200 л бензина, чтобы доехать только в одну сторону. Были и более дальние расстояния, например, до Нижнеангарска расстояние составляло около 700 км. Чтобы хоть как-то решить данную проблему, руководство Бурят-Монгольского аптечного управления настаивало о выделении

¹ ГАРБ. Ф. Р-665. Оп. 1. Д. 527. Л. 10.

² ГАРБ. Ф. Р-665. Оп. 1. Д. 527. Л. 14.

для аптечной сети автомобиля ЗИС, который работал на дровах¹. Однако это ходатайство так и не было удовлетворено.

К 1937 г. была проведена телефонная линия, которая связала аптеки и склад, а также аптечное управление г. Улан-Удэ. Положительным моментом стало создание для аптек ассортимента обязательных товаров, который включал в себя 91 позицию медикаментов. Однако проведенная проверка в 1937 г. показала, что в среднем от 6,6 до 29,7% обязательного ассортимента отсутствовало в аптечной сети Бурятии. Наиболее дефицитными товарами являлись горчичники. Большой спрос был на нашатырный спирт, который часто использовался для травли клопов в жилых помещениях, однако в аптеках его можно было найти с трудом.

Негативно на развитии сети аптек сказывалось «затоваривание», т.е. закупка гражданами излишнего количества препаратов. Общая сумма затоваривания за 1937 г. составила 1573 тыс. руб.². Такое поведение потребителей в большей степени объяснялось не слабой рекламой аптечных препаратов, а регулярно возникающим дефицитом тех или иных необходимых лекарств, что стимулировало население закупать избыточное количество медицинских средств.

Социальная политика СССР в сфере материнства и детства имела цель улучшить демографическую ситуацию и уровень жизни населения страны. Она базировалась на организации системы социальной защиты и поддержки граждан, а также обеспечении доступом к образованию и здравоохранению. Важной частью этой политики была расширение сети дошкольных учреждений, которые были крайне необходимы в период индустриализации, коллективизации и военных действий.

С начала 1930-х гг. женщины стали активно вовлекаться в народное хозяйство региона. Данная тенденция стимулировала быстрее развитие сети прежде всего детских дошкольные учреждения.

¹ ГАРБ. Ф. р-840. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

² ГАРБ. Ф. р-840. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

В городах эта проблема возникла раньше. Еще в 1920-е гг. на промышленных предприятиях активно начали открываться дошкольные учреждения. На заводе «Стеклодуй» в Верхнеудинске успешно функционировал детский сад. Такие дошкольные учреждения открывались и при многих других крупных предприятиях Бурятии. В этих детских садах создавались специальные группы и площадки для оздоровления детей.

Основной проблемой в этих условиях был недостаток подходящих помещений для дошкольных учреждений. Большинство детских садов находились в старых зданиях, которые не отвечали минимальным требованиям для содержания детей. Местные власти часто вынуждены были предлагать использование освобождающихся жилых помещений для размещения детских садов, но на это требовалось выделение значительных средств из бюджета. Финансирование детских садов регулировалось Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г.¹

Для решения этой проблемы в сельской местности была издана инструкция Народного Комиссариата здравоохранения СССР «Об организации передвижных полевых яслей» от 28 апреля 1936 г.². Эта инструкция имела отношение прежде всего к матерям-колхозницам, которые выполняли свои трудовые функции при наличии грудных детей. Как отмечает Е. Н. Афанасова, на основании имеющихся нормативно-правовых документов можно сделать вывод о существовании в СССР в 1930-х гг. трех видов дошкольных учреждений. Это были ясли, детские сады и детские площадки. При этом темпы открытия новых дошкольных организаций значительно отставали от европейской части страны,

¹ Постановление ЦИК СССР №65, СНК СССР №1134 от 27.06.1936 «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. (1938 - июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. С. 87.

² Инструкция Народного Комиссариата здравоохранения СССР «Об организации передвижных полевых яслей» от 28 апреля 1936 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1936 - июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. С. 17.

значительно ниже в них было материально-техническое обеспечение, а также более остро стояла проблема наличия специализированных кадров, как руководящих, так и педагогических¹.

В подтверждение данной точки зрения можно отметить, что, например, в Иркутске при наличии 45 детских садов, всего в 30% из них заведующими были специалисты, соответствующие данным должностям и способные грамотно выполнять свои функции. В районах, как правило, детские дошкольные учреждения возглавлялись кадрами, имеющими лишь начальное образование².

Процесс организации яслей и детских садов в регионе сопровождался немалыми проблемами. Иногда инициатива открытия детских учреждений исходила снизу. В Киренске женщины сами стали инициаторами открытия яслей и упорно требовали организацию детских садов. Однако не все председатели колхозов поддерживали эту идею. Проблема была в материальных возможностях колхозов. Некоторые из детских яслей закрывались уже после нескольких дней работы из-за отсутствия необходимого материально-технического обеспечения. К этой работе в районе активно подключались не только родители, но и комсомольцы, пионеры, которые помогали с ремонтом помещения, обеспечением их инвентарем, игрушками³.

С принятием новой Конституции и активизацией работы в области социальной защиты материнства и детства большее внимание на местах стали уделять вопросам борьбы с малолетними преступниками. Профилактика правонарушений и борьба с преступностью в среде несовершеннолетних регламентировалась Постановлением ЦИК СССР №3, СНК СССР №5 от 07.04.1935 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних»⁴. В документе опре-

¹ Афанасова Е. Н. Формирование кадрового состава дошкольных учреждений Восточной Сибири в 1920-1930-х гг. // Вестник ТГУ. 2016. №413. С. 64.

² Афанасова Е. Н. Развитие сети дошкольных учреждений на территории Восточной Сибири во второй половине 1930-х гг. // Вестник ИрГТУ. 2012. №6 (65). С. 222.

³ Ленская Правда. 11 июня 1942 г. №43(2167). С. 4.

⁴ Постановление ЦИК СССР N 3, СНК СССР N 598 от 07.04.1935 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. С. 176.

делялись основы уголовной ответственности за деяния, совершенные малолетними. К таковым детям относились лица, достигшие 12 лет. К деяниям, за которые ответственность наступала для них, относились кражи, причинение насилия, а также нанесение телесных повреждений или увечий. Помимо этого, уголовно наказуемо было уличение в убийстве или в попытках к убийству. Для лиц, которые склоняли несовершеннолетних к преступлениям, также вводилось наказание.

Некоторые особенности правовой ответственности несовершеннолетних определялись нормами Уголовного Кодекса РСФСР. Ст.50 было определено уменьшение срока лишения свободы или принудительных работ для несовершеннолетних в зависимости от возраста преступника: вдвое сокращался срок, если несовершеннолетнему было от 14 до 16 лет, от 16 лет – на одну треть¹.

Для несовершеннолетних существовали специализированные трудовые дома, в которых они должны были пребывать до исправления. Однако после достижения ими 18-летнего возраста, нахождение в таких учреждениях становилось невозможным, поэтому фактически применялось преждевременное освобождение или перевод в колонию.

Как отмечает Д. А. Краснов, в 1940 г. из общей численности судимых несовершеннолетних 77% было осуждено именно за кражи, только 4% за хулиганство, а общая численность совершенных ими тяжких насильственных преступлений была незначительна². Однако многие вопросы общего положения дел вызывало тревогу, которая полностью оправдалась в военные годы.

Мероприятия по развитию социальной сферы в предвоенный период сопровождались и решением многих организационных вопросов в регионе. В 1937 г. создается Иркутская областная комиссия по улучшению жизни детей. Комиссия была наделена очень широкими полномочиями. Все принимаемые

¹ УК РСФСР 1926 г.// Конституции и конституционные акты РСФСР (1918-1937): сборник документов / под ред. А. Я. Вышинского. М.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. 298 с.

² Краснов Д. А. Основные этапы борьбы с преступностью несовершеннолетних в СССР в 1917-1960 гг.: историко-правовой аспект / Д. А. Краснов // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2013. № 1(28). С. 95.

комиссией решения относились к обязательным к исполнению и могли быть отменены только президиумом исполкома. При районных исполнительных комитетах назначались уполномоченные. В функции данного лица входило решение вопросов беспризорности и безнадзорности, контроль за исполнением местных распоряжений, в том числе в области реализации лотерейных билетов, марок, посещения детьми вечеров, кинотеатров, организации детского досуга в целом. Уполномоченный также ведал всеми сведениями о пожертвованиях в адрес детских домов и иных детских учреждений. Должность районного уполномоченного утверждалась Райисполкомом, который осуществлял контроль над его работой. Райисполком также предоставлял все возможные ресурсы для организации работы с детьми. В задачи уполномоченного также входило привлечение общественности к работе с детьми¹.

Продолжали работу комиссии по делам несовершеннолетних. В Иркутске они начали работу еще в 1921 г. Позднее были образованы комиссии в Черемхово, Зиме, Балаганске, Нижнеилимске и Нижнеудинске. Постепенно количество комиссий увеличивалось. В 1936 г. подобные комиссии были почти в каждом районном центре. В них входили лица, имеющие прямое отношение к работе с детьми и сфере социальной защиты населения – учителя, врачи, судьи и т.д.²

Активно велась работа по предупреждению пребывания детей на улицах в ночное время. При этом ответственность за это возлагалась на руководителей районных отделов милиции. Например, в 1939 г. на т. Назарова, занимающего должность начальника милиции г. Черемхово, городским комитетом ВКП(б) возлагались обязанности по контролю за пребыванием детей в магазинах, клубах, кинотеатрах после девяти часов вечера³.

Борьба с беспризорностью не была исключительной прерогативой милиции. К ней подключались и другие государственные структуры. В первую оче-

¹ ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 5. Л. 41.

² ГАИО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 72. Л. 226.

³ ЦДНИ ГАИО. Ф. 263. Оп.2. Д. 153. Л. 3.

редь, можно отметить работу городского комитета ВЛКСМ, который выделял до 40 человек для активного участия в выявлении беспризорных на улицах Иркутска. Санитарно-гигиеническая обстановка помещений для пребывания детей находилась в ведении городского отдела здравоохранения. Больницы регулярно принимали беспризорников для обследования и лечения. Городской отдел народного образования также предоставлял работников для участия в борьбе с беспризорностью¹.

Еще одной задачей социальной политики во второй половине 30-х гг. XX в. стало улучшение материального положения детских домов. Детские дома в 1930-е гг. представляли собой учреждения, в которые направлялись дети в возрасте от 3 до 15 лет. Чаще всего это были дети-сироты. Дети до 7 лет помещались в детские дома дошкольного типа, а 8-15 лет – в учреждения школьного типа. Дети до трех лет воспитывались в домах младенца, которые были подведомственны отделам здравоохранения. Учреждения дошкольного типа (трех-комплектные) вмещали 75 детей. Группы в них формировались по возрастному признаку: 3-4 года – младшая группа, 4-5 лет – средняя и 5-6 лет – старшая. В детских домах смешанного типа проживали дети различных возрастов. Главным преимуществом такого пребывания была возможность совместного воспитания детей из одной семьи. Учреждениям разрешалось вводить до 10% мест, финансирование которых исходило от родителей или родственников пребывающих в них детей².

В случае передачи ребенка в детский дом организовывался обязательный медицинский осмотр, в рамках которого определялся точный возраст ребенка, особенности его физического развития и здоровья. Дети зачислялись в детские дома из приемников-распределителей на основании акта медосмотра и других

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф. 159. Оп.1. Д. 3. Л. 158.

² ГАИО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

документов, передаваемых заведующему. Из органов ЗАГС представлялись справки о наличии или отсутствии актовых записей на каждого воспитанника¹.

В 1937 г. Народным комиссариатом просвещения был поднят вопрос об ошибках в комплектовании детского контингента учреждений. Еще 4 июля 1936 г. ЦК ВКП(б) выпустил постановление «О педологических извращениях в системе наркомпроса»², в котором раскритиковал деятельность Наркомпроса, указав на то, что вместе с детьми, имеющими дефекты в умственном и физическом развитии, в детские дома особого типа попадают абсолютно здоровые дети. В марте 1937 г. Наркомпрос утвердил инструкцию «О порядке комплектования детьми школ и детских домов с особым режимом»³. Основные положения инструкции сводились к тому, что в учреждения специализированного типа должны были размещаться дети в возрасте от 9 до 14 лет, которые нарушают правопорядок, а также установленный режим и дисциплину в детских домах, бродяжничают или имеют связь с преступностью, оскорбляют работников детских учреждений. К проблемным также относились дети, которые прогуливают школу, имеют конфликты с воспитателями, совершают побеги из детских домов обычного типа. Было запрещено направлять в данные учреждения детей, имеющих диагнозы из области психиатрии, а также детей, нуждающихся в особом медицинском обслуживании⁴.

Для функционирования детских домов предоставлялись старые, а зачастую не пригодные для проживания здания. Строительство новых корпусов практически не велось. В Верхоленске детский дом разместился в здании старой деревянной церкви, а в Тельме Усольского района в 1938 г. для детского дома было предоставлено помещение бывшей суконной фабрики⁵. В Черемхово

¹ Лебедева Е. Н. Социализация беспризорных подростков в Иркутской области и Красноярском крае в 1930-х гг / Е. Н. Лебедева // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2007. № 1-2(29). С. 236.

² Постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов». 4 июля 1936 г. // КПСС в резолюциях...Т. 6. 1933-1937 гг. М., 1985. С. 364-367.

³ Инструкция Наркомпроса «О порядке комплектования детьми школ и детских домов с особым режимом» 1937 г. // КПСС в резолюциях...Т. 6. 1933-1937 гг. М., 1985. С. 368.

⁴ ГАИО. Ф. 1928. Оп. 1. Д. 38. Л. 44.

⁵ ЦДНИ ГАИО. Ф. 263. Оп.2. Д. 152. Л. 127.

к 1939 г. помещение детского дома вовсе стало непригодным для пребывания детей. Лишь в 1939 г. Иркутский обкома ВКП(б) признал необходимость строительства новых помещений. Было принято решение о строительстве нового здания Верхоленского детского дома, которое могло вместить 300 детей¹. Капитальный ремонт планировалось провести в Иркутском детском доме №3. Также еще в 1937 г. поступило предложение перенести Заларинский детский дом, который до этого располагался на болотистой почве. Однако решение данного вопроса откладывалось вплоть до 1939 г.²

Недофинансирование учреждений во второй половине 30-х гг. во многом было связано с фактами растраты поступивших денежных средств. В 1936 г. начата реализация положений постановления СНК и ВЦИК «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» от 31 мая 1935 г.³ В рамках реализации положений прокуратура усилила работу по выявлению фактов мошеннических схем с финансами детских учреждений. Органы управления народным образованием обязали отчитываться о финансировании учреждений.

В этом же году было принято постановление СНК РСФСР «О порядке финансирования детских домов»⁴. Финансирование детских домов и иных учреждений для детей было возложено на местное управление. Средства должны были поступать из бюджетов краев и областей. Положение «О школьном детдоме нормального типа» дополнило картину, разрешив привлекать дополнительные источники финансирования: средства профсоюзов, комсомола, родителей и иные добровольные пожертвования. Все отчисления могли быть перечислены только с разрешения комиссариата просвещения⁵. Отделы образования полностью контролировали расходование средств учреждений в соответствии с

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп.1. Д. 172. Л. 586.

² ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп.1. Д. 39. Л. 254.

³ Постановления СНК и ВЦИК «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» от 31 мая 1935 г. // Дети ГУЛАГа. 1918-1956 / сост. С. С. Виленский и др. М.: МФД, 2002. С. 183-187.

⁴ Постановлением СНК РСФСР «О порядке финансирования детских домов» от 14 июня 1935 г. // Дети ГУЛАГа. 1918-1956 / сост. С. С. Виленский и др. М.: МФД, 2002. С.202.

⁵ Положение «О школьном детдоме нормального типа» от 16 июня 1935 г. // Дети ГУЛАГа. 1918-1956 / сост. С. С. Виленский и др. М.: МФД, 2002. С.301.

заранее предложенными планами, что исключало свободное использование средств детскими домами.

На пленумах детской комиссии при ВЦИК постоянно освещалась задача по курированию детских домов. При этом шефские организации стали не просто помощниками учреждений, они были наделены контролирующими функциями. В них входил и контроль над финансированием учреждения, снабжением каждого ребенка всем необходимым для жизни. Шефство брали на себя органы ОГПУ. Предполагалось, что именно сотрудники данных органов могут показать пример строгой дисциплинированности, а также слаженной работы с детьми, что привлекло бы к шефству и сотрудников других предприятий и организаций. Шефствующие предприятия практически не помогали детским домам финансами, а редко оказываемая материальная помощь была незначительной. Собственное подсобное хозяйство детских домов приносило больше помощи, чем организации и предприятия, осуществляющие шефство. В Иркутской области наиболее крупное подсобное хозяйство было в Заларинском детском доме, который практически самостоятельно покрывал все расходы на питание¹.

Нормы расходов на питание в детских домах постепенно повышались, однако они явно не соответствовали ценам на продукты питания. В 1935 г. в месяц на питание воспитанника выделялось 10 руб., при этом средняя цена на говядину составляла 17 руб. 60 коп., десяток яиц стоил 8 руб. 40 коп., сибирские цены на молоко составляли 2 руб. 30 коп. за литр. В связи с этим, рацион питания воспитанников детских домов в основном состоял из картофеля, круп и хлеба².

Еще в начале 1930-х гг. были даны методические рекомендации по организации воспитательной работы с детьми, оставшимися без попечения родителей. В них четко определялись особенности санитарно-технических условий пребывания детей в детдомах. Так минимальная температура в помещении

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф.127. Оп. 1. Д. 39. Л. 287.

² ГАИО. Ф. 1929. Оп. 1. Д. 25. Л. 70.

должна была составлять 15 градусов; дважды в месяц должно было меняться постельное белье; минимум четыре раза должны были присутствовать банные процедуры, а нижнее белье подлежало замене не менее чем четыре раза за тот же период. Отдельным пунктом санитарных норм были обозначены своевременные прививки и борьба с инфекционными заболеваниями, своевременная изоляция заболевших, регулярные медицинские осмотры, дезинфекция помещений. Со второй половины 1930-х гг. санитарные нормы ужесточаются, следует их детализация. Государством провозглашается курс на сохранение жизни детей, в связи с чем разрабатываются инструкции по борьбе с отдельными болезнями, конкретизируются требования к помещениям детских домов.

С 1937 г. в регионе создаются специальные комиссии по проверке педагогического и руководящего состава детских домов. Целью комиссий становится решение кадровой проблемы в учреждениях для детей-сирот. По результатам проведенной проверки были сделаны соответствующие выводы. Для пополнения штата были направлены 120 человек, имеющих педагогическое образование. Одновременно были организованы курсы повышения квалификации для воспитателей и инструкторов труда¹.

Работа детских учреждений во многом зависела от руководства. Заведующие детскими домами несли всю полноту ответственности за положение учреждения. Они могли созывать педагогические советы по вопросам текущего состояния работы детдома, повышения квалификации кадров, распределения обязанностей. К кандидатам на должность заведующего предъявлялись следующие требования: педагогически стаж не менее трех лет, минимальный уровень образования – среднее специальное. Назначение заведующего и педагогов входило в полномочия отдела народного образования, как и увольнение работников. Технический и административно-хозяйственный персонал учреждения нанимался заведующим самостоятельно².

¹ ГАИО. Ф. 1929. Оп. 1. Д. 55. Л. 1.

² Смирнова Т. М. Детские дома и трудколони: жизнь «Государственных детей» в советской России в 1920-1930-е гг. / Т. М. Смирнова // Вестник РУДН. История России. 2012. №3. С. 201.

Репрессивная политика советской власти второй половины 1930-х гг. сказывалась на кадровом потенциале детских домов. Прошли чистки кадрового состава, направленные на выявление «непроверенных и неблагонадежных элементов»¹. Например, в Иркутском дошкольном детском доме №1 в 1938 г. были выявлены факты, противоречащие советской политике: воспитатель Кудрывая позволила детям разорвать портреты И. В. Сталина и В. Я. Ворошилова, а воспитатель Алтунина провинилась тем, что не могла наладить дисциплину в группе. Кроме того, у последней из них был арестован муж, что также автоматически ставило под сомнение ее благонадежность. Подобная ситуация в этом же детском доме коснулась воспитателя Хайнович, у которой под репрессии попали два брата. Всем работникам, у которых в семьях были репрессированные, в отчетах приписывались характеристики о плохой работе с детьми². Отделами народного образования не поощрялось кумовство и семейственность в детских домах. В 1937 г. в Иркутском детдоме №3 была уволена заведующая Зубарева, которую обвинили в кумовстве из-за того, что ее муж был трудоустроен старшим воспитателем, а еще двое из педагогов были мужем и женой³.

Наравне с устройством детей в детские дома развивалась такая форма устройства, как патронирование. Данная форма стимулировалась еще и тем, что детские дома были переполнены. Поэтому изыскивались любые возможности определения ребенка в семью с условием контроля со стороны органов власти. Патронат давал ребенку вероятность полноценного развития и социализации в семье, в отличие от пребывания детей в системе учреждений интернатного типа.

Важно отметить, что патронат был как индивидуальным, так и коллективным. В случае первого дети передавались в семью, а при коллективном патронате воспитательные функции осуществлял колхоз. Процесс передачи на патронирование в сельской местности осуществлялся председателями сельсовета.

¹ Карасева А. А. Финансирование и материальное снабжение детских домов РСФСР в 1930-е гг. / А. А. Карасева // Наука и школа. 2012. №3. С. 88.

² ГАИО. Ф. 1929. Оп. 1. Д. 57. Л. 17

³ ЦДНИ ГАИО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 8. Л. 188.

тов. В городах и крупных поселениях дети до 4 лет устраивались в семьи органами здравоохранения, а дети от 5 до 14 лет – органами народного образования.

В 1930-х гг. патронирование приобретает массовый характер. Особенно активно данная форма устройства детей использовалась в Бурятии, поскольку именно в аймаках республики встречалось большее количество многодетных семей, в которых принятие еще одного ребенка не являлось проблемой. В Иркутском округе за 1935 г. на патронирование семьям было передано 345 несовершеннолетних¹, а уже в 1937 г. в семьи было устроено 1200 детей-сирот².

В рамках патроната с опекуном заключался договор, на основании которого он обязывался предоставлять несовершеннолетнему все необходимое для жизни – питание, одежду и обувь, условия для проживания и обучения. Органы власти при передаче ребенка в семью предоставляли ему комплект одежды, белья, обуви, постельных принадлежностей.

Применялись и материальные стимулы для привлечения семей к патронату. В сельской местности приемные семьи получали земельные участки, которые не облагались сельскохозяйственным налогом, а также единовременную помощь в размере 50 руб. С таких семей не взималась оплата за обучение, а также бесплатно предоставлялись все учебные пособия, необходимые ребенку для получения образования. Патронирующим семьям оказывалась поддержка и от касс общественной взаимопомощи: приобретался скот, выдавались ссуды на льготных условиях, предоставлялась помощь в ремонте или постройке жилья. При этом ни на какое имущество семьи ребенок не претендовал. По достижению 15 лет ребенок выходил из патроната и не имел права получить в свое личное пользование землю – она оставалась у семьи опекунов. С одной стороны, это привлекало колхозников к участию в системе патронирования, но с другой, ущемляло имущественные интересы сирот³.

¹ ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 63. Л. 6.

² ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп.1. Д. 39. Л. 288.

³ ГАИО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 22. Л. 303.

Внимание уделялось и коллективному патронированию. Президиум Восточно-Сибирского краевого исполнительного комитета еще в 1933 г. запретил направлять детей-сирот из сельской местности в городскую, требуя освоения выделенных бюджетных средств на патронат. Всего на данные цели в регионе было выделено 40 тыс. руб.¹ В 1936 г. была выпущена специальная инструкция «О порядке передачи воспитанников детдомов в колхозы на воспитание». В ней указывалось, что в колхозы на патронат могли отправляться только дети, имеющие полноценное здоровье и высокий уровень физического развития. Запрещалось направлять в колхозы детей, имеющих глухоту, проблемы со зрением, проблемы с дисциплиной, умственную отсталость².

Условия проживания для детей в колхозах также оговаривались инструкцией. Помещения для проживания должны были вмещать не более 10 человек. Для защиты интересов детей из колхозного правления избирался один представитель. Допускалось размещение детей в домах колхозников. Колхозные кассы взаимопомощи обеспечивали детей продуктами питания. Ежемесячно на данные нужды выделялось по 6 руб. на каждого несовершеннолетнего, проживающего в колхозной квартире, а также по 15 руб. на ребенка, проживающего в колхозной семье. Дети в колхозах должны были работать без отрыва от получения образования. Учебно-воспитательная работа велась в рамках обучения в школе, относящейся к колхозу. Патронат заканчивался с наступлением совершеннолетия, либо по иным причинам по решению органов райотдела народного образования.

Изменения в курсе социальной политики сопровождались предъявлением строгих требований к воспитанию подрастающего поколения. Преобразования коснулись образования и воспитания детей и подростков. Именно в 1930-е гг. значительно расширяется сеть учреждений народного образования. Политика всеобща и провозглашение обязательного семилетнего образования заложили

¹ ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

² Инструкция «О порядке передачи воспитанников детдомов в колхозы на воспитание» // Беспризорность на Урале в 1929-1941 гг.: Сборник документов и материалов. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН; Изд-во АМБ, 2009. С. 210.

основу для охвата обучением всех детей школьного возраста. Конец 1930-х гг. стали временем поиска новых форм и методов организации обучения, активно шла адаптация новых программ.

В Бурятии данный процесс имел свои особенности, связанные с этническим составом населения. В регионе были введены новые национальные образовательные программы, учебники, открывались школы-интернаты для детей кочевников. Большая работа велась по подготовке кадров для национальных школ в аймаках. Специалисты из педагогических вузов направлялись для работы в деревни, вводились краткосрочные педагогические курсы для желающих преподавать в школе. Нередкими были командировки учителей в соседние регионы для обмена опытом. Принятые меры позволили снизить остроту кадровой проблемы в национальных школах республики.¹

В 1936 г. М. П. Ербанов, возглавивший делегацию трудящихся БМАССР, в Кремле сообщил И. В. Сталину, что 70,2% жителей республики являются грамотными, а среди мужчин этот показатель составляет 85%.²

Во второй половине 1930-х гг. в образовательном школьном процессе особое место отводилось такому предмету как история. В школы региона поступил новый учебник М. Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке», в котором прошлое страны излагалось в соответствии с основными положениями марксистско-ленинской идеологии. Изучение истории становится обязательным, многие события курса представляются с новой точки зрения: пересматриваются позиции о курсах политики правителей России, но при этом подчеркивается ценность героических подвигов в войнах³. Среди учителей БМАССР, внесших вклад в обучение подрастающего поколения и развитие про-

¹ ГАРБ. Ф. 1-п. Оп.1. Д. 83. Л. 60-64.

² Статья республикой сплошной грамотности // Бурят-Монгольская правда. Верхнеудинск, 1936. 4 марта (№ 52). С. 1.

³ Шойдонова А. М. Опыт реализации патриотического воспитания в 1920-1930-е гг.: на материалах Бурят-Монгольской АССР / А. М. Шойдонова, С. Д. Цыренов // Власть. 2022. Т. 30, № 2. С. 211-217.

светительской работы, можно выделить А. Е. Каландаришвили, А. В. Гергенову, Н. Н. Амагаеву, Ц. Н. Номтоева¹.

Полуоседлый образ жизни значительной части населения Бурятии привел к тому, что не все дети имели возможность посещать школу. Функционировали интернаты, в которых дети коренного населения размещались для проживания с целью обучиться грамоте. Местные власти обеспечивали школы-интернаты всем необходимым для жизни и учебы: мебелью, оборудованием, продуктами, посудой. Бурятские семьи предпочитали отдавать на обучение мальчиков, что и создавало значительный перевес в грамотности мужского населения региона. Если в начале 1930-х гг. всего 38% детей Бурятии проходило обучение в школах, то планы 1940 г. предусматривали распространение образования на все подрастающее поколение республики.

Продолжали действовать передвижные юрты («красные юрты»), работники которых занимались просвещением среди кочевой части населения. Женщины-бурятки в «красных юртах» посещали кружки домоводства, учились пользоваться банями, осваивали выпечку хлеба, учились рукоделию, стирке белья. Юрты оснащались библиотеками и медикаментами. Работники «красных юрт» отмечали, что в Бурятии население имело высокую мотивацию к учебе, многие ежедневно приходили на занятия за 5-10 км. Всего во второй половине 30-х гг. XX в. в Б-МАССР было 10 таких юрт. Они действовали в Агинском, Селенгинском, Верхнеудинском, Хоринском районах².

В Иркутской области вовлечение детей в образовательный процесс также имело свою специфику. Для Иркутской области 1937 г. стал определенным рубежом в проведении нового курса в области воспитания подрастающего поколения. Задача состояла в том, чтобы в рамках всеобуча охватить 100% детей уровнем начального образования. К 1938 г. в регионе действовало 1427 школ, в

¹ ГАРБ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 132. Л. 8.

² Там же.

которых проходило обучение 27,2 тыс. человек¹. Общие сведения о динамике учебных заведений для детей и численности мест в них представлены в Приложении 5. С 1936 по 1939 г. в регионе было построено 106 школ, что позволило увеличить количество мест для обучающихся до 53520. Общее количество школ увеличилось на 53%. Данные показатели свидетельствуют о значительных достижениях в области укрепления материальной базы сферы образования.

Остро стояла проблема строительства новых школ, поэтому во второй половине 1930-х гг. сеть школ значительно расширилась. В 1936 г. в Иркутске были построены здания школ №8, 26, 80, 43. Школы были в основном двухэтажными. Например, школа №80 была рассчитана на 425 мест, но в здании отсутствовали столовая, актовый зал и спортзал. Отопление было печным. Печи часто дымили, из-за чего было невозможно вести уроки, поскольку здание наполнялось дымом.

В 1937 г. свои двери распахнули школы № 3, 7, 9, 23, 37, 42. В 1938 г. была построена школа №34, которая стала самой современной на тот момент школой Ленинского района города. Руководителем школы была назначена историк М. К. Барсук. Школа сразу же оказалась перегруженной и работала в три смены. Уроки шли настолько плотно, что помещение не успевало проветриваться. Были проблемы с электричеством: свет в помещении был тусклым, что быстро утомляло обучающихся. Учителя, работающие в таких условиях, даже спустя много лет удивлялись своей выносливостью. Посильную помощь школе оказывал авиационный завод².

В 1940 г. сеть учреждений дополнила школа №17. Упор в работе школ делался на активности педагогического коллектива. Применялось социалистическое соревнование: классы соревновались между собой в успеваемости и участии в различных делах школы, района, города. Учителя ходили в соседние

¹ Делегеоз Е. Г. Основные тенденции развития системы народного образования Иркутской области в 1937-1953 гг. / Е. Г. Делегеоз // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2006. № 5. С. 110.

² Ленинский: вчера, сегодня, завтра / авторы-составители: Г. И. Хвощевский, В. В. Гасельник, Г. В. Майорова, Е. Е. Смагло. Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2020. С. 402.

школы для обмена опытом. Дисциплина в школах была строго регламентирована: соблюдалось ношение формы, формировалось бережное отношение к труду, школьному имуществу, учебникам. Обязательным было вежливое отношение к учителям, прививались хорошие манеры. Применялась практика ведения досок почета, на которых размещались фотографии лучших классов и учеников. Ученики занимались выпуском стенгазет, принимали участия в демонстрациях, осуществляли шефство над младшими классами и неуспевающими одноклассниками. К 1940 г. большинству школ города удалось достичь 100% успеваемости.

В целом, деятельность в сфере обучения и воспитания подрастающего поколения являлась важной составляющей политики по развитию института семьи и детства в Байкальском регионе.

Таким образом, меры, предпринимаемые в курсе социальной политики в области материнства и детства в регионе, были весьма разнообразны, что подчеркивает осознание органами власти значения семьи и подрастающего поколения для дальнейшего развития страны. Культ материнства и забота о детях стали основой мероприятий, проводимых в области здравоохранения, образования, социального обеспечения. После принятия новой Конституции, оформляется комплексный подход в области социальной политики. Однако многие направления этой работы не получили широкого развития и не подкреплялись материально-финансовыми мерами. В реальной работе местные органы власти по-прежнему предпочтение отдавали выполнению первостепенных хозяйственных планов, выполнение которых строго контролировалось вышестоящими инстанциями.

Реализация мер социальной политики подкреплялась финансовыми, правовыми и административными ресурсами. Однако их конкретное воплощение сталкивалось со многими проблемами, в которых далеко не последнюю роль играл человеческий фактор.

Одной из острейших проблем являлось обеспечение семей с детьми жильем. По всей Восточной Сибири жилой фонд увеличился до 3,5 млн. единиц

жилья, но на одного человека приходилось 3-4 кв. м площади жилого помещения. В Улан-Удэ на 1939 г. лишь в 16% жилья было обеспечено водопроводом и 12% жилья имело канализацию¹. При этом удельный вес горожан быстро рос. Строительные организации испытывали немалые трудности, обусловленные дефицитом стройматериалов и недостатком рабочей силы.

На предприятиях, руководство которых было обязано обеспечить работников жильем, в лучшем случае предоставлялась временная жилая площадь. Обеспеченность семей рабочих квартирами и домами была крайне низкой. Во второй половине 30-х гг. XX в. 90% шахтерских семей г. Черемхово имели для проживания либо одну комнату, либо дощатые и бревенчатые жилища, не выдерживающие морозов². Согласно распоряжению №8 от 16 апреля 1940 г. Исполкома Черемховского городского Совета депутатов, была проведена проверка жилищного фонда горняков. Как следует из служебной записки, 80% обследованного жилья являлась непригодным для проживания и было опасным для жизни и здоровья рабочих и их семей. В документе отмечалось, что состояние здоровья проживающих в этих помещениях женщин и детей становилось все хуже³.

В целом, инициатива сохранения жилищного фонда в руках государства и борьба с частным строительством, отказ от политики кредитования строительных кооперативов привели только к ухудшению состояния жилищного сектора. Баланс между частной инициативой и регулированием жилищной сферы со стороны государства так и не был достигнут.

Помимо проблемы обеспечения семей жильем остро стоял вопрос снабжения населения продовольствием. Для семей с детьми немаловажным являлось также наличие в магазинах товаров первой необходимости, лекарственных препаратов. В Бурятии с 27 марта 1936 г. был легализован ряд услуг (пошив одежды, ремонт обуви, стирка, парикмахерские услуги и т.д.), спрос на данные

¹ ГАРБ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 4203. Л. 94.

² МКУ «Архив города Черемхово». Ф. Л-41. Оп. 1-Л. Д. 55. Л. 317.

³ Там же. Л. 152.

услуги рос, но предложение данных услуг оставалось крайне низким. В г. Улан-Удэ на 120 тыс. человек населения было всего 107 магазинов¹. Наркомат снабжения Б-МАССР не имел четких планов снабжения, что приводило к задержке поставки товаров, а также их срыву. При этом приоритетным было снабжение индустриальных центров, в то время как в деревне мог находиться один магазин, в котором были пустые прилавки.

В городах региона имелись «барахолки», на которых были представлены различные группы товаров. На «барахолки» люди несли ненужные вещи, а вырученные от их продажи деньги или обмененные вещи шли на нужды семьи и обеспечение детей. Именно «барахолки» помогали людям выжить в трудное время. С. В. Буртонова вспоминает, что о «барахолке» знала почти с младенчества. В семье было четверо детей и трое взрослых. Доход был только у отца и у бабушки-пенсионерки, но этого было недостаточно для удовлетворения потребностей семьи. Мать уносила на рынок что-то ненужное из дома, меняла одежду, которая стала мала, на большие размеры. Многие жители города делали точно также².

Многие проблемы были связаны с неразвитостью социальной сферы. В населенных пунктах отсутствовала планировка улиц и водоснабжение. Население брало воду из рек и озер, в которые нередко сваливался весь сельский мусор. Употребление такой воды приводило к росту инфекционных заболеваний. В 1937 г. на 10 тыс. сельских жителей было зарегистрировано 3,5 случая заболевания тифом³;

Учреждения здравоохранения базировались в основном в городской местности. Например, к 1939 г. в г. Улан-Удэ действовали 4 детские поликлиники плюс две республиканские больницы. В городе также открывались специализированные учреждения – зубные кабинеты, пункты приема больных туберкуле-

¹ ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 1. Д. 656. Л. 73.

² Из интервью с С. В. Буртоновой (1938 г. р.) 2022 г. // Личный архив Д. А. Бурдиной.

³ ГАИО. Ф. р-1893. Оп. 2. Д. 27. Л. 10, 153-154.

зом, рентгенотделения.¹ В тоже время в сельской местности порой не было даже фельдшерских пунктов, в которые бы могли обратиться местные жители.

Несмотря на планы, к масштабному строительству бань в регионе так и не приступили. Согласно отчету о состоянии противоэпидемической работы в Иркутской области за 1938 г. банные установки отсутствовали во многих районах. Население продолжало топить сельские бани, оборудованные по черному. В Усть-Ордынском округе население посещало бани 1-2 раза в год, что было самым низким показателем по всему Байкальскому региону². Идея создания колхозных бань не увенчалась успехом, поскольку так и не были представлены конкретные инструкции по реализации проекта и не осуществлялся контроль над строительством³.

От санитарных условий проживания в регионе зависела жизнь подрастающего поколения, состояние будущего генофонда страны. Санитарное просвещение населения, особенно коренных народов, невозможно было провести быстро. К необходимому результату могла привести только продуманная работа работников сельских советов и санитарных комиссий. Хаотичная и несистематическая работа по санпросвету позволила лишь в незначительной степени ознакомить население с причинами возникновения социальных болезней, о способах их передачи, что позволяло контролировать вспышки заболеваемости, но не приводило к полному исчезновению социальных недугов.

К концу 1930-х гг. практически прекратились профилактические мероприятия в области ликвидации беспризорничества. Основные усилия свелись к изъятию детей с улиц и размещение их в детские дома и на патронаж. Финансирование патронирующих семей осуществлялось нерегулярно, что также создавало немалые трудности. Особенно это было характерно для сельской местности⁴. В 1937 г. в Иркутской области патронирующие семьи добивались полу-

¹ ГАРБ. Ф. Р-665. Д. 535. Л. 71, 74.

² ГАИО. Ф. р-1893. Оп. 2. Д. 27. Л. 11.

³ Шаламов В. А. Санитарное просвещение Сибири в 1920-1930-е годы / В. А. Шаламов // Сибирский медицинский журнал (Иркутск). 2013. Т. 117, № 2. С. 122.

⁴ ГАИО. Ф. 331. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.

чения ежегодных пособий в размере 25 руб. только при неоднократном обращении в отдел народного образования. Телеграммы с требованиями выплат приходили регулярно. Некоторым семьям приходилось напоминать о себе по 3-4 раза, прежде чем средства на содержания детей доходили до адресата. Выплаты в населенных пунктах осуществлялись лишь в одном случае – при приезде самих патронатных родителей за деньгами. Возможность приезжать за деньгами была далеко не у всех, но из местных работников сельсоветов никто не беспокоился о выплатах, даже если семьи не получали их по полгода. Райсоветы не требовали отчетов о выплатах, поэтому халатность присутствовала повсеместно.¹ В течение года по области из семей-патронатов было изъято 10 детей, которые, по мнению Комиссии отдела школ, нуждались в социальной защите. Изъятые несовершеннолетние помещались в детские дома².

По причине невыплат положенных пособий семьи нередко отказывались от патроната. Например, семья Хвоцинских отказалась от воспитания ребенка по причине того, что председатель Больше-Жилкинского сельсовета т. Моисеев не передал полученные для семьи 25 руб., решив покрыть ими прошлогодние расходы³. Были и иные ситуации, которые приводили к тяжелому положению детей в патронируемых семьях. Например, в том же Усольском районе в д. Большая Елань сельсовет выдал С. Куркутову 10 метров ткани и 40 руб. на содержание девочки-сироты. Глава семьи пропил часть этих средств, на оставшиеся деньги купил сапоги своей жене. Ткань пошла на пошив фартука и блузки супруге⁴. Патронированный ребенок не всегда находился в семье, с которой был заключен договор. Так Амалия Тихомирова проживала в семье Анпаловых, по документам сельсовета числилась у Куркутовых, которые получали за нее материальную помощь, а договор на патронат был заключен с Самойловыми⁵. Только в одном селе насчитывалось пять таких детей. Причиной такой путани-

¹ ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 63. Л. 1.

² ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп.1. Д. 39. Л. 288.

³ Там же. Д. 100. Л. 61.

⁴ ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 100. Л. 61.

⁵ ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 100. Л. 64.

цы было принуждение семей к патронату над детьми. Самойловой был передан ребенок без ее согласия, в результате чего воспитание и присмотр осуществляли соседи, у которых несовершеннолетний пребывал фактически. Подобные случаи были в селе Михайловка Черемховского района.

Естественно, что архивные документы фиксируют прежде всего случаи безответственного отношения к принимаемым в семьи детям. Однако анализ подобных случаев свидетельствует о их типичности и достаточно широком распространении. В селе Большое Жилкино С. Бутылин вместе с супругой уехали в районный центр и не вернулись, бросив двух детей. Младший пятилетний ребенок по требованию соседей был быстро отправлен в детский дом. Старший, пытаясь избежать попадания в интернат, стал беспризорником и скитался на протяжении двух месяцев, совершая мелкие кражи¹. В Тулунском районе в совхозе «Сибиряк» отличилось сразу пять семей, в которых патронируемые дети не ходили в школу, скитались безнадзорно, проживали в грязном бараке и не имели даже нижнего белья². Часто родные дети выгоняли младших приемных детей на улицу, отбирали еду, одежду, не позволяли пользоваться вещами семьи.

Огромный пласт проблем складывался вокруг детских домов. Укомплектование учреждений не всегда соответствовало рекомендациям органов власти. В Иркутской области не были редкостью случаи помещения детей в детские дома без распоряжения Иркутского окружного отдела народного образования. Присутствовали проблемы с правильной наполняемостью учреждений. Только к концу 30-х гг. XX в. завершился процесс разделения детских домов по типам. Типизация в основном отражалась лишь на бумаге и в названии учреждения. На деле распределение детей в соответствии с типом учреждения не всегда соблюдалось. Например, в дошкольных детских домах встречались дети школьного возраста. В Черемховском и Тулунском детских домах такие дети составляли до 50%. Причиной являлась переполненность учреждений школьного типа.

¹ ГАИО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 100. Л. 63.

² Там же. Д. 81. Л. 21.

Приходилось распределять детей в те детские дома, в которых были хоть какие-то места¹.

Только в конце 1930-х гг. положение детских домов стало значительно стабильнее. Проблемы с питанием сохранялись в основном в отдаленных районах. Множество проблем сохранялось в материально-техническом оснащении детских домов. В отделы народного образования регулярно поступали письма от заведующих, которые предпринимали непосильные попытки улучшить положение учреждений. Заведующая Иркутским детским домом №3 Яковлева в своем письме указывала, что отделом народного образования в 1937 г. было выделено 5200 р. на улучшение оснащения детского дома. Однако этих средств было недостаточно для покрытия расходов. В учреждении было сломано 70% кроватей, не хватало матрасов. Только на стулья требовалось 1020 р., покупка кроватей обошлась заведению в 4900 р. Нужны были одеяла и новые матрасы. Самое скромное меню обходилось приюту в 4 руб. 24 коп., в то время как на питание органами власти выделялось 3 руб. 15 коп.² После увеличения количества детей до 200 человек детскому дому ежемесячно выделялось 26 тыс. руб., которые еле покрывали расходы на питание и заработные платы сотрудников³.

Актуальной была проблема качества питания воспитанников. О разнообразии в рационе даже не было речи. Например, в Заларинском детском доме дети питались кашей на воде и лапшой, в то время как бюджет учреждения был профицитным. Экономия в 1937 г. составляла 56 тыс. руб. В Иркутском детдоме №3 также сэкономили 22 тыс. руб. Такая экономия достигалась именно за счет урезания рациона питания, который характеризовался однообразием и самыми дешевыми продуктами⁴.

В документах отмечаются и иные нарушения: выдавали одежду не по размеру, из-за нехватки посуды заваривали чай в кастрюлях из-под супа и т.д.⁵

¹ ГАИО. Ф. 1929. Оп. 1. Д. 34. Л. 15.

² ГАИО. Ф. 1929. Оп. 1. Д. 25. Л. 70.

³ Там же. Д. 55. Л. 4.

⁴ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 39. Л. 285.

⁵ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 39. Л. 284.

Зачастую воспитанники учреждений относились небрежно к собственным вещам и имуществу детского дома. Например, в Бирюсинском детском доме в 1937 г. воспитанники могли спокойно бросить пальто на пол и пройтись по нему в обуви. Из-за отсутствия отметок на вещах, дети путали их, из-за чего нередко происходили драки и порча имущества. Никто из воспитателей не реагировал на такие выходки¹.

Сохранялась проблема снабжения детских домов топливом. В 1937 г. в детском доме Заларей запас топлива был лишь на день вперед², а в Иркутском детдоме №1 температура в помещении доходила до четырех градусов³. В 1938 г. в Иркутске у детского дома №1 иссяк запас угля и дров, а поставка топлива задерживалась⁴. Имелись и случаи хищений и расходов со стороны должностных лиц. Например, в 1939 г. в Иркутском детдоме №3 растраты администрации составили 64 тыс. руб.⁵

Много недостатков имелось и в организации работы самих детских домов. Встречались случаи пренебрежения администрации детских домов подсобными хозяйствами. В Иркутском детдоме №3 в 1939 г. собранные овощи хранились ненадлежащим образом, в результате чего треть урожая была испорчена: сгнили картофель, помидоры, морковь, овес был испорчен мышами⁶. Такая картина присутствовала во многих учреждениях региона, поскольку работники детских домов не обладали необходимыми знаниями из сельскохозяйственной сферы, были выходцами из городской среды, не имели представлений об условиях хранения продуктов.

Помимо материально-технического оснащения и финансирования детских учреждений, актуальной проблемой оставалось санитарное состояние детских домов. Ответственность за соблюдением санитарных норм возлагалась на весь коллектив. Педагоги и администрация учреждения должны были следить за со-

¹ ГАИО. Ф. 1929. Оп. 1. Д. 57. Л. 9.

² ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп.1. Д. 39. Л. 286.

³ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп.1. Д. 31. Л. 13.

⁴ ГАИО. Ф. 1929. Оп.1. Д. 57. Л. 17.

⁵ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп.1. Д. 172. Л. 585.

⁶ ЦДНИ ГАИО. Ф. 1914. Оп. 1. Д. 18. Л.45.

стоянием здоровья детей, их внешним видом, качеством питания. Регулярные занятия гимнастикой и медико-профилактические беседы должны были способствовать формированию правильного отношения воспитанников к личной гигиене. Случаи нарушения санитарных норм сводились как к халатному отношению со стороны детей и педагогов, так и возникали по причине отсутствия стандартного набора гигиенических средств – зубного порошка, мыла.

Неукомплектованность детдомов педагогическими кадрами наблюдалась повсеместно. Например, в Иркутском дошкольном детдоме педагоги работали в две смены, поскольку воспитателей не хватало. Такая ситуация неизбежно порождала случаи нарушения трудовой дисциплины: уход с рабочего места, прогулы, неожиданные отгулы персонала¹.

Кадровый вопрос был актуален и для школ. В регионе, как и по стране в целом, он осложнялся тем, что репрессии в конце 1930-х гг. коснулись как учителей, так и родителей школьников. Например, первый директор школы №26 был арестован по ст. 58-10, -11 УК РСФСР в 1938 г. Репрессии в отношении родителей обучающихся значительно осложнили дальнейшую социализацию школьников, их вступление в пионеры и комсомольцы. Например, в Половинской средней школе ученик 7 «А» класса Петр Душутин не был принят в ВЛКСМ по причине того, что отец мальчика был арестован в 1938 г. Данная ситуация интересна тем, что после отказа Душутин обратился к военному прокурору, прокурору Восточно-Сибирской железной дороги с просьбой разъяснить ситуацию. В ответе говорилось, что поскольку отец арестован не как «враг народа», данное обстоятельство не может быть препятствием для вступления в комсомол. Однако даже после разъяснения прокуратуры семиклассник получил отказ от комсомольской организации. На просьбу Душутина дать справку из прокуратуры для ВЛКСМ, в которой бы содержалась информация об отсутствии запрета на вступление в молодежную организацию, был получен отказ². Подобное равнодушие надзорных органов и произвол местных властей были не

¹ ГАИО. Ф. 1929. Оп. 1. Д. 57. Л. 9.

² МКУ «Архив города Черемхово». Ф. Л-62. Оп. 1-Л. Д. 34. Л. 12.

единичными. Воспитание в условиях идеологии создавало у ребенка образ идеального будущего через участие в пионерской организации, в работе ВЛКСМ, отказ в принятии в которые рушил представления о дальнейшей жизни в советском государстве и порождал сомнения в правильности коммунистического строя.

Отношение к семьям репрессированных также было неоднозначным. Например, семья арестованного по делу о «шпионско-диверсионной деятельности» в 1937 г. Петра Лазовского постоянно испытывала негативное внимание со стороны соседей, рабочего коллектива, школы. Сын арестованного – Павел – вспоминает, что хотел участвовать в выборах старосты в январе 1941 г., но классный руководитель Н. А. Затева отговаривала всех ребят от выдвижения его кандидатуры. Часто в свой адрес мальчик слышал оскорбления. Комсорг Л. Гольцман отказала Лазовскому в приеме в ВЛКСМ, а мандатная комиссия по приему в офицерское училище забрала кандидатуру юноши для поступления, и все это по причине того, что отец сидел в тюрьме по политической статье¹.

Приведенный пример не позволяет перейти на обобщение, поскольку в воспоминаниях отражается и иное отношение к детям и семьям репрессированных. А. Ф. Глушаченко вспоминает, что после ареста отца в как «врага народа», семья не сталкивалась с подобным давлением. Они проживали в с. Тыреть, Заларинского района. В первые недели после ареста практически все соседи предлагали свою помощь: кто-то привозил матери воду и дрова, кто-то помогал присматривать за детьми, пока мать занималась домашними делами, оказывали и моральную поддержку. В деревне было и другие семьи репрессированных, в связи с чем присутствовало относительное взаимопонимание².

На обеспечение потребительского спроса населения в регионе значительно влияние оказал и предвоенный кризис снабжения. С 1 декабря 1939 г. введен запрет на продажу муки и хлеба на селе, урезаны нормы продовольствия. Обо-

¹ Интервью с П. П. Лазовским // Личный архив Д. А. Бурдиной.

² Интервью с А. Ф. Глушаченко // Личный архив Д. А. Бурдиной.

роты торговли снизились, шел процесс извлечения сельских накоплений посредством увеличения налогов. С лета 1939 г. в СССР активно развивается закрытая торговля. На заводах, перерабатывающих стратегическое сырье, при шахтах открываются магазины, доступные лишь семьям работников данных предприятий, а также работникам учреждений при них – школ, детских садов, больниц и т.д. Главным недостатком такого метода снабжения населения являлась бесконтрольность, возможность скупки большого ассортимента товаров. Не смотря на ограничение отпуска определенного количества товаров в одни руки, покупатели могли приходиться за товарами неограниченное количество раз и приобрести тем самым нужное количество продуктов. Нередко встречались спекуляции и перепродажи товаров с точек закрытой торговли.

Население, оказавшееся за пределами закрытой торговли, в том числе и семьи с детьми, проживающие в городах, испытывали трудности в приобретении необходимых товаров. Также 1939 – 1940 гг. стали периодом роста цен на многие продукты: ткани, посуду, одежду, обувь, сахар. В 1,5 – 2 раза увеличились цены на молочные продукты, мясо и рыбу, а ведь именно эти товары были крайне необходимы семьям для поддержки здорового питания.

Таким образом, попытка реализации комплексного подхода к социальной политике, включая защиту института и детства в Байкальском регионе выявила множество проблем, требующих кропотливой и внимательной работы. Поддержка материнства и детства, создание условий для воспитания подрастающего поколения, защита детей, оставшихся без попечения родителей, несомненно, были актуализированы задачами внутривнутриполитического курса после принятия новой Конституции. Можно утверждать, что до начала войны шел только процесс выстраивания комплекса мер, которые в перспективе могли бы привести к серьезному развитию отдельных социальных институтов, включая материнство и детство, а также укрепить материальную основу социальной политики. Подготовка к войне, а также характер мобилизационных мер, осуществляемых в данный период серьезно отразились на планах в области развития социальной сферы. Приоритетное значение по-прежнему имели вопросы хозяйственного и

оборонного характера. Тем не менее, можно отчетливо видеть активизацию внимание со стороны центральных органов власти к вопросам социальной политики в предвоенный период, что нашло свое отражение и в Байкальском регионе. Апробация многих мер, несмотря на все недостатки, помогла более осознанно и эффективно решать вопросы защиты материнства и детства в годы войны.

ГЛАВА 2. ИНСТИТУТ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

2.1. Государственная поддержка семей военнослужащих

Социальная политика СССР в отношении материнства и детства в период Великой Отечественной войны была одной из самых важных и ответственных задач государства. В условиях военного времени произошли существенные изменения в социальном законодательстве. Они касались не только регулирования трудовых ресурсов, рабочего времени, но и имели отношение непосредственно к институту материнства и детства. Для военного времени было важно создать такие условия для семей фронтовиков, при наличии которых солдаты были бы уверены, что пока они сражаются за Родину, их семьи в безопасности и государство о них заботится.

В первую очередь изменения коснулись организации труда. Большую часть работоспособного населения в стране составили женщины. К труду привлекались все, кто мог оказать посильную помощь государству. Женщины, имеющие детей, не могли быть включены в производственные отношения в полной мере, поэтому перед государством встали две основные задачи:

- высвободить имеющиеся трудовые ресурсы в лице советских женщин, оказав им помощь по пристрою детей в дошкольные организации;
- обеспечить законное использование труда несовершеннолетних, которое бы не нанесло вред здоровью подрастающего поколения и не нарушало общие требования к образовательно-воспитательным функциям семьи.

Согласно ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», лица, моложе 16 лет, к сверхурочной работе могли быть привлечены только в том случае, если она не превышала бы двух часов день. В Указе также был введен запрет на принуждение к обязательным работам беременных женщин после полугода беременности. Кормящие матери также не привлекались к работе

первые полгода после родов. Сверхурочные часы для таких категорий женщин должны были быть оплачены в полуторном размере¹.

Согласно указу Президиума ВС СССР от 10 апреля 1942 г., введены были пошлины за регистрацию браков, разводов, изменение имени и фамилии, а также за восстановление и изменение записей актов гражданского состояния. Однако, выдача свидетельств о рождении и смерти, а также усыновления были исключены из этого списка².

Особое место в социальной политике занимал Указ от 8 сентября 1943 г. «Об усыновлении»³. В указе были определены положения, в соответствии с которыми усыновитель мог просить о присвоении себе фамилии и отчества, а также быть записанным как родитель. Однако дети, достигшие десяти лет, могли получить фамилию и отчество по имени усыновителя только после их согласия и без согласия усыновляемых усыновители не могли быть записаны как родители. Данный Указ был направлен на расширение прав детей. Оставшихся в годы войны без родителей.

Местные органы власти с одной стороны пролонгировали решения, принимаемые центральной властью, одновременно и в регионе принимались законодательные акты, направленные на поддержку и защиту материнства и детей. Например, Иркутский областной совет депутатов трудящихся принял решения №175 от 4 февраля 1942 г. и №212 от 11 февраля 1942 г., предусматривающие ежегодное пособие в размере 2000 рублей для многодетных матерей в Иркутской области до достижения их детьми 5 лет⁴.

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. С. 76.

² Указ Президиума ВС СССР от 10.04.1942 о местных налогах и сборах // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. С. 49.

³ Указ Президиума ВС СССР от 08.09.1943 «Об усыновлении» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. С. 101.

⁴ Пособие по многодетности // Ленская Правда. 15 марта 1942 г. №19(2143). С.4.

Местным органам управления было поручено облегчить бытовые проблемы работающих матерей-женщин. В Иркутской области и БМАССР женщины регулярно получали пособия, могли посещать общественные места питания, имели продовольственные карточки и получали гарантии устройства детей в ясли и детские сады, если они были доступны. В 1943 г. Совнарком Бурятии выделил средства на создание 6 дополнительных детских столовых в городах Улан-Удэ, Нижнеангарске, Кяхте и Усть-Баргузине, чтобы улучшить питание нуждающихся детей. Для истощенных и больных детей выдавался дополнительный паек. Однако, как отметила А. Н. Соболева, в деревнях и селах ситуация была гораздо хуже, и даже при наличии собственных огородов люди не могли прокормить своих детей¹. У детей не было возможности ощущать ни печаль, ни радость из-за постоянного голода. В своих воспоминаниях М. Федорова отмечает, что во время вечеринок гости веселились, пели и обсуждали войну, иногда даже плакали, но сами дети ждали только того момента, когда гости уйдут, чтобы иметь возможность поесть оставшуюся еду².

Очередным шагом в правовом регулировании института материнства и детства стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия...»³. В соответствии с Указом, многодетным матерям (которые имеют мужа или являются вдовами) выплачивалось государственное пособие при рождении третьего и каждого следующего ребенка, начиная с двоих детей. Таким образом, новый порядок выдачи пособия заменял старый, в котором го-

¹ Соболева А. Н. Женская и детская повседневность в Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны / А. Н. Соболева // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 11. С. 64.

² Воспоминания М. Федоровой // Детство, опаленное войной: сб. воспоминаний детей войны / сост. В. З. Соркин. Вологда: ФЕСТ, 2011. С. 51.

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия - звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. С. 79.

сударственное пособие получали многодетные матери, имеющие шестерых детей и более, при рождении седьмого и каждого последующего ребенка. Многодетным матерям выплачивалось ежемесячное пособие, начиная со второго года жизни ребенка до того момента, когда ребенок достигнет возраста пяти лет. Одиноким матерям выплачивалось государственное пособие до тех пор, пока ее дети не достигнут возраста шестнадцати лет (если они не являются студентами, не получающими стипендии - до восемнадцати лет).

Указом были установлены дополнительные права для беременных и кормящих матерей: отпуск увеличился с 63 до 77 дней, нормы трудового пайка были увеличены, а система льгот для оплаты детских садов была расширена. Также Указ вводил новые меры поощрения, награды для матерей: медаль «Медаль материнства» I и II степени, орден «Материнская слава» и звание «Мать – героиня».

После выхода Указа местные органы власти в регионе усилили внимание к вопросам защиты материнства и детства. Улан-Удэнский горком провел проверку условий работы беременных и кормящих женщин. В результате проверки ПВЗ, стеклозавода и мясокомбината, выявлено, что ограничения для данных категорий работников соблюдаются, но отдельный учет таких работников не проводится. На предприятиях для женщин организованы комнаты гигиены, однако не оказывается помощь для заболевших и не ведется учет многодетных и одиноких матерей, а также семей, нуждающихся в помощи. В отчете отмечается, что материальная и продовольственная помощь не оказывается в полном объеме¹.

Однако вручение наград в Байкальском регионе задержалось. В частности, к ноябрю 1944 года в Бурятии не было представлено никаких документов на награждение матерей. В тоже время только в столице республики на начало 1944 года было 178 матерей с 7-9 детьми старше 5 лет. Горком ВКП(б) Улан-

¹ ГАРБ. Ф. П-2. Оп.2. Д.1113. Л. 58.

Удэ расценил такое положение как «недостаток внимания к многодетным женщинам»¹.

Особое внимание в годы войны уделялось поддержке семей военнослужащих. В соответствии с действующими нормативными документами ответственными за своевременную передачу информации в райсобес о назначении пособий для женщин и детей из семей бойцов-красноармейцев являлись первичные парторганизации и исполкомы сельских советов были². Постановлением бюро Иркутского обкома ВЛКСМ «О работе комсомольских организаций по оказанию помощи детям фронтовиков» от 24 августа 1942 г. создавались специальные бригады, которые должны были обеспечить проверку правильности выплат пособий семьям военнослужащих, оценить уровень жизни семей и выявить проблемные стороны их обеспечения³.

Во время Великой Отечественной войны многие мужчины находились на фронте, поэтому принимаемые меры помогали поддерживать минимальный уровень жизни населения. Женщины и дети, в свою очередь, нуждались в поддержке государства, которое старалось помочь им насколько это было возможно в условиях войны.

Согласно отчету Иркутской областной комсомольской организации, за период войны в Иркутской области было выделено 900 тыс. р. на выплату пособий для школьников⁴. По отдельным районам принимались дополнительные меры поддержки, направленные в основном в адрес семей погибших фронтовиков, а также детей-сирот. В Усольском районе была предоставлена помощь для женщин и детей в виде материальной поддержки общей суммой на 471 тыс. руб., а также 1300 кг муки, 85 литров молока, 7 кг масла, 11 центнеров картофеля⁵.

¹ ГАРБ. Ф. П-2. Оп.2. Д.1113. Л. 62.

² ЦДНИ ГАИО. Ф. 243. Оп. 3. Ед. хр. 269. Л. 39.

³ ЦДНИ ГАИО. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 51.

⁴ Там же. Ед. хр. 369. Л. 43.

⁵ Там же. Оп. 5. Ед. хр. 93. Л. 55.

Одной из важнейших форм государственной поддержки таких групп граждан является предоставление социальных выплат и льгот, компенсаций, пособий. В годы Великой Отечественной войны государство принимало нормативно-правовые документы, которые регулировали отношения между семьями военнослужащих и государством. Эти документы служили основой для политики, которая осуществлялась органами, ответственными за ее выполнение. Законодательство было дополнено с учетом специфики военных лет. Военное время представляло собой сложные испытания не только для самых фронтовых солдат, но и для их семей.

Система государственной поддержки отдельных категорий граждан формировалась на основе законодательных актов, регламентирующих порядок и условия предоставления социальных выплат и льгот. Однако на практике возникали ситуации, когда граждане не могли получить необходимую помощь или информацию о порядке ее предоставления. СССР в этом плане не был исключением, и проблемы адресной помощи сохранялись на протяжении всего военного времени.

С самого начала Великой Отечественной войны, когда мужчины, которые часто являлись единственными кормильцами, были мобилизованы в армию, потребовалось принимать комплекс мер по финансовому обеспечению семей военнослужащих. Указ Президиума ВС СССР, который регулировал порядок выплаты пособий семьям низшего начальствующего состава военнослужащих во время войны, был выпущен уже 26 июня 1941 года. Информация, содержащаяся в Указе, дублировалась в постановлении СНК СССР от 16 июля 1940 г. «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава и их семьям». Использование уже проработанных статей законов позволяло быстро принимать решения, издавая документы в кратчайшие сроки¹.

¹ Указ Президиума ВС СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» // Сборник указов Президиума Верховного совета СССР, изданных в связи с войной против немецкого фашизма. [Б. м.], 1941. С. 56.

Анализируя нормативно-правовые источники в сфере регулирования социальной поддержки и защиты семей военнослужащих СССР, можно отметить следующие направления законодательства:

- правовые акты, регулирующие основания и процедуру выплаты пособий для семей фронтовиков (размеры помощи, ее виды, адресность, круг возможных получателей финансовой поддержки, степень определения нуждаемости семьи);

- нормативно-правовые акты, в том числе указы и постановления, обеспечивающие регламентацию пенсионных выплат военнослужащим: условия назначения, процедуру выплат пенсионных отчислений при уходе со службы;

- акты, регулирующие льготы, их назначение и круг получателей, документальное сопровождение¹.

26 июня 1941 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР, который полностью определил адресную помощь семьям военнослужащих в форме пособий, принцип назначения которых зависел от численности в семье иждивенцев и нетрудоспособных членов. Законодательно давалось определение иждивенцев, к которым относились лица, чья жизнь полностью зависела от помощи военнослужащего. Сумма пособий рассчитывалась в соотношении с численностью таких членов семьи. Для начислений не учитывались трудоспособные граждане. Женщины также считались трудоспособными, однако не учитывался тот факт, что у многих из них было несколько детей. Даже многодетность не освобождала от участия в трудовой деятельности.

Были установлены следующие категории нетрудоспособного населения:

- дети в возрасте до 16 лет, а также до 18 лет, если они находятся на обучении;

- наличие в семье отца в возрасте старше 60 лет и матери старше 55 лет;

- братья и сестры в возрасте до 16 лет (или до 18 лет в случае учебы), если у них нет трудоспособных родителей;

¹ Хабдиева Л. Ч. Материально-бытовая помощь семьям военнослужащих в годы Великой Отечественной войны // Научный диалог. 2017. №8. С. 214.

- наличие супруга или родителей с инвалидностью I и II группы¹.

Право на получение пособия семьям военнослужащих было предоставлено детям, братьям, сестрам и супругам военнослужащих. С 1943 года дедушки и бабушки военнослужащего также получили возможность получать это пособие. Таким образом, только близкие родственники военнослужащего имели право на этот вид помощи. Привилегии для родственников супруги не предоставлялись. Если у мобилизованного военнослужащего было много родственников, имеющих право на пособия, денежная сумма делится пропорционально между нуждающимися. Согласно действующему законодательству, дети военнослужащих, которые получают алименты от них, считались иждивенцами и, таким образом, имели право на получение пособия в рамках общей суммы, предоставляемой семьям военнослужащих. Доля пособия для этих детей определялась пропорционально их доле в семье.

В письме от 20 июля 1942 г. № 1-134-с Наркомат социального обеспечения РСФСР предупредил о возникновении сложностей при определении точной даты рождения семьи военнослужащего, что могло привести к ошибкам в выплате пособий. Чтобы решить эту проблему, было решено установить неофициальную дату рождения - 1 июля, только с указанием года рождения, для всех членов семьи, которые указываются в документах для назначения пенсии или пособия. При составлении документа учитывался комплексный подход: обращалось внимание на возраст, состояние здоровья, количество обучающихся членов в семье². Подобный подход позволил не только решить проблему исключения ошибок в назначении пособий, но и расширить круг получателей социальной меры.

¹ Указ Президиума ВС СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» // Сборник указов Президиума Верховного совета СССР, изданных в связи с войной против немецкого фашизма. [Б. м.], 1941. С. 56.

² Циткилов П. Я. Положение семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. №1. С. 172.

Дифференциация пособий проходила в зависимости от количества трудоспособных и нетрудоспособных членов семьи. Пособие в размере 100 рублей с 1941 г. назначалось семьям, в которых из числа близких родственников один являлся нетрудоспособным. В случае двух - пособие составляло 150 рублей, а при трех и более – 200 рублей. Также к принципам дифференциации относилась территория проживания. Различия в суммах пособий были для сельского и городского населения. Семьи, проживавшие в городе, получали полный размер пособия, а семьи, проживавшие в селе, получали половину от этих сумм¹.

Помощь многодетным семьям в годы Великой Отечественной войны имела первостепенное значение. Эти меры помогли сохранить семьи, обеспечить детей всем необходимым и создать условия для их будущего развития. Они были примером солидарности и заботы государства и общества о своих гражданах. Чтобы помочь многодетным семьям в трудной финансовой ситуации, была введена дополнительная категория получателей пособий. Семьям, состоящим из пяти и более нетрудоспособных членов, было предоставлено пособие в размере 250 руб. в городе и 50% от этой суммы в сельской местности. Размер этого пособия оставался неизменным в последующие годы².

Государство увеличило финансовую поддержку многодетных семей в связи с их затруднительным финансовым положением. Средства на выплаты пособий, а также на их доставку через почту (включая оплату бланков переводов), выделялись из федерального бюджета. Все это свидетельствует о внимании государства к наиболее уязвимой группе населения.

Для получения пособия в городе необходимо было предоставить следующие документы:

- заявление от семьи военнослужащего;

¹ Липатов А. В. Государственная и общественная поддержка семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны // Известия ВГПУ. 2017. №2 (115). С. 192.

² Любецкий А. Е. Всестороннее обеспечение семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны (по материалам обращений граждан) // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. №2. С. 200.

- справку от домоуправления, где указан состав семьи мобилизованного, включая фамилии, имена, отчества, год и месяц рождения, родственные отношения каждого члена семьи с мобилизованным, а также информацию о тех, кто находится на иждивении мобилизованного;

- справку о мобилизации военнослужащего от районного (городского) военного комиссариата, содержащую информацию о воинском звании и дате призыва, или справку из воинской части с указанием воинского звания;

- справку от врача-эксперта, указывающую на группу инвалидности нетрудоспособных членов семьи¹.

В районах сельской местности были особые условия, которые требовали особых мер для решения вопросов по семейному обеспечению. Для этого были созданы списки, которые составлялись по фамилиям в местном сельсовете и подписывались председателем и секретарем сельсовета. Возникла необходимость в таком решении, поскольку семьи, проживающие в сельских районах, не всегда могли лично обратиться в социальные учреждения в городах из-за большого расстояния. Эти списки содержали информацию о фамилии, имени, отчестве и воинском звании мобилизованного человека, а также о фамилии, имени, отчестве и годе рождения членов его семьи и их родственных связях с мобилизованным. Также в списке указывалось, кто из них находился на его иждивении.

Из-за частых перемещений семей, в том числе и из села в город, был упрощен факт доказывания причастности семей к мобилизации. Письмо НКССО РСФСР от 16 октября 1941 г. № 41 «Об установлении по свидетельским показаниям факта призыва в Красную армию» установило, что, если семья военнослужащего не может предоставить справку о его мобилизации или призыве, комиссия по назначению пособий имела право использовать данные других документов, включая свидетельские показания граждан, чтобы определить осно-

¹ Вычеров Д. А. Жалобы военнослужащих и их семей как отражение социальной политики советской власти в годы Великой Отечественной войны (на материалах Тюменской области) // Петербургский исторический журнал. 2018. №3 (19). С. 47.

вания для предоставления пособия. В таких случаях граждане обязаны были оформить соответствующие документы в течение трех месяцев, чтобы продолжить получение пособий¹. Таким образом, государство стремилось обеспечить быструю и эффективную помощь гражданам, находившимся в трудных ситуациях, и уменьшить формальные препятствия для получения пособий.

На местах органы власти создавали дополнительные механизмы влияния, чтобы семьи военнослужащих получали помощь в должном размере и своевременно. Так, например, бюро Куйтунского райкома ВКП(б) были приняты решения, в соответствии с которыми первичные партийные организации и исполнительные комитеты сельских советов обязывались вести строгий контроль за оказанием помощи семьям красноармейцев и эвакуированному населению. Вводились в практику рассмотрение докладов руководителей предприятий, учреждений и колхозов на партсобраниях и заседаниях исполнительных комитетов по этой проблеме. Кроме этого председатели сельских советов должны были организовать работу по созданию колхозных касс взаимопомощи, направленную на оказание помощи нуждающимся семьям красноармейцев. Председатели колхозов обязывались внимательно относиться к нуждам и запросам семей красноармейцев, обеспечивать транспортировку в больницы, подвозку топлива и кормов и т.д. Особое внимание уделялось устройству членов семей красноармейцев и эвакуированного населения на учёбу².

В годы войны для семей военнослужащих в городах создавались специальные столовые с возможностью отпуска обедов для них на дом. С 1 июня 1943 г. решением бюро Иркутского обкома ВКП(б) в Иркутске были открыты 6 таких столовых, в том числе в предместьях Марата, Свердлово, центральной и нагорной частях города, также чайная на колхозном рынке с этой целью была переоборудована в полноценный пищеблок. Пропускная способность таких

¹ Письмо НКСо РСФСР от 16 октября 1941 г. № 41 «Об установлении по свидетельским показаниям факта призыва в Красную армию» // Великая Отечественная война. 1941-1945: Док. и материалы. Великая битва Великой войны / М-во обороны РФ; Под общ. ред. С.К. Шойгу. М.: Военная книга, 2016. С. 276.

² ЦДНИ ГАИО. Ф. 243. Оп. 3. Ед. хр. 269. Л. 39.

столовых составила до 2000 человек¹. Кроме того, все остальные имеющиеся столовые планировалось максимально уплотнить для увеличения нагрузки, с целью охватить питанием как можно больше нуждающихся групп населения.

В рамках реализации различных мер регулярно проводились декадниги помощи семьям военнослужащих. По результатам проведенного мероприятия уточнялось количество семей, получающих пособия, виды помощи и пр. В феврале 1943 г. в Сталинском районе г. Иркутска по итогам декадника было установлено: по району 4162 семей мобилизованных получают пособия. Семьям также оказаны разнообразные виды помощи:- 2170 семей получили ордера на одежду или вещи, 497 семей – уголь, реализовано 835 кубометров дров, оказана материальная помощь на 15400 руб., 56 семей получили новое жилье, 200 детей было направлено в сады и ясли².

На предприятиях Иркутска создавались комиссии, оказывающие помощь семьям мобилизованных граждан. По состоянию на февраль 1943 г. действовало 98 таких комиссий. Они создавали денежные фонды, из которых выделялись средства на содержание остро нуждающихся работников. Комиссии были созданы на заводе имени Куйбышева, слюдфабрике, Ирпромторге. Женам фронтовиков, работающим в артели «Ирметаллист» к празднованию 1 мая были выданы юбки и иные элементы одежды³.

Женщины, по каким-либо причинам не устроенные на работу, также привлекались на производство, в основном на швейную и пимокатную фабрики. Те, кто не имел соответствующих трудовых навыков, распределялись в колхозы. Так, на постоянное место жительства в первом квартале 1943 г. в колхозы было направлено 157 семей из Сталинского района. С июня 1943 г. активно велась работа по устройству детей военнослужащих в сады: 1975 детей зачислено в сады и 1032 в ясли. Был открыт специализированный сад для детей, болеющих туберкулезом, в который вмещалось до 60 человек⁴.

¹ ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 795. Л. 20.

² ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 8. Ед. хр. 11. Л. 93.

³ Там же.

⁴ Там же.

Особой заботой стремились окружить детей фронтовиков. По г. Иркутску в середине войны для таких детей функционировали площадки при детских садах и школах с трехразовым питанием на 200 мест и с одноразовым питанием на 600 мест. Дети, оставшиеся без присмотра родителей, оформлялись на патронат на предприятия: 178 детей были устроены на завод им. Куйбышева, 30 человек – на слюдяную фабрику. По справкам из медицинских организаций выдавались сухие пайки для детей фронтовиков с ослабленным здоровьем или истощением. На предприятиях и в организациях действовали подсобные хозяйства, которые обеспечивали столовые и нуждающихся работников, а также передавали часть средств фронту.

Индивидуальные огороды в городе также в первую очередь предоставлялись семьям военнослужащих. Только в Иркутске для 600 семей было выделено 23 га земли. Райсоветы также выдавали картофель крайне нуждающимся. Для поддержки семей военнослужащих к концу 1943 г. в райсоветах создавались фонды помощи, содержащие одежду: детскую обувь, женские босоножки, рейтузы, валенки, трикотажные юбки.

Подобные мероприятия проводились и в Бурятии. С начала войны с целью улучшения материального положения семей военнослужащих женщин матерей старались трудоустроить, причем подбор профессии осуществлялся с учетом их. Жены фронтовиков освоили профессии крановщиков, шоферов, станочниц и даже электросварщиц. Из привлеченных 312 женщин самостоятельно освоились в профессии 125¹.

На предприятиях были организованы кружки для женщин, на которых они занимались изучением технических знаний для поступления на работу в мелькомбинат, на мебельную фабрику, лесозавод и сплавную контору. Однако эти школы не проработали долго. В связи с большим количеством рабочих, которые отправились в армию, руководители предприятий прекратили техническую учебу и переключились на практический опыт обучения прямо на рабочих местах. С помощью партийной организации и дирекции лесозавода организо-

¹ ГАРБ. Ф. П-20. Оп. 1. Д. 3596. Л. 215.

вывалось техническое обучение домашних хозяек, которые теперь работали на лесопилке, мясоконсервном комбинате и механическом цехе. Женщины осваивали профессии рамщика, мастера по выгрузке и подаче сырья, слесаря, пилюстава, тележника, сортировщика, машиниста и токаря. На мясоконсервном комбинате среди 742 женщин многие работали на ведущих профессиях, превышая нормы выполняемой работы. Например, закатчица Антонова перевыполнила нормы на 238%, а Хороших – на 152%. Заработок женщин доходил до 850 руб., а перевыполнение плана превышало порой 250% от нормы¹.

Помощь семьям военнослужащих оказывала комсомольская организация Бурятии. С 15 ноября по 13 декабря 1943 г. в Б-МАССР проводился месячник по оказанию помощи семьям военнослужащих, который был организован по решению обкома ВКП(б) и СНК. За этот период областная комсомольская организация оказала помощь 3769 семьям. Для этого комсомольцы и молодежь собрали более 305 тыс. руб., заготовили и доставили дров в объеме 10646 кубометров, привезли кормов для скота на 8732 центнера, а также отремонтировали жилье у 552 семей².

В проведении воскресников отличалась Кяхтинская аймачная комсомольская организация, которая охватила большее количество семей фронтовиков – 1300. Всего собрали 21509 руб., а также раздали 1380 кубометров дров, почти тонну кормов для животных, выполнили ремонт 13 квартир. В школе №1 города Улан-Удэ активные тимуровцы проводили значимую и пользующуюся спросом работу. В организации состояло 195 человек, которые заботились о 72 семьях фронтовиков, детском саде № 7 и организуют концерты для жителей города³.

Объем помощи в 1942 – 1943 гг. в г. Улан-Удэ представлен в Приложении 6. Всего помощь получили 2331 из 21327 имеющих семей фронтовиков. Общая сумма помощи составила 557932 руб., большая часть из которых ушла на

¹ ГАРБ. Ф. П-20. Оп. 1. Д. 82. Л. 72.

² ГАРБ. Ф. П-20. Оп. 1. Д. 2055. Л. 8.

³ ГАРБ. Ф. П-20. Оп. 1. Д. 163. Л. 5.

продукты питания, одежду и обувь. Конечно же, охват помощью 11% семей – показатель не значительный, но это были те семьи, которые особо нуждались в помощи и не могли самостоятельно организовать свой быт, необходимый для выживания. Из данных таблицы также видно, что помощь оказывалась во всех округах города и составляла набор всех необходимых для жизни благ: топливо, одежда и обувь, белье, а также помощь в трудоустройстве и пристраивании детей в сады и ясли. В августе и сентябре 1943 года Горком ВЛКСМ организовал три коллективных мероприятия, в рамках которых комсомольцы и молодежь города вышли заготавливать дрова для семей военнослужащих и школ. В общей сложности было заготовлено более 1700 кубометров, которые были развезены по нуждающимся семьям¹.

К январю 1944 г. предприятия, учреждения и колхозы сформировали значительные продовольственные и денежные фонды, через которые была оказана материально-бытовая помощь более чем 36 тыс. семей. Среди выданных ресурсов более 7 тыс. центнеров составляло продовольствие, кроме того им было выдано более 18 тыс. единиц одежды, 16 тыс. пар обуви и денежные пособия на общую сумму 885 тыс. рублей².

В целом, оказываемая помощь для семей военнослужащих была крайне необходима. Снабжение одеждой, предоставление бесплатного питания, помощь в устройстве детей в ясли и детские сады, назначение пособий и льгот – далеко не все меры, которые предпринимались советской властью для поддержки семей фронтовиков.

Государственная поддержка была не единственной помощью для семей с детьми в годы Великой Отечественной войны. В оказании помощи нуждающимся семьям и детям-сиротам в этот период широкое участие принимали граждане, а также организации и предприятия.

Данная помощь являлась достаточно разнообразной и осуществлялась по ряду направлений. Колхозы региона оказывали поддержку семьям военнослу-

¹ ГАРБ. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 1825. Л. 87.

² ГАРБ. Ф. П-20. Оп. 1. Д. 4114. Л. 49.

жащих, которые проживали преимущественно в сельской местности. Основная помощь заключалась в предоставлении муки и картофеля, распределении одной коровы на две-три семьи, а также содействии в транспортировке дров и сена¹. В осуществление данной помощи широко были вовлечены школьники. В Бурятии широкое распространение получило движение «тимуровцев». Участники этого движения занимались присмотром за детьми и выполняли различные обязанности в подсобных хозяйствах нуждающихся. Одновременно эта помощь преследовала цель обеспечить женщинам возможность участвовать в производственных делах. В рамках движения также происходило расширение осуществления внешкольных мероприятий комсомольских и пионерских организаций с общественно-полезной направленностью. Формирование «тимуровских» команд происходило практически во всех школах Бурятии, в основном среди пионеров и учеников 4-6 классов, и каждый год их число увеличивалось². Например, количество пионеров и школьников в командах «тимуровцев» в 1941 г. составляло 9 тысяч, но к концу войны их численность увеличилась до 25 тысяч. В течение войны было создано 2152 команды «тимуровцев», в которых участвовало 34282 пионера и школьника. Во время войны, «тимуровцы» выполняли различные задачи, помогая семьям красноармейцев, такие как колка дров, ношение воды, уборка квартир, уход за маленькими детьми, чтение газет и написание писем³.

Местные колхозы и общественные организации в Иркутской области активно помогали детям из многосемейных, эвакуированных и фронтовиков, оказавшихся в трудной ситуации. Судя по архивным документам, как правило принималось решение об отчислении двух-трех трудодней в фонд, который оказывал помощь детям. Кроме того, в области был создан Специальный фонд помощи, из которого за 1942-1943 гг. было выплачено, соответственно, 2500 и 3000 стипендий нуждающимся⁴.

¹ ГАРБ. Ф.1-П. Оп. 1. Д. 4116. Л. 50.

² ГАРБ. Ф. 36-П. Оп. 1. Д. 1967а. Л. 23.

³ ГАРБ. Ф. 36-П. Оп. 1. Д. 1967а. Л. 23.

⁴ ЦДНИ ГАИО. Ф.127. Оп.1. Д.636. Л.43.

Колхозы оказывали основную помощь и в предоставлении продуктов питания для сезонных детских садов и детских площадок во время полевых работ. Однако финансово-хозяйственное положение колхозов являлось в годы войны таким, что многие из них не имели возможности содержать детские сады и площадки. По этой причине во время проведения посевной кампании 1943 года в Бурятии, из 490 запланированных площадок к открытию, работали только 153¹.

Значительная помощь институту семьи и детства оказывалась по линии комсомольских организаций. О различных формах помощи свидетельствуют отчеты комитетов комсомола. Например, в 1944 г. по линии окружного комитета комсомола были собраны различные продукты, включая мясо, зерно, молоко, шерсть и овчину, а также было произведено и отремонтировано множество пар обуви. Семьям было передано 83 дойных козы, а детям вручено более 4000 продовольственных подарков. Под свое непосредственное покровительство комитет комсомола взял 268 семей. Прорабатывалось решение по выпуску специальной одежды и обуви для детей семей военнослужащих².

Одной из практик по линии комсомольских организаций было взятие шефства над детскими учреждениями. В рамках этой помощи молодые люди выполняли разнообразные работы, включая рубку дров, перестановку мебели, постройку детских горок, организацию прогулок на улице, изготовление игрушек и других предметов для детей. В рамках этой программы также проводились концерты, ремонтировались помещения и посещались детские интернаты.

Студенты медицинского института, девушки-активистки Красного Креста проводили мероприятия по санитарной профилактике на вокзалах, с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний. Одновременно они оборудовали комнаты для матерей и детей на вокзалах, изготавливала игрушки и организовывала концерты³.

¹ ГАРБ. Ф.2-П. Оп.1. Д.1997. Л.181.

² ГАРБ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 1997. Л.л. 160-161.

³ Гончаров Г. А. Социальная политика в 1941-1945 гг. и участие в ней молодежи // Вестник ВятГУ. 2017. №11. С. 143.

В течение всей войны комсомольцы Байкальского региона активно оказывали помощь инвалидам, детям и семьям фронтовиков. Они принимали на себя шефство, учредили денежные фонды и собирали средства на воскресниках и платных концертах. Кроме того, они самостоятельно создавали индивидуальные подарки, игрушки и обувь, а также широко были вовлечены в ремонт помещений, в которых проживали семьи военнослужащих. Школьники и студенты также участвовали в летний сезон в заготовках ягод, грибов для жителей региона¹.

Еще один вид помощи оказывался юными охотниками. Поскольку мужчины ушли на фронт, охота перешла в руки юных мальчишек. Например, в 1942 г. ученики Кутуликской школы Филиппов и Соболев, которым только исполнилось 14 и 10 лет соответственно, в колхозе Красный октябрь были известны тем, что регулярно приносили добытую пушнину, средства со сдачи которой шли на помощь нуждающимся кутуликцам².

Систематически в годы войны проводились субботники, средства от которых шли на поддержание наиболее нуждающихся. Нередко они проводились после проверок, по результатам которых принимались соответствующие решения о проведении субботников. Например, перед наступлением зимы 1944 г. было проведено исследование семей военнослужащих в городе Улан-Удэ. Результаты показали, что более 500 детей фронтовиков не могут посещать школу из-за отсутствия обуви, а более 1000 детей не могут ходить в детские сады и ясли. Уже 17 декабря 1944 г. был организован субботник на предприятиях местной промышленности и промкооперации, чтобы изготовить и отремонтировать зимнюю обувь для этих детей. Были созданы фонды, которые помогали семьям военнослужащих. Эти фонды включали в себя добровольные пожертвования работников, взносы отдельных предприятий и профсоюзов, а также натуральные ресурсы³.

¹ ГАРБ. Ф. 36-П. Оп. 1. Д. 1967. Л. 56.

² ВСП. 1942. №6. С. 2.

³ ГАРБ. Ф. 2-П. Оп. 2. Д. 1104. Л. 103.

Регулярно проводились акции помощи нуждающимся семьям, которые сводились к сбору продуктов, одежды и др. В начале 1943 г. только в Бурятии были собраны значительные объемы продуктов, одежды, обуви и денег. Сбор проводился в десяти сельских и трех городских районах республики с целью помочь 16 тысячам семей. Каждый год также выдавались 1670 стипендий детям военнослужащих, которые учились в школах. Финансовые средства передавались также и в колхозные кассы в сельских районах¹.

В том же году в Тулунском районе действовали комиссии по сбору одежды и обуви. Люди приносили в помощь эвакуированным детям валенки, платья, шапки, пальто и многие другие вещи. 559 вещей поступило от учебных заведений: Шерагульской школы, начальных школ и даже от детского дома «Свежие всходы»².

В городе Иркутске была создана комиссия при Сталинском райсовете, которая занималась оказанием помощи детям красноармейцев и эвакуированных семей. Председателем комиссии была назначена заместитель председателя райсовета Калининская. Более 530 эвакуированных детей из Сталинского района были заняты учебой, а 167 из них были размещены в детсадах и получили необходимую помощь. Кроме этого, 71 ребенок был помещен в детские ясли, а 362 подростка были устроены на работу или отправлены на учебу в ФЗО и ремесленные училища. Некоторые женщины взяли на воспитание детей без родителей.

В 1943 – 1944 гг., в Бурятии, предприятия и учреждения отчисляли свою продукцию школам, которая была произведена за 2-3 дня. Было передано значительное количество обуви и одежды для учеников. Одновременно с этим в республике была организована «Недели помощи школе и учителю» на всей территории республики. В течение этого времени была предоставлена помощь, включая ремонт школ, доставку и заготовку дров, а также создание фонда всеобуча. Только за 1943 г. колхозниками было сдано в фонд всеобуча большое

¹ ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 6. Д. 390. Л. 49.

² ВСП. 1942. №5. С. 2.

количество продуктов, включая хлеб, картофель, молоко, масло и мясо. Было также выдано около 10 тыс. пар обуви и множество другой одежды для детей фронтовиков. В целом в фонд всеобуча было собрано 213 тыс. рублей¹.

Благодаря упорному труду учителей, постоянной поддержке партийных и советских организаций, а также заботе всех жителей республики, в годы войны были успешно реализованы основные меры по обучению всех детей и подростков.

Отделы государственного обеспечения формировали свои товарные фонды за счет поставок от городских торговых отделов, ОРСов и местных предприятий промышленности. Однако торговые отделы и ОРСы не всегда получали товары по выделенным фондам, поэтому проблему пытались решать за счет установления более высоких планов по производству товаров повседневного спроса предприятиям местной промышленности. Отчасти это имело значение, но в основном для обеспечения семей военнослужащих в городах, но в сельской местности широкого распространения это не получило из-за ограниченных возможностей районных промкомбинатов. Поскольку возможности по оказанию помощи всем нуждающимся были ограничены, отдел государственного обеспечения постоянно получал жалобы и заявления от семей, нуждающихся². Только с 15 по 22 июля 1942 года в Железнодорожный райсобес г. Улан-Удэ поступило 327 заявлений от семей военнослужащих. Из них 219 были удовлетворены, 9 - отклонены, а 99 не получили проверки или рассмотрения, что составляет 30,3%. Основная часть просьб заявителей касалась выделения материальной помощи, пособий, пенсий, а также просьбы оказать содействие в решение жилищной проблемы, а также трудоустройстве. В Бодайбинском районе Иркутской области аналогичные жалобы и заявления в основном касались просьб о помощи в трудоустройстве, доставки дров и обеспечении жильем. Просьбы по оказанию материальной поддержку были редки.

¹ ГАРБ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 4438. Л. 76.

² ГАРБ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 1997. Л.л. 160-161.

В сельских районах помощь семьям красноармейцев и колхозников в продовольствии предоставлялась частично за счет отчислений 10% зерна, передаваемого государству. Только в мае 1942 г. было выделено 100 тонн муки нуждающимся семьям красноармейцев и эвакуированным благодаря этой программе. Кроме того, продукты для нуждающихся семей военнослужащих также закупались у колхозников. Например, осенью 1942 г. в Байкальском регионе было собрано 500 тонн картофеля для семей фронтовиков и инвалидов. Взамен за это, колхозники получили соль, керосин, спички и мыло на сумму 91,8 тыс. рублей¹. Дома культуры и избы-читальни создавали консультационно-справочные столы для помощи семьям военнослужащих в вопросах налогообложения.

О масштабах оказанной помощи регулярно сообщалось в газетах. Например, трудящиеся Качугского района собрали для эвакуированных жителей 1750 возов дров и 22 воза сена, а также финансовую помощь более 20 тыс. руб. Колхоз Красной Армии Тулунского района отправил в адрес нуждающихся семей 27 центнеров мяса, 14 тыс. литров молока, а колхоз Красная нива этого же района – 2 тыс. штук яиц².

В Иркутской области на период весны и лета, семьи военнослужащих, инвалидов войны и эвакуированных, нуждающихся в помощи, направлялись в сельскую местность. Местные органы власти были обязаны найти жилье для них. На это время им выделялся небольшой участка земли и 50 кг картофеля для выращивания. Кроме того, им продолжали продавать хлеб по городским нормам через сельские магазины.

Важная роль в организации помощи семьям военнослужащих, эвакуированных, защите детей принадлежала профсоюзным организациям. Профсоюзы также были ответственны за заботу о женщинах и детях во время войны. Они помогали эвакуированным работникам с поиском жилья и следили за его со-

¹ Цыретарова Б. Б. Социальная политика в Бурятии в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Улан-Удэ : Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2010. С. 45.

² ВСП. 1942. №129. С. 2.

стоянием, контролировали работу столовых. По линии профсоюзов предоставлялась материальная помощь и осуществлялся контроль за использованием денег на строительство и ремонт жилых помещений для эвакуированных граждан. Профсоюзы также осуществляли контроль за условиями труда и вводили запрет на работу подростков по ночам и сверхурочно, предоставляя им отпуск и выходные дни. Во время войны объемы финансирования охраны труда и техники безопасности значительно увеличились.

Важную роль играла также моральная поддержка семей военнослужащих и эвакуированных. Например, для эвакуированных, проживающих в Сталинском районе Иркутска, был организован концерт, который прошел в Доме Красной Армии. Кроме концерта присутствующим была прочитана лекция о событиях на фронтах Великой отечественной войны. Выступали и сами эвакуированные, которые убежденно говорили о том, что во время войны народ еще более объединился в одну братскую семью¹.

Особое значение в данном процессе имела советская идеология, которая выступала основой организации военно-патриотического воспитания детей. Это было важным аспектом в военные годы, когда дети росли в условиях стресса и лишений. Воспитание было направлено на формирование патриотического отношения к стране, силы характера, ответственности и преданности Родине. Роль идеологии в организации помощи семьям с детьми в годы Великой Отечественной войны была фундаментальной. Она создала основу для объединения государства и общества в оказании помощи и поддержке, а также способствовала воспитанию патриотического наследия в будущих поколениях.

Таким образом, начало войны стало для СССР поводом начала активного курса социальных преобразований в сфере материнства и детства. Именно семьи с детьми, в том числе и те, чьи отцы и мужья ушли на фронт, стали наиболее уязвимой категорией населения. Вовлечение женщин в производство и сельское хозяйство, необходимость замены мужского труда женскими руками поставила задачи по высвобождению матерей от воспитательных функций и

¹ ВСП. 1942. №30. С. 2.

уходу за малолетними детьми. Появились новые меры поддержки от государства, а также распространились различные формы помощи со стороны населения и общественных организаций, а также предприятий и колхозов нуждающимся семьям эвакуированных и военнослужащих. Активно велась пропаганда с призывами поддерживать женщин и детей, публиковались сведения о мерах поддержки, объемах помощи. Одной из самых важных форм помощи была сборка различных вещей, продовольствия и денег, которые направлялись нуждающимся семьям.

Большое значение имела организация дополнительного питания для детей, в том числе и для детей из многодетных семей и для детей эвакуированных граждан. В годы войны были созданы новые и вовлечены имеющиеся различные общественные организации, которые занимались этой работой: общество красного креста, благотворительные фонды, комитеты материнства и детства. Также население помогало нуждающимся, принимая на временное проживание детей-сирот, эвакуированных граждан и беженцев. К основным формам помощи в регионе сборы вещей и продуктов питания, чтобы помочь семьям, чьи дети остались без родителей или без кормильца, организация временного пребывания или приютов при предприятиях и колхозах для детей, потерявших связь с родителями или оставшихся без попечения взрослых, оказание материальной и психологической помощи женщинам и детям, потерявшим близких родственников, помощь в организации детских лагерей, где дети могли проживать в безопасности и проходить оздоровительные программы. Большую роль в сохранении подрастающего поколения сыграли опека и патронаж над детьми-сиротами, сбор подарков в виде одежды, обуви, книг, игрушек. Проводились благотворительные мероприятия с целью заготовка дров, сбора лекарственных растений, осуществление присмотра за детьми работающих матерей и многое другое.

Организация и привлечение населения к этой работе являлась неотъемлемой частью социальной политики государства в годы Великой Отечественной войны.

2.2. Решение проблемы безнадзорности и беспризорности детей

Социальная политика государства в годы войны во многом имела адресный характер. Получила развитие система мер, направленная на обеспечение социальной защиты и улучшения материального положения детей. Среди категорий граждан, которые нуждались в государственной поддержке, особое место многодетные семьи, дети-сироты.

В период Великой Отечественной войны огромное количество детей лишилось родителей и отправлялись на попечение в детские дома и приемные семьи. Одновременно с этим привлечение женщин в народное хозяйство резко ослабило в семьях присмотр за детьми. В силу этих причин одним из направлений социальной политики в области института материнства и детства являлось обустройство оставшихся без родителей детей, организация досуга детей с целью ликвидации безнадзорности, следствием которой стал рост детской преступности и правонарушений.

Под беспризорностью принято понимать состояние несовершеннолетнего лица, характеризующееся отсутствием попечения со стороны родителей или государства. Безнадзорность же представляет собой явление, при котором по каким-либо причинам семья не осуществляет в полной мере свои обязанности по присмотру и воспитанию ребенка, в связи с чем, он может оказаться в трудной ситуации, стать участником правонарушения или подвергнуться негативному влиянию, что создаст угрозу жизни и здоровью несовершеннолетнего.

Рассматривая основные источники возникновения безнадзорности и беспризорности можно отметить следующее. Доля женщин в участии в народном хозяйстве СССР увеличилась на 20% с 1940 по 1942 г. В Сибири и на Дальнем Востоке этот показатель был еще выше: удельный вес женщин в народном хозяйстве увеличился с 28% до 56% в указанные годы. Отдельные предприятия по стране имели в своем кадровом составе до 70% работающих женщин. В результате чего многие дети были предоставлены сами себе, играли без присмотра на улице, иногда совершали противоправные деяния.

В результате массовой эвакуации населения с прифронтовых территорий, к январю 1943 г. в Иркутскую область прибыло 26 тыс. человек, а в Бурят-Монгольскую АССР – 7 тыс. человек, эвакуированных. В основном это были женщины и дети. Зачастую дети эвакуировались без родителей, поскольку те погибли в результате военных действий. Это требовало их скорейшего устройства в детские дома, либо приемные семьи. Нередко дети, определенные в детские учреждения, сбегали из них, скитаясь по улицам и передвигаясь по железной дороге.

Одновременно с этим уровень благосостояния и благополучия семей значительно снизился и параллельно с этим понизился кадровый потенциал органов воспитания и надзора за детьми. В совокупности все эти причины стимулировали детскую безнадзорность и беспризорность в регионе.

В немалой степени рост детской преступности, безнадзорности были обусловлены и рядом законодательных актов. Принятых в предвоенный период, а также в годы войны. Следует отметить Указ Президиума ВС СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», а также Указ от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». Именно эти документы ввели в СССР обязательные сверхурочные работы, а также отменили все виды отпусков. Все трудоспособное население были задействованы на промышленном производстве и в строительстве. Все это привело к понижению уровня родительского надзора за детьми.

Опыт работы в этой области у органов власти имелся еще с периода Гражданской войны. Активная борьба с безнадзорностью и беспризорностью началась и в 1920-е гг. В 1935 г. вышло постановление «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности»¹, в котором в СССР объявлялась полная победа над данными негативными социальными явлениями. Война внесла новые кор-

¹ Цыретарова Б. Б. Проблемы ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Бурятии в 1920-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2022. № 1. С. 53.

ректировки в этот процесс, обнажив «побежденную» проблему и выдвинув ее на одно из лидирующих мест в курсе социальной политики государства.

С января 1942 г. в СССР действовало постановление Совнаркома СССР №75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». В нем задача по борьбе с безнадзорностью определялась как важнейшее государственное дело¹. Уже с конца января повсеместно начали формироваться комиссии по устройству детей, оставшихся без попечения родителей.

Можно выделить три основных направления в рамках борьбы с беспризорностью, которые стали основой для деятельности местных органов власти:

- организация работы региональных комиссий по устройству детей;
- особый контроль над семьями, воспитывающими приемных детей, а также имеющими детей под опекой или на попечении;
- помощь органам НКВД в выявлении беспризорных детей, а также распределении их по детским домам или предприятиям для трудоустройства.

В июне 1943 г. были приняты постановления Совнаркома СССР «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью и хулиганством»² и «О трудовом устройстве подростков старше 14 лет – воспитанников детских домов, трудовых колоний НКВД и детей, оставшихся без родителей»³. В соответствии с постановлениями в стране были созданы колонии для несовершеннолетних, которые располагались по всей стране. Более 30 тыс. подростков были отправлены в данные учреждения за совершение преступлений с целью перевоспитания.

В регионе были созданы отделы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, которые стали координировать данную работу. На них возла-

¹ Постановление Совнаркома СССР №75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» // Законодательные и административно-правовые акты военного времени. 22 марта 1942 г.-1 мая 1943 г. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1943.

² Постановление Совнаркома СССР «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью и хулиганством» // Законодательные и административно-правовые акты военного времени. 22 марта 1942 г.-1 мая 1943 г. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1943.

³ Постановление Совнаркома СССР О трудовом устройстве подростков старше 14 лет – воспитанников детских домов, трудовых колоний НКВД и детей, оставшихся без родителей» // Законодательные и административно-правовые акты военного времени. 22 марта 1942 г.-1 мая 1943 г. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1943.

гались организационные, производственные и учебно-воспитательные функции. Организационная функция заключалась в регулировании всех вопросов, касающихся разработки системы управления работой детских приемников-распределителей, а также распоряжений по дальнейшему определению детей в семьи, детские дома, на предприятия и т.д. Отделы должны были вести учет по пребывающим несовершеннолетним лицам. Стоит отметить, что с учетом беспризорников и безнадзорных было много проблем, поэтому о движении контингента можно судить только на уровне тенденций. Это в полной мере относится и к Байкальскому региону.

Производственная функция была тесно связана с трудовыми колониями, в которые определялась часть беспризорников. На отделы возлагались задачи по формированию трудовых навыков у подопечных колоний, а также по надзору за выполнением планов в период военизации производства. Отделы вели учет всех процессов хозяйственно-производственной деятельности, должны были следить за обеспечением колоний и приемников-распределителей всеми видами снабжения. К учебно-воспитательной функции относился контроль над дисциплиной и поддержание режима, которые рассматривались в качестве основы воспитательной работы.

Перечисленные выше функции составляли основу деятельности отдела по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью. Однако можно выделить еще ряд функций, которые были не менее важны для эффективной работы. Это санитарная функция: медицинская помощь в колониях и приемниках также организовывалась за счет работы отделов. Большинству поступающих в приемники детей требовалось регулярное наблюдение за состоянием здоровья, а также первая медицинская помощь – побои, ушибы, обморожения постоянно сопровождали подростков-беспризорников.

Как отмечает С. П. Шатилов, все многообразие подобных задач не давало отделам полноценной свободы деятельности в решении проблемы беспризор-

ности¹. С этим нельзя не согласиться, поскольку ни участковые, ни постовые милиционеры, ни комнаты милиции не были подчинены отделам по борьбе с беспризорностью. Эти органы не соприкасались в своей отчетности и зачастую с трудом взаимодействовали между собой. У отделов не было никаких ресурсов для задержания беспризорников, что усложняло работу и влияло на ее результативность.

В 1941 г. была выпущена инструкция «О работе детских комнат милиции»², которая определила замену существовавших ранее комнат привода для несовершеннолетних на детские комнаты милиции. Данные учреждения стали работать при районных, городских и линейных отделах милиции. В комнаты помещались дети, задержанные на улицах и попадающие под признаки беспризорности.

Сроки пребывания в комнате милиции определялись временем, необходимым для уточнения причин беспризорности. При наличии родителей или опекунов ребенок передавался им, в противном случае – отправлялся в специальное учреждение для несовершеннолетних. Штатная численность сотрудников комнат милиции составляла всего две единицы – инспектор и его помощник. С учетом того, что все мужчины были на фронте, данные должности занимали женщины.

В Бурятии проблема беспризорности имела особые черты. В многопоколенных бурятских и старообрядческих семьях, в которых проживало множество родственников, практически никогда не оставляли без попечения детей, потерявших родителей. Близкие или дальние родственники заботились о таких детях, создавая оптимальные условия для проживания и воспитания³. Однако для республики в целом проблема беспризорности была актуальной. Можно также отметить, что ситуация в Бурятии была одной из самых неблагоприятных во

¹ Шатилов С. П. Организационно-правовые основы деятельности правоохранительных органов по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны // Право и политика. 2017. № 7. С. 75.

² Инструкция «О работе детских комнат милиции» // СПС Консультант Плюс.

³ Цыретарова Б. Б. Проблемы ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Бурятии в 1920-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2022. № 1. С. 53.

всем СССР. Численность беспризорных в Бурятии велась лишь частично, поэтому точные данные о количестве детей-беспризорников в военные годы установить не представляется возможным.

5 марта 1942 г. Совнаркомом БМАССР было издано постановление № 118 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». Создавалась специальная республиканская комиссия, главной задачей которой стал учет и устройство детей, находящихся в тяжелой жизненной ситуации из-за утраты родителей¹.

Продолжали действовать приемники-распределители. На них возлагалась задача по учету беспризорных детей. Подростки направлялись на промышленные предприятия для трудоустройства, а также обеспечивались жильем. На Наркомпрос возлагалась задача по быстрому реагированию при распределении детей в детские дома. Незамедлительно предоставлялись места детям-сиротам в детских домах республики. Вся имеющаяся информация направлялась в справочные столы, через которые родственники могли найти друг друга.

В связи с резким ростом беспризорников и безнадзорных и недостаточным количеством кадров, работающих в этом направлении, недостатков в решении данной проблемы было достаточно много. Критика работы комиссии по устройству детей-сирот встречается не только на местах, но и на уровне Наркомпроса РСФСР. Так начальник управления детскими домами Наркомпроса В. П. Наумов не раз заявлял, что органы социального обеспечения СССР работают крайне некомпетентно и предпочитают устраниться от проблемы, а не решать ее системно. Данная позиция органов власти подтверждается в протоколах заседаний бюро Бурят-Монгольского областного комитета ВКП (б)²: за 1942 г. в Б-МАССР было задержано 282 беспризорных и 1189 безнадзорных детей, что является достаточно высокими показателями в сравнении с другими регионами. Большое количество неустроенных беспризорников и высокой уровень безнадзорности влекли за собой рост детской преступности. Только за июль-сентябрь

¹ ГАРБ. Ф. р-60. Оп. 3. Д. 244. Л. 26.

² ГАРБ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 4208. Л. 11.

1942 г. 129 несовершеннолетних были осуждены за различные виды правонарушений. К декабрю эта цифра возросла на 258 человек¹.

СНК БМАССР 18 мая 1943 г. своим постановлением утвердил список мероприятий, направленных на борьбу с безнадзорностью и беспризорностью в детско-подростковой среде. В первую очередь, предполагалось ускорить работу комиссий по устройству детей, оставшихся без родителей, а на сельсоветы была возложена работа по выявлению и задержанию безнадзорных детей. Из среды учительства выбирались наиболее достойные кандидаты, которые проводили разъяснительную работу с родителями с целью профилактики безнадзорности в республике. Кроме того, учителям предполагалось усилить внутришкольную работу по данному направлению.

В Улан-Удэ горсоветом в 1943 г. было принято решение о введении комендантского часа для детей до 14 лет: после 21:00 пребывание в общественных местах без сопровождения взрослых было запрещено. Запрет распространялся и на продажу детям алкогольной и табачной продукции. Лица, продавшие запрещенные товары лицам моложе 16 лет, подвергались административной ответственности с назначением штрафа до 100 руб., либо исправительных работ в течение 30 дней². Контроль в общественных местах осуществлялся посредством организации дежурств учителей и членов родительских комитетов.

В Бурятии в соответствии с постановлением № 420 от 27 августа 1943 г. «О создании трудовой воспитательной детской колонии» на базе Тимлюйской школы ФЗО № 5 была создана воспитательная колония для несовершеннолетних. При этом школа ФЗО сохранила педагогический состав, а также материально-техническую базу лишь формально превратившись в заведение нового типа.

В колонию направлялись дети в возрасте от 11 до 16 лет. Большинство из них задерживали за кражи, хулиганство и иные мелкие правонарушения. Общая вместимость колонии составляла 350 человек. Контингент колонии составляли

¹ ГАРБ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 4208. Л. 11.

² ГАРБ. Ф. р-535. Оп. 16. Д. 7. Л. 6.

беспризорники, а также дети, которые сбегали из детских домов, подростки, которые не поддавались воспитательному воздействию в семье, малолетние преступники и правонарушители.

Борьба с беспризорностью предполагала необходимость строгого учета всех поступающих в приемники-распределители детей. Важно было определить, есть ли у ребенка родители. Родственники потерявшихся детей должны были получить помощь в их поиске. С этой целью было принято решение о создании с 1942 г. справочно-адресных детских столов. В управлении милиции НКВД создавались картотеки с учетными карточками на каждого ребенка. В этих карточках содержалась основная информация о несовершеннолетнем: фамилия и имя, место рождения, обстоятельства поступления в учреждение, особые приметы ребенка, которые помогали найти детей младшего возраста, не имеющих представлений о своем месте жительства. Обязательно указывалось место задержания и время. Были случаи, когда ребенок не мог назвать свою фамилию. Найти его помогали указанные в карточке антропологические данные – цвет глаз, волос, рост и т.д.

Однако уже в ходе первых проверок ведения картотек выявились крупные недочеты. Например, в Иркутской области в 1942 г. так и не начали вести подобный учет.

О состоянии безнадзорности в Байкальском регионе можно судить по воспоминаниям современников. Так Нина Фёдоровна Безносова вспоминает, что в военные годы безнадзорность была очень высокой. На примере своей семьи, проживающей в деревне Яндон Заларинского района Иркутской области, Н. Ф. Безносова отмечает следующее: «Проживали в селе, в большом доме. Родители имели большое хозяйство. Поскольку отец был репрессирован ещё до войны, вся работа по хозяйству легла на плечи матери, а это уход за скотом – две коровы, две свиньи, а также гуси, куры, кролики. Были и домашние животные – несколько кошек и собака, которые также требовали ухода и внимания. Был большой огород, на котором сажали все необходимые для пропитания овощи – морковь, свёклу, капусту, огурцы, помидоры. Дом отапливался печью.

День начинался с растопки печи. Готовили тоже в ней. Нас было двое детей – 1925 и 1933 годов рождения. С семи лет помогали матери выполнять все домашние дела. Помимо этого успевали доить коров в колхозе «Свобода», помогали разносить почту, а также присматривали за соседскими детьми. Летом все были заняты на сенокосах.

Никаких яслей и детских садов в деревне не было. Прямо на поле расстилали одеяло и усаживали детей. Пока взрослые косили траву, старшие дети приглядывали за младшими. Часто пока родители работали, дети бегали по деревне без присмотра взрослых большими компаниями, но при этом какие-либо нарушения в деревне случались крайне редко: разбитые окна, сломанные заборы, драки без значительного вреда здоровью – все происшествия, которые происходили в деревне в моменты, когда взрослые не присматривали за детьми»¹.

Ещё одной проблемой в борьбе с беспризорностью было отсутствие точной системы распределения по детским учреждениям. В Иркутской области нередко в детские дома вместе с детьми школьного возраста попадали дошкольники, а также не было систематизации учета детей по состоянию здоровья. Зачастую из-за переполненности детских учреждений детей размещали по принципу наличия места независимо от возрастной категории или категорий здоровья.

Решение проблемы безнадзорности и беспризорности возлагалось и на органы прокуратуры. Так прокурор Иркутской области Н. Н. Хламов в сентябре 1943 г. в своем отчете указывал, что данная проблема касается напрямую данного учреждения. Он привел в пример несколько ситуаций, которые описывали случаи, когда родители не исполняли свои обязанности должным образом. Например, Юра П., будучи единственным сыном у матери, ходит постоянно грязный и оборванный, скитается по рынкам и станциям, нередко нарушает правопорядок. Сама мать работает на трикотажной фабрике, но не может уследить за сыном и гарантировать ему условия для нормального воспитания и содержа-

¹ Интервью с Н. Ф. Безносовой // Личный архив Д. А. Бурдиной.

ния¹. Также есть случаи, когда сами родители являются для детей плохим примером, а иногда и вовлекают детей в преступную деятельность. Так сорокалетняя безработная О. Чижикова, имеющая девятилетнюю дочь, организовывала в Иркутске мелкие группировки из подростков 10-13 лет, заставляя их совершать кражи. Прокурор также обратил внимание на то, что существует необходимость изоляции трудных подростков в специальные учреждения – трудовые воспитательные колонии².

В Иркутской области беспризорность принимала угрожающие размеры. Поэтому стояла четкая задача в самые краткие сроки изъять с улиц детей и создать им благоприятные условия для пребывания. В июне 1943 г. была издана инструкция Наркомата внутренних дел СССР, Наркомата юстиции СССР и Прокуратуры, в которой устанавливались сроки содержания детей в колониях³. На прокуратуру возлагалась задача следить за тем, как происходил процесс размещения детей, оставшихся без попечения родителей, начиная от пребывания в приемнике-распределителе и заканчивая размещением в семью или детский дом, в колонию или на предприятие.

В Иркутской области также был провозглашен курс на усиление профилактики детских правонарушений. Прокурор Н. Н. Хламов отмечал, что в школах на учителей и директоров должны быть возложены обязанности по организации досуга детей. Для детских комиссий при райсоветах вводилась задача по организации помощи семьям фронтовиков. В эту же систему профилактики был включен комсомол. Однако на практике вся система нередко давала сбой: например, в районный совет Сталинского района г. Иркутска поступила жалоба от Шламбовского, отец которого находился на фронте. Он указал, что директор

¹ ГАИО. Ф. Р-2793. Оп. 1. Д. 39. Л. 25.

² Там же.

³ Ляскина Н. В. Государственная политика СССР в области предупреждения беспризорности и преступности несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) / Н. В. Ляскина // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Том Часть 2. Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 152.

ремесленного училища № 1 на просьбу предоставить несовершеннолетнему общежитие ответил отказом, обосновав его фразой «Где живешь, там и живи»¹.

Проблемы в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью в Иркутской области отметил г-н А. Сергеев в своей емкой статье в Восточно-Сибирской правде². Он указал на то, что на улицах Иркутска очень часто можно встретить подростков 10-15 лет, раскуривающих табак, ведущих незаконную торговлю билетами у кинотеатров или корзинками орехов, ягод, грибов на углах улиц поселений. При этом нередко такие дети исправно посещали школы, имели родителей, но надзор за ними со стороны семьи был минимальным.

Актуальной также в черте города оставалась проблема пренебрежения детьми правил безопасной эксплуатации транспорта: подростки прицеплялись к грузовым машинам проволочными крючками и катались на дальние расстояния. Подобные шалости нередко приводили к трагедиям, опасным ранениям и травмам. А. Сергеев, как представитель общественности, указывает, что проблема безнадзорности не воспринимается всерьез населением, а также совсем не волнует молодежные общественные организации. Решение проблемы автор видел в активизации работы комсомола с привлечением большинства родителей, пионеров и работников школ к решению задачи по популяризации чтения среди детей и вовлечению их в систему образования.

Поднимая вопрос об основных мерах по профилактике безнадзорности и беспризорности, можно отметить следующее. Профилактика проводилась за счет проведения бесед, лекций, а также организации школьных каникул. В период незанятости школьников в процессе обучения устраивались представления и спектакли, выступления выездных концертных бригад от сельских районов. Регулярно проводились соревнования и спортивные мероприятия для привлечения подростков к работе внешкольных учреждений. Однако такая кар-

¹ ГАИО. Ф. Р-2793. Оп. 1. Д. 52. Л. 1. Деревскова В. М. Основные направления деятельности территориальной прокуратуры в условиях тыла в годы Великой Отечественной войны (на примере Прокуратуры Иркутской области) // Сибирский юридический вестник. 2020. № 3(90). С. 10.

² Сергеев А. Борьба с безнадзорностью // ВСП. 1945. №238. С. 3.

тина была характерна в основном для областных центров. В сельской местности детские учреждения начали свою активную работу лишь к концу войны.

Активная работа велась в г. Бодайбо. Заведующая районо З. Макарова на партийном собрании огласила основные направления работы по борьбе с беспризорностью в районе. Она отметила, что многие начинания в данной сфере, потерпев неудачи, сразу же сворачивались. Например, в средней школе №2 г. Бодайбо прошел родительский лекторий, но данное начинание родители практически не поддержали, после чего школа отказалась от подобной формы работы¹.

На примере Бодайбинской школы №2 можно рассмотреть и проблему безнадзорности в районе. Так, занятые на Ленских приисках родители семьи Ставицких не осуществляли надзор над поведением ребенка, в результате чего пятиклассник был исключен из школы за систематическое нарушение дисциплины и грубое отношение к учителям. Вторым ребенком в семье, обучающийся в четвертом классе, по тем же причинам находился на грани исключения. В 5 «Д» классе этой же школы обучался несовершеннолетний Авдалов, который во время урока никогда не имел при себе учебника, а выданный учителем экземпляр книги рвал прямо на глазах у всего класса. Вызванный в школу отец лишь уточнил у директора, о каком сыне идет речь, поскольку детей в семье было много, что и мешало должным образом осуществлять контроль над их поведением. При этом родитель даже не знал, где именно какой из его детей обучается. Были и более страшные последствия безнадзорности: в 1941 г. в поселке Мама школьниками был убит одноклассник Якушев².

Подобных ситуаций было немало и в областных центрах. Так, в Иркутске органами внутренних дел не раз критиковалась работа организаций и предприятий по борьбе с беспризорностью. Капитан милиции В. Тетюнник в одном из своих отчетов отметил, что неохотно данной работой занимаются профсоюзные организации. Например, на завод №125 имени Сталина (современный Иркут-

¹ Ленский шахтер. 1941. №98 (5049). С. 3.

² Ленский шахтер. 1941. №98 (5049). С. 3.

ский авиационный завод) было направлено из приемников-распределителей 20 подростков-беспризорников. Из них 11 человек сбежали в первые же дни пребывания на заводе, поскольку ни администрация предприятия, ни профсоюз не проявили внимания к организации труда трудных детей, предоставив им для проживания холодные и грязные комнаты, в которых невозможно было находиться. Воспитание и жизнь подростков и вовсе не интересовали должностных лиц¹.

Данная проблема интересовала органы прокуратуры. Так, В. М. Деревскова в своих исследованиях отмечает, что органы прокуратуры, обобщив практику расследования дел по поводу побегов несовершеннолетних беспризорников и дезертирств с предприятий, связанных с военной промышленностью, выявили основные причины совершения подобных деяний². К ним относятся:

- отсутствие на предприятиях жилищно-бытовых условий, пригодных для проживания работников, в том числе и несовершеннолетних;

- предъявление со стороны администрации жестких требований по исполнению рабочих обязанностей. С учетом возраста работников такое давление было недопустимым и приводило к потере мотивации к труду и появлению желания совершить побег;

- недостаточная политико-воспитательная работа на предприятиях.

Таким образом, все эти проблемы были обусловлены тем, что у администрация этих заводов не было ни времени, ни желания выстроить целенаправленную работу в данном направлении.

Беспризорность порождалась также и ситуацией в неблагополучных семьях. Нередкими были случаи, когда родители устраивали «вечеринки», выгоняя детей на улицы. Так, гражданка Лишенкова регулярно привлекалась милицией за случаи бродяжничества сына Альберта, который был вынужден но-

¹ ВСП. 1946. №146. С. 3.

² Деревскова В. М. Общественная деятельность территориальной прокуратуры в условиях тыла в годы Великой Отечественной войны (на примере прокуратуры Иркутской области) // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 2(76). С. 103.

чевать на вокзале в то время, когда его мать приглашала в дом знакомых и злоупотребляла алкоголем. Некто Герасимова, работающая на колесном заводе, в порыве ссоры выгнала двенадцатилетнего сына из дома, что также привело к бродяжничеству подростка¹. Нередко среди подростков-бродяг в Иркутске встречались дети из приличных советских семей: дети врачей, работников заводов и даже партийных деятелей. Родители в этих семьях также были чрезвычайно заняты и редко находили время для контроля за своими детьми.

Расходы на борьбу с беспризорностью в регионе в период военных лет увеличивались. В 1945 г. в Иркутской области на содержание детских домов и борьбу с беспризорностью было выделено 18,2 млн. руб., что превышало бюджет 1944 г. на 3,8 млн.²

Стоит также отметить, что в годы войны создавались специальные группы по борьбе с детской преступностью и хулиганством. На такие группы возлагались специальные задачи по профилактике преступности среди несовершеннолетних с целью предотвращения новых преступлений. Они должны были не допускать создание преступных группировок из подростков, а также вести учет преступности в детско-подростковой среде, анализируя причины и последствия совершаемых деяний.

Работа данных групп также осложнялась необходимостью взаимодействия с другими учреждениями, что еще раз подтверждает гипотезу о том, что по настоящему слаженной системы органов по борьбе с беспризорностью в СССР в годы войны создано так и не было.

Конечно же, в борьбе с беспризорностью были и свои герои. В Иркутской области в структуре МВД до сих пор помнят о Марии Константиновне Кулаковой, которая возглавляла приемник-распределитель с 1944 г. Активную работу с подростками вела Анна Минеевна Манн – инспектор комнаты привода. В 1943 г. на службу в детскую комнату милиции поступила Анна Мееровна Тока-

¹ ВСП. 1946. №146. С. 3.

² ВСП. 1945. №119. С. 2.

рева. Все они вели активную работу с детьми, предоставив многим из них шанс на выбор правильного жизненного пути, без бродяжничества и преступлений.

Статистика детской беспризорности и безнадзорности в годы войны свидетельствует о трудном положении, в котором оказывались дети. Однако, несмотря на все трудности и лишения, многие из этих детей выжили и смогли построить свою жизнь после войны. Их история - это история выживания и силы духа в трудные времена.

Подводя итог, отметим, что статистика показателей беспризорности и безнадзорности рознится. Реальный подсчет практически невозможен, поскольку в ряде регионов существовали перебои с учетом детей, поступающих в комнаты милиции и приемники-распределители, а также изымаемых отделом по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью. Об общих тенденциях по стране можно судить по данным, представленным в таблице 1.

Таблица 1

**Статистика детской беспризорности и безнадзорности в СССР
в 1942 -1945 гг.¹**

Количество детей, изъятых с улиц					
Год	Безнадзорных	%	Беспризорных	%	Всего
1942	252856	67	124367	33	377223
1943	524497	65,3	277948	34,7	802445
1944	740770	63,1	432898	36,9	1173668
1945	638208	77,5	185543	22,5	823751

Как видно из таблицы, количество беспризорных и безнадзорных детей стабильно росло с 1942 по 1944 г. Снижения удалось добиться лишь в 1945 г., однако еще раз стоит отметить, что учет подобного детского контингента велся неподобающе, часто в приемниках-распределителях не успевали зарегистрировать всех поступивших. Но нельзя отрицать, что именно к 1945 г. курс социальной политики военного времени начал показывать свои результаты: поло-

¹ Составлено по: Маркдорф Н. М. Дети войны. Проблема детской беспризорности и безнадзорности в тыловых районах СССР // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. 2020. № 4. С. 133.

жение семей с детьми стало более стабильным, чем в первые годы войны, что позволили снизить контингент «социального сиротства».

Широкое распространение в регионе получила практика принятия в семьи детей, потерявших связь с родителями. Еще в январе 1942 г. Совнаркомом СССР было издано постановление №75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». В частности, в Киренске, Тулуне, Черемхово и многих других районных центрах семьи обращались к председателям органов местного управления с просьбой направить к ним на воспитание детей, нуждающихся в присмотре и опеке. Люди готовы были принять сразу нескольких детей, обеспечив им должный уход. За дни войны только из Иркутского Дома матери и ребенка и Детского дома №4 были взяты на усыновление более ста детей¹. В Бурятии такого широкого распространения приемных семей не было.

В целях предотвращения беспризорности детей в Иркутской области и БМАССР создавались республиканские и областные комиссии по работе с детьми, которые занимались организацией устройства этих детей и контролировали их жизнь в рамках усыновления или беспризорности. Эти органы также оказывали помощь НКВД в выявлении и учете беспризорных детей. Кроме того, в Иркутске и Улан-Удэ была создана справочно-адресная служба детских столов.

Таким образом, в 1941 – 1945 гг. одним из важнейших направлений социальной работы в области института стала борьба с безнадзорностью и беспризорностью. В целом региональная политика в этой области выстраивалась в соответствии с нормативными актами, издаваемыми центральными органами власти. Основной контингент беспризорных, появившийся в годы войны расселялся по имеющимся детским домам, что привело к их быстрому переполнению. К решению проблем безнадзорности и беспризорности были привлечены органы внутренних дел, прокуратура, комсомол, профсоюзы, предприятия, школы и иные организации. Несмотря на все усилия, проблема сохранялась на протяжении всего военного времени. Ее решение было затруднено низким уровнем уча-

¹ Восточно-Сибирская правда. 22 июня 1942. №147. С. 4.

ствия общественности в решении данной проблемы, а также недостатком кадров в органах внутренних дел, которые непосредственно занимались этой проблемой, боролись с правонарушениями среди подростков. Наладить вполне удовлетворительное функционирование детских учреждений удалось лишь к концу войны. Приняты меры в этой области, позволили не только сохранить детей, оставшихся в годы войны без родителей, но и нейтрализовать возможный рецидив детской преступности, обусловленный высоким уровнем беспризорности и безнадзорности. Сохранение подрастающего поколения одним из приоритетных направлений в области реализации социальных мер в годы войны.

2.3 Основные меры материальной поддержки детей

Во время войны большое внимание уделялось сохранению здоровья детей. Решение о проведении летних оздоровительных мероприятий принимались местными органами власти в середине апреля. Пионерские лагеря и детские площадки начинали работать в конце июня и закрывались в середине августа. В среднем, в одном районе через такие мероприятия проходили до 750 человек¹. В летний период 1943 г. только в Иркутской области через подобную форму восстановления здоровья прошло 37 000 детей, из которых 2 800 дошкольного возраста. Финансирование осуществлялось за счет средств профсоюзов, колхозов и родителей, а отбором детей занималась специальная комиссия. Детям со слабым здоровьем предоставлялись дополнительные порции питания. На 1943 г в области насчитывалось более 450 таких детей².

Структурные изменения в трудовых ресурсах региона, связанные с массовым привлечением женщин в народное хозяйство, обусловили высокую потребность в детских дошкольных учреждениях. Расширение сети детских учреждений было также связано с эвакуацией детей в регион из прифронтовой зоны.

¹ Ленская правда. 1942. №46. С. 3.

² ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 795. Л. 26.

Необходимых материальных ресурсов для решения этой проблемы на местах не имелось. В архивных документах находят отражение многочисленные случаи, когда многие из открывшихся яслей закрывались из-за отсутствия необходимого инвентаря, включая кровати. Особенно подобная ситуация была характерна для начала войны. Для расширения сети детских учреждений требовалось изыскать значительные материальные ресурсы. Однако во втором полугодии 1941 г. на расширение сезонных яслей в колхозах и развертывание стационарных колхозных яслей в Бурятии было выделено всего 335 тыс. руб.¹. Поэтому большинство запланированных сезонных оздоровительных мероприятий не было запущено. У колхозов на это просто не имелось необходимых средств. Как правило, летние площадки для детей в сельской местности открывались в период посевной или уборочной кампании, при этом реальные цифры были значительно меньше запланированных. В Бурятии в 1943 г. было открыто менее трети запланированных площадок в период посевной кампании. Питание детей обеспечивалось за счет двухпроцентного отчисления колхозной продукции, а одежда, посуда и необходимая утварь приносились матерями детей².

В целом за годы войны сеть детских садов значительно расширилась. К 1945 г. в Бурят-Монгольской АССР было 107 садов, в которых воспитывались 7586 детей, что более, чем в два раза превышало предвоенный уровень³. В Иркутской области к началу 1944 г. количество детских садов превысило довоенные уровни в 3,2 раза⁴. При этом следует отметить, что вновь открытые детские сады не соответствовали требуемым стандартам. В Иркутске только четыре детских учреждений ясельного типа из 35 имеющихся соответствовали стандартам помещений.

Развитие сети детских домов стало неизбежным последствием тяжелой войны и гибели родителей. К окончанию войны число их количество в стране выросло на 25% и достигло шести тысяч, в сравнении с довоенным периодом. В

¹ ГАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1, Д. 3549. Лл. 107-110.

² ГАРБ. Ф. 2-п. Оп. 1. Д. 1997. Л. 181. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3948. Л. 66.

³ Там же. Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 247. Л. 81.

⁴ ЦДНИ ГАИО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 53. Л. 77.

Иркутской области по итогам 1943 г. в детских домах находилось 3900 детей, еще 610 было усыновлено, и более 2000 детей находилось на патронаже¹. В то же время, в Бурятии из 670 сирот только 35 было усыновлено, а 470 находились в семьях под патронажем. Таким образом, только каждый четвертый ребенок, оставшийся без родителей, попадал в детский дом².

Особой сферой деятельности местных органов власти являлась организация работы с детьми, потерявшими связь с родителями. Уже к концу 1942 г. в стране таких детей насчитывалось 200 тыс. Совнаркомом СССР в январе 1942 г. было издано Постановление №75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей»³. В регионе для решения этой задачи были сформированы комиссии, в состав которых вошли руководители отделов народного образования, милиции, представителей профсоюзов и комсомола, а также специалисты по патронажу детей. Для установления и учета распределенных детей создали справочно-адресную службу детских столов.

Комиссия занималась не только координацией распределения беспризорных детей, но и направляла подростков на промышленные предприятия, контролировала условия их труда и обеспечивала жильем⁴. Отчёты комиссии сообщают, что лишь на территории БМАССР в 1942 году было выявлено 1189 детей без попечения и 382 беспризорных, которых задержала милиция. Следует также отметить, что работа в этом направлении повлияла на снижение уровня преступности в республике среди подростков.⁵

Огромную роль в сохранении подрастающего поколения имела мобилизация имеющихся ресурсов на поддержку физиологического состояния детей. Этой работе на протяжении всей войны органы власти уделяли огромное внимание. Для детей сирот и потерявших связь с родителями было организовано

¹ Банзаракцаева Е. В. К вопросу охраны материнства и детства в Бурят-Монгольской АССР в 1941-1945 гг. // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2018. № 3(7). С. 63.

² ГАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 247. Л. 74.

³ Об устройстве детей, оставшихся без родителей: Постановление СНК СССР от 23.01.1942 N 75 (ред. от 18.08.1965) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ ГАРБ. Ф. р-60. Оп. 3. Д. 244. Л. 26.

⁵ ГАРБ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 4208. Л. 11.

бесплатное питание в молочных кухнях и столовых. Начиная с 1943 г., детские дома и школы обязательно должны были иметь свои подсобные хозяйства. В годы войны в основном успешно развивались подсобные хозяйства тех детских домов, которые начали их развивать еще в предвоенный период. Например, в Иркутске площадь посевов по четырем детским домам в 1940 г. составила 18 гектаров. За три года войны посевные площади этих хозяйств выросли почти в 3,5 раза, а поголовье скота – более чем в 2,5 раза, до 148 голов. При этом количество детей в них практически осталось на довоенном уровне.¹

В годы войны были установлены стандарты питания на одного ребенка, включающие в себя такие необходимые продукты, как хлеб, мука, макаронные изделия, крупы, картофель, овощи, фрукты и ягоды. Во многих школах Приангарья дети имели горячие завтраки, включающие чай, булочки и кашу. Стоимость такого завтрака составляла 60-70 копеек². До трех лет детям выдавали белый хлеб, по специальным карточкам. Мобилизационная система власти в этом направлении действовала вполне успешно. Например, в г. Иркутске разнообразными формами дополнительного питания были охвачены 60 тыс. детей из 75 тыс., или 80% детского населения³.

Актуальной проблемой на всем протяжении войны являлось обеспечение детей одеждой. Местные архивы содержат огромное количество писем матерей в органы народного образования с просьбами оказать помощь в приобретении обуви, белья, верхней одежды для своих детей. Такие же просьбы исходили от семей эвакуированных или потерявших кормильца. Ученики также имели право обращаться с подобными просьбами⁴.

В период военного времени была проведена реструктуризация системы здравоохранения. Особое внимание было уделено санитарному обследованию семей, которые переселились из территорий прифронтальной зоны. Городской отдел здравоохранения поставил целью регулярно предоставлять медицинскую

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 803. Л. 14..

² ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 795. Л. 28.

³ Там же, Ф. 159. Оп. 6. Д. 378. Л. 18. Д. 484. Л. 53. Ф. 127. Оп. 1. Д. 692. Л. 38. Д. 671. Л.21.

⁴ ЦДНИ ГАИО. Ф. 6728. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 1,4.

помощь и контролировать состояние здоровья этих семей¹. Активное участие облздравотдела в проведении летних оздоровительных кампаний включало отбор детей с ослабленным здоровьем для пребывания на санаторном лечении. Перед отправкой детей в санатории и пионерские лагеря проводился областной инструктаж для медработников, направленных на работу с детьми в места их оздоровления².

В Иркутской области к 1940 г. действовало 16 консультаций в городах и 12 в сельской местности, а в 1944 г. на лечение детей принимало 120 учреждений региона³. Продолжалась работа врачей в Ивано-матренинской детской больнице, где в 1941 году совместно с открытием рентгеновского кабинета, развивалось неврологическое отделение и в 1946 г. был открыт нейрохирургический блок. Позднее в 1953 г. здесь открылось первое детское инфекционное отделение, которое не только лечило, но и проводило исследования заболеваний, таких как корь и дифтерия.

Развитие системы акушерско-гинекологической помощи было полностью переложено на государство. В Иркутской области родовспомогательные организации были открыты не только в областном центре, но и в Зиме, Киренске, Черемхово. Однако, акушерско-гинекологические пункты получили развитие только в крупных поселениях, на многих врачебных участках акушерская помощь не оказывалась. Похожая ситуация была и в БМАССР, где не было возможности полностью обеспечить необходимые объемы помощи населению из-за ограниченности ресурсов здравоохранения⁴.

В школьной среде активно создавались санитарные дружины, в которых преимущественно вступали девушки, планирующие после окончания школы отправиться на фронт. Подобная практика являлась повсеместной даже в отдаленных районах. Например, группа сандружинниц Киренской средней школы регулярно отправляли посылки с продуктами первой необходимости и медика-

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 58. Л. 80.

² ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 795. Л. 26.

³ ГАИО. Ф. р-3101. Оп. 1. Д. 26. Л. 4.

⁴ ГАИО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 18. Ф. р-1115. Оп. 1. Д. 13.

ментами раненым бойцам и командирам Красной армии. Под руководством врача школы изучали основы санитарного дела и имели возможность получить практический опыт в местной поликлинике¹.

С целью нейтрализации острозаразных заболеваний были введены обязательные противодефтерийные прививки детям от 6 месяцев до 8 лет и вакцинация от оспы для детей в возрасте от 3 месяцев. В 1943 г. иркутским ученым Н. Гайским была разработана туляремийная вакцина, использование которой значительно сократило очаги туляремии во многих регионах страны.

В годы войны произошло сокращение медицинских работников в Байкальском регионе. В Иркутской области по итогам 1944 г. из 120 сельских врачебных участков 38 не имели врачей². Многие медицинские учреждения находились в катастрофическом состоянии. Отчеты проверок госпиталей показывали, что качество медицинского обслуживания не соответствовало никаким стандартам. Комиссия, которая проверяла госпиталь в городе Бодайбо, едва могла поверить, что это медицинское учреждение. Стены здания покрыты грязью, известка шелестит с потолка, а палаты кажутся мрачными и пыльными. Гигиеническое состояние пациентов вызывало ужас – их постельное белье было полностью изношенным или отсутствовало вовсе³.

Несмотря на все трудности военного времени в годы войны органы власти области здравоохранения материнству и детству было уделено особое внимание, что спасло множество детских жизней в период войны. Государство, несмотря на трудности, обеспечило правовые и материальные условия, которые позволили сохранить институт семьи и детства.

В период сразу после окончания войны приоритетным направлением было устранение серьезных проблем в области здравоохранения, связанных с последствиями войны. Это привело к существенному улучшению медицинского обслуживания населения. Несмотря на достигнутый прогресс, как отмечает А.

¹ Ленская Правда. 21 января 1942 г. №5(2129). С. 3.

² ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 53. Л. 7.

³ ЦДНИ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1222. Л. 25.

И. Малоземова, оставались нерешенные вопросы, включая задержки в госпитализации нуждающихся и недостаточную координацию между больницами и поликлиниками¹.

Серьезное влияние на состояние здоровья подрастающего оказал голод. Вспышки эпидемических заболеваний на территории региона были связаны, в том числе, с употреблением в пищу несъедобных продуктов. Высокий уровень инфекционных заболеваний также был обусловлен высокой мобильностью населения для своего времени, связанной с прибытием эвакуированных, мобилизацией трудовых ресурсов на различные работы, демобилизацией из армии. К примеру, в Иркутской области в 1944 г. работало около 3 тыс. приезжих узбеков, казахов и таджиков. Они не имели природной адаптации к суровым условиям проживания в регионе, и из-за этого страдали от многих инфекционных заболеваний, которые, в свою очередь, быстро распространялись среди местного населения².

Значительной проблемой послевоенного времени стала борьба с туберкулезом. В 1947 г. только по Иркутской области было зарегистрировано 6133 больных, а через год это количество увеличилось до 10419. В связи с этим предпринималась попытка расширения сети туберкулезных диспансеров. Из 42 районов области данные учреждения функционировали в 18. Новорожденным зачастую противотуберкулезные прививки ставили несвоевременно. Так из 12121 новорожденного в 1949 г. прививки получили 6301 человек³. По итогам 1950 г. вакцинацию прошли лишь 52% новорожденных. В самом городе Иркутске было привито 95% младенцев⁴. Проверки в школах показали, что туберку-

¹ Малоземова А. И. Из истории здравоохранения в Иркутской области / А. И. Малоземова. Иркутск: Иркутское книжное изд-во, 1961. С. 175.

² Шалак А. В. Голод в 1940-е гг.: оценка масштабов и социальная география (на примере Восточной Сибири) / А. В. Шалак // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. Иркутск : Байкальский государственный университет экономики и права, 2010. С. 130.

³ Шалак А. В. Условия жизни и быт Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) / А. В. Шалак. Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1998. С. 47.

⁴ ГАИО. Ф. Р-1893. Оп. 3. Ед. хр. 92. Л. 12.

лезной инфекцией болеют около 30% детей, в связи с чем значительно возросла и детская смертность по Восточной Сибири¹.

Начиная с 1940-х гг., СССР запустил масштабную программу реорганизации здравоохранения, что привело к полной изменению его структуры. Создавались новые возможности для повышения квалификации медицинских специалистов, происходило объединение лечебных учреждений².

Одной из приоритетных задач в годы Великой Отечественной войны было сохранение рабочих рук, привлечение женщин к тому труду, на котором раньше работали мужчины. Для этого необходимо было создать систему дошкольных учреждений, которые бы помогли женщинам, осуществляя присмотр за детьми, что позволило бы высвободить рабочие руки, необходимые для достижения победных целей.

В годы Великой Отечественной войны детские сады играли важную роль в жизни эвакуированных семей. Для многих детей они стали единственным местом, где они могли получить образование и заботу. Изначально детские сады в годы войны устраивались в школах, пионерлагерях, домах культуры и просто в квартирах обычных жителей. Они были созданы для того, чтобы дети были под присмотром взрослых, когда их родители работали или сражались на фронте. Тем не менее, педагоги и воспитатели делали все возможное, чтобы создать в детских садах атмосферу безопасности и радости. В них проводились занятия по гимнастике, труду, музыке и рисованию. Дети учились считать и читать, знакомились со многими историческими событиями.

Одной из главных задач детских садов было сохранение морального духа детей и поддержание духа сопротивления врагу. В детских садах в годы войны работали не только педагоги, но также военный комиссариат, который занимался патриотическим воспитанием детей.

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 51. Д. 13. Л. 16.

² Давыдова Т. В. Реформирование советского здравоохранения в послевоенные годы: исторический анализ / Т. В. Давыдова // Вестник ТГУ. 2015. №8 (148). С. 170.

К сороковым годам сеть детских садов значительно расширилась, и эта тенденция продолжилась в течение Великой Отечественной войны. В Бурят-Монгольской ССР в 1941 г. действовало 63 дошкольных учреждения, 22 из которых были основаны на государственном финансировании. Общее количество детей в дошкольных учреждениях составляло 2792. К 1945 году количество детских садов увеличилось до 107, а число воспитанников достигло 7586. Стоит отметить, что в сфере дошкольного образования большее количество детей принимала внебюджетная сеть детских учреждений, таких как детские сады и ясли ведомственных учреждений, колхозов и совхозов, финансируемых этими организациями¹.

К 1944 году в Иркутске имелись 35 детских яслей, но только 4 из них соответствовали минимальным требованиям. Часто детям приходилось спать на одной кровати друг с другом, так как было недостаточно мебели. Эти трудности были обусловлены не только вовлечением женщин в народное хозяйство региона, но и прибытием семей эвакуированных².

В период военных действий основная проблема заключалась в поиске источников питания для детских дошкольных учреждений, особенно для тех, которые не находились на бюджетном обеспечении. Колхозные детские сады и площадки существовали за счет двухпроцентного отчисления артельной продукции. Семьи приносили постельные принадлежности. Тем не менее в силу материальных трудностей, возможностей колхозов, во многих населенных пунктах не было возможности открыть детские площадки. Например, в 1943 году в Бурятии работало всего 153 площадки вместо запланированных 490³.

Ответственность за организацию детских учреждений в годы войны возлагалась на местные власти. Они же несли ответственность за обеспечение дошкольных учреждений продуктами и топливом. Районные комитеты партии контролировали наличие необходимых ресурсов в детских садах, распределе-

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф. 67. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 80-81.

² ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 8. Ед. хр. 11. Л. 93.

³ ГАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 247. Л. 81.

ние детей из эвакуированных семей в ясли и детские сады и пр.¹. Непосредственно организацией этой работы занимались районные отделы здравоохранения и отделы образования².

В Иркутске в 1943 г. в детские сады было распределено 1975 детей, а в ясли – 1032 ребенка. В связи с ухудшением эпидемиологической обстановки был открыт туберкулезный детский сад на 60 мест. На летний период открывались 15 детских площадок, которые могли вместить до 200 до 600 детей³.

В летний период, кроме обычных детских площадок, открывались и площадки для отдыха детей с ослабленным здоровьем. Для детей с ослабленным здоровьем среди семей фронтовиков и эвакуированных предусматривалось трёхразовое питание, для которого выделялись дополнительные средства⁴. Юннатские станции, которые регулярно открывались для детских экскурсий, также имели столовые и детские кухни. Эти учреждения работали с 25 мая по 1 октября и могли ежедневно принимать до 100 человек.

В сельской местности примеров успешного функционирования детских учреждений было немного. В 1942 году в колхозе «Красный земледелец» в Киренском районе Иркутской области были созданы детские ясли на 30 детей. Все дети в яслях были обеспечены спальными принадлежностями, и спальными местами, посудой и персоналом. Организация детского учреждения в колхозе позволила высвободить для участия в колхозных работах 15 женщин⁵.

Активно поддерживали детские сады команды тимуровцев. Помощь с их стороны являлась типичной для всех районов: школьники часто водили малышей в сады и ясли, проводили время с детьми, которые не могли посещать сады по состоянию здоровья⁶.

Анализ социальной политики в годы Великой Отечественной войны в отношении института семьи и детства, позволяет сделать вывод о том, что сохра-

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 533. Л. 16.

² Там же. Оп. 8. Ед. хр. 11. Л. 93.

³ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 795. Л. 28.

⁴ Там же. Л. 28.

⁵ Ленская Правда. 5 апреля 1942 г. №25(2149). С. 3.

⁶ Ленская Правда. 11 июня 1942 г. №43(2167). С. 3.

нение семьи и жизни подрастающего поколения являлось важным направлением государственной политики и получило серьезное развитие в регионе. В непростых условиях удалось организовать ресурсную основу для физиологического выживания детей через развитие сети детского питания, организации подсобных хозяйств, помощи со стороны населения и хозяйствующих субъектов. Большое значение имело развитие сети детских учреждений, что позволило не только решить проблему возмещения трудовых ресурсов, но оказать своевременную помощь эвакуированным семьям. Особое значение имели меры не только по физиологическому выживанию детей, но и вовлечению их в процесс социализации. Экстремальные условия войны, острейший дефицит необходимых ресурсов не позволял добиться каких-либо качественных изменений в этой области. В то же время именно в этот период были в итоге наработаны многие приоритетные направления в области защиты и развития института и детства, которые легли в основу социальной в более поздний период советской истории.

В годы Великой Отечественной войны одной из самых актуальных задач государства было обеспечение детских домов. Обеспечение детских домов проводилось на разных уровнях. Государственные органы выделяли средства на содержание детей и строительство новых учреждений. Граждане собирали пожертвования в виде денег, продуктов, одежды и игрушек, чтобы помочь детям. В детских домах дети получали не только материальную поддержку, но и медицинское обслуживание, образование и определенный уровень досуга. Воспитатели и педагоги делали все возможное, чтобы создать для детей комфортные условия, поддержать их душевное состояние и помочь им восстановить веру в будущее.

Дети, оставшиеся без родителей, также составляли значительную часть населения, требующую помощи. Перед началом Великой Отечественной войны в СССР функционировало 1347 детских домов, где проживало свыше 155 тыс. детей. Обязанности по уходу за глухонемыми и умственно отсталыми детьми выполняли 342 интерната, где находилось 31743 ребенка. В годы войны численность таких детей резко возросла, что повлекло за собой необходимость в

расширении сети детских домов. К 1943 г. численность учреждений для детей-сирот выросла до 4370, с численностью воспитанников 688750 детей¹.

Всеобщее создание колхозных и межколхозных детских домов происходило во всех уголках страны, однако в Байкальском регионе они не стали популярными. Это объясняется тем, что у детей, потерявших родителей, в сельских районах было множество родственников, которые принимали их под свою опеку.

Несмотря на широкую сеть детских домов, проблема безнадзорных и безродных детей продолжала актуализироваться во время Великой Отечественной войны. В Бурятии и Иркутской области численность детских домов незначительно увеличилась, поскольку в связи с открытием Забайкальского фронта и реальной угрозой военных действий со стороны Японии, детские дома не были эвакуированы из центральной части страны в Байкальский регион.

5 марта 1942 г. в Бурятии было принято постановление Совнаркома БМАССР, в соответствии с которым создавалась республиканская комиссия по организации ухода за детьми, лишившихся родителей. Комиссия включала в себя представителей различных органов, включая отдел народного образования, милицию, профсоюзы и комсомол. Руководителем комиссии был назначен заместитель Председателя СНК БМАССР Д.С. Болсохоев. Комиссия была активно занята распределением детей по детским учреждениям и приемным семьям. Детские дома работали без перерыва, однако семейная опека в республике была менее распространена, по сравнению с соседней Иркутской областью. Молодежь, способную к труду, направляли на промышленные предприятия, где им предоставляли условия для работы. Важным требованием для этих детей было обеспечение жильем².

В 1941 году в Бурят-Монгольской АССР функционировали следующие учреждения для детей: Кяхтинский детский дом школьного типа, который мог

¹ Банзаракаева Е. В. Детские дома Бурятии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 7. С. 17.

² ГАРБ. Ф. р-60. Оп. 3. Д. 244. Л. 26.

принять до 160 детей; Заиграевский детский дом школьного типа, где было место для 230 детей; дошкольный детский дом в Улан-Удэ, где размещалось 85 человек; школа-интернат для глухонемых детей, которая принимала до 100 человек, а также детский дом в Усть-Киране с особым режимом, где находились 55 человек.

Детдом в Заиграево возник на месте бывшей трудовой колонии для несовершеннолетних, которая прекратила своё существование в 1936 г. Некоторые дети возвратились к своим родителям, а 40% из числа прибывших в колонию детей осталось жить постоянно в детском доме. В 1943 г. количество подопечных резко возросло, а проверка выявила проблемы с общежитиями, требующими капитального ремонта. Комнаты были холодными, отопительная система нуждалась в восстановлении. Поставка одежды и предметов быта была недостаточной. Часто дети спали на соломенных матрасах, покрытых пальто. Из-за неисправных печей некоторые комнаты не были подогреты. Одежда и мебель были предоставлены только для половины детей, поэтому дети вынуждены были спать вдвоем на соломенных матрасах и засыпать под своими пальто. В детском доме проживало 239 детей, на которых имелось всего 80 пар валенок¹. Ситуацию с положением детей усугубляли случаи хищения и передачи одежды для персонала со склада². Такие случаи со стороны преподавателей и администрации учреждений в отношении детей-сирот не были единичными, что также влияло на условия жизни воспитанников в детских домах.

Детский дом в Улан-Удэ был еще одним учреждением для детей-сирот, но уже дошкольного возраста. Учреждение имело пять блоков и было рассчитано на 85 детей. К октябрю 1941 г. численность воспитанников достигла 92 человек, а позднее пришлось создать еще одну группу на 25 человек. Воспитанниками были дети от 3 до 8 лет. Улан-Удэнский детдом был показательным для всей Бурятии, но в период войны оказался переполнен более чем вдвое. Помещения не ремонтировались, были постоянные перебои с топливом. Из-за

¹ ГАРБ. Ф. п-36. Оп. 1. Д. 1865. Л. 115.

² ГАРБ. Ф. п-1. Оп.1. Д. 4078. Л. 237.

нехватки помещений детей размещали в том числе в непригодных холодных помещениях: в складе, в кладовых. Не все дети имели верхнюю одежду, поэтому только те, у кого были шапки и пальто, могли выходить гулять. Вместо посуды использовались банки, которые раньше содержали консервы¹.

Еще один детский дом Бурятии находился в г. Кяхта. Он начал свою работу в 1935 г., а к 1941 г. в нем находилось 152 воспитанника в возрасте от 8 до 15 лет при общей вместимости в 160 человек. В 1945 г. численность детей составляла уже 239 человек, что значительно превышало все нормы. Детский дом располагался в двух зданиях общей площадью на 391 квадратный метр, а на одного ребенка в среднем приходилось по 1,5 квадратных метра площади². При этом в здании не было ни туалета, ни умывальников, дети мылись на улице в общей кадке с водой.

Проблемы, связанные с бытовыми условиями проживания детей, были и в Усть-Киранском детском доме. Это было учреждение с особым режимом, где воспитывалось 34 мальчика возрастом от 11 до 15 лет. К 1944 г. помещение детского дома находилось в состоянии, требующем ремонта: не было столовой, кроватей, отсутствовала посуда³.

Одной из основных проблем, с которой столкнулись детские дома в то время, была организация питания детей. Для решения этой проблемы, в стране была введена система нормированного питания для разных групп населения, устанавливающая соответствующие стандарты. Особые группы населения, такие как работники народного хозяйства, играющие важную роль в укреплении оборонной мощи страны, получали более качественное питание. Также учитывались потребности определенных групп населения, например детей и кормящих мам⁴. Для детских домов в селах и городах были утверждены единые нормы питания, было оформлено разрешение на использование всех видов продуктов, выращенных самостоятельно в подсобных хозяйствах, для нужд детдомов.

¹ ГАРБ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 3837. Л. 65.

² ГАРБ. Ф. п-36. Оп. 1. Д. 1866. Л. 55-59.

³ ГАРБ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 3837. Л. 64.

⁴ ГАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 247. Л. 18.

Проблемы были с поставками молочных продуктов, которыми в основном снабжались детдома дошкольного типа.

27 ноября 1943 г. Совнарком Бурят-Монгольской АССР выпустил постановление № 571 «О мероприятиях по улучшению работы детских домов». По этому решению были установлены требования к питанию детей. В пищевом меню детского дома должны были присутствовать морепродукты, мясо, пищевые продукты с высоким содержанием жиров, сыры, какао, кофе и сладости¹. Однако на практике установленные нормы повсеместно не выдерживались. Проверки свидетельствуют, что режим питания в детских домах, как правило, включает завтрак из картошки с салом или просто чая с хлебом. Обеды могут состоять из супа с салом, и на ужине им могут подавать лапшу с салом, а не с мясом или рыбой. Более того, даже хлеб в этих учреждениях может отсутствовать несколько дней подряд².

Ситуацию усугубляло различные злоупотребления со стороны администрации и персонала детских домов. В Заиграевском детдоме работники использовали столовую учреждения для своего питания, несмотря на то, что на это не выделялись продукты. Были случаи незаконного выноса продуктов из столовой детдома: в 1942 г. директор и бухгалтер незаконно завладели частью продуктов, в том числе сахаром в объеме 27 кг, 50 кг муки, 8 кг риса, более 12 кг сыра, 20 кг рыбы³. Организовать полноценный контроль за питанием в детских домах, а также контроль за персоналом в военное время было сложно.

Указанная проблема порождала за собой другую – воровство среди воспитанников. В 1942 г. в одном из детских домов Бурятии воспитанники нанесли ущерб предприятию Заготскота, вырвав турнепс и похитив 400 вилок капусты. Детскому дому был представлен иск на сумму 820 р., что повлекло за собой проверку учреждения на предмет ненадлежащего присмотра за детьми. Наркомпрос Бурятии в отчетах о проверке подчеркнул, что проверяющих более

¹ ГАРБ. Ф. 475. Оп. 2. Д. 292. Л. 178.

² ГАРБ. Ф. 475. Оп. 2. Д. 292. Л. 12.

³ ГАРБ. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 4078. Л. 239

всего испугал вид малышей, которые были худыми и изнуренными, питались всем, что найдут на помойках. Следствием проверки стало увольнение повара и заведующего столовой, которые, как выяснилось, выносили из детдома продукты для личных нужд¹.

Данные об обеспечении детей сирот представлены в приложении 7. Из таблицы видно, что к 1945 г. положение детских домов значительно улучшалось. Однако питание не соответствовало установленным нормам, поэтому среди детей по-прежнему встречались случаи заболевания дистрофией.

В Иркутской области ситуация была схожая. Хотя среднее количество материальных ресурсов на одного ребенка в детдомах региона было выше требуемого уровня, ситуация оставалась сложной. Доступные бюджетные средства не были использованы в полном объеме, поскольку детские дома не могли получить необходимые товары из-за их отсутствия на складах. Бюджетные субсидии на книги, лекарства, оборудование и одежду также не расходовались по этой причине. За первый квартал 1944 года только 11,6% бюджетных субсидий было использовано по назначению.

Улучшить питание пытались за счет закупа продуктов питания по сниженным ценам на рынке. Однако этот подход привел к росту стоимости продуктов питания сверх установленных расходов. Например, в 1944 году в Иркутском детском доме для дефектных детей был перерасход средств на питание на сумму 60,7 тыс. рублей, что превышало бюджет на почти тысячу рублей на каждого ребенка. Такая проблема возникла из-за того, что было приобретено мясо по договорным ценам у колхозов².

Аналогичные трудности имелись в материальном обеспечении. В конце 1944 г. в детском доме №1 в Иркутске на 175 детей приходилось всего один умывальник и небольшое количество посуды: 9 глиняных мисок и 15 больших эмалированных блюд³.

¹ ГАРБ. Ф. п-36. Оп. 1. Д. 1865. Л. 12.

² ЦДНИ ГАИО. Ф.127. Оп.14. Д.589, Л.27-28.

³ ЦДНИ ГАИО. Ф.127. Оп.1. Д.615. Л.54-55.

Имеющиеся проблемы государство старалось решить при помощи создания подсобного хозяйства в детских домах. Каждый год Народный комиссариат земледелия осуществлял поставку семенного фонда в детские дома и поддерживал разведение и уход за животными. Например, в Заларинском детском доме дети занимались выращиванием овощей. Для этой цели была выделена площадь в 5 гектаров под огород и более 20 гектаров земли для пахоты¹. На Заиграевский детдом было выделено 25 гектаров земли для пахоты, 7 гектаров для огорода, 45 гектаров для сенокоса и ещё 45 гектаров для пастбища². Занимались и скотоводством: разводили коров, куриц, лошадей, даже пчел. Наркомпрос РСФСР определил нормы производительности для детей, которые занимаются подсобным хозяйством, учитывая их возраст. Дети в возрасте от 10 до 12 лет работали 1-2 часа в день, дети в возрасте от 12 до 14 лет – от 2 до 3 часов в день, а дети старше 14 лет обязаны были работать 3-4 часа ежедневно.

Ситуация с продовольственным обеспечением детдомов не сильно улучшилась, несмотря на проведенные мероприятия, из-за проблем с доступом к семенному фонду и кормам. Основная проблема заключалась в отсутствие опыта грамотного ведения работ в подсобном хозяйстве.

Еще одной проблемой, которая имела особое значение для развития института детства в СССР в годы войны, стала детская трудовая мобилизация. В источниках содержится множество воспоминаний детей войны, которые упоминают о том, насколько было тяжело выполнять ту работу, которую ранее выполняли взрослые. Практически детства у многих детей в том понимании, в каком его видит современный человек, не было. Тамара Михайловна Артемьева, проживающая в год войн в г. Иркутске на ул. 1-Советская, вспоминает о том, что их семье был выделен земельный участок, находящийся на территории современного Байкальского микрорайона города. Каждый ребенок, который был здоров и мог трудиться, был обязан заниматься выращиванием картофеля. Именно картофель стал спасением от голода. «Когда бабушка готовила карто-

¹ Муниципальный архив Заларинского района. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 202. Л. 3.

² ГАРБ. Ф.р-60. Оп. 3. Д. 244. Л. 26.

фель «в мундире» (с кожурой), мы с сестрой подменяли его по мере готовности. Сваренную картошку ели и носили во двор, где было много голодных детей, чьи семьи не могли их прокормить. Все были худые и всегда уставшие. После учебы сразу бежали в огороды. Рано стали взрослыми»¹

Таким образом, в период Великой Отечественной войны был принят комплекс мер как на уровне правительства страны, так и региональных органов власти с целью адресной поддержки семей военнослужащих и детей сирот. Механизм реализации финансовой и материальной поддержки этих групп населения включал прежде всего организацию финансовой помощи, первоочередного приобретения продовольственных и промышленных товаров, помощь в трудоустройстве и учебе, а также создание разнообразных фондов для поддержки этих категорий населения. Большое значение в рамках реализации данных форм помощи имели меры контроля со стороны местных органов власти за осуществлением данных мер. По их итогам уточнялось количество семей военнослужащих, наиболее нуждающиеся семьи, объемы оказываемой помощи, случаи злоупотребления и другие проблемы. В целом, политика в отношении остро нуждающихся в помощи категорий населения носила достаточно продуманный характер и при скудных наличных ресурсах позволяла оказывать своевременную адресную помощь наиболее нуждающимся семьям. Наиболее проблемным вопросом являлось содержание детских домов в регионе. Их состояние в годы войны значительно ухудшилось, большинство домов при этом были критически переполнены, что в совокупности с проблемами в снабжении создавало немалые трудности в их функционировании. Несмотря на многие проблемы и недостатки, удалось решить одну из основных задач, решаемых в тылу, – не допустить потери подрастающего поколения.

В целом, благодаря масштабным государственным программам, направленным на защиту материнства и детства, была обеспечена необходимая по-

¹ Дети войны: сборник воспоминаний и очерков ветеранов Иркутского регионального колледжа педагогического образования / сост. Л. Д. Свирковская. Вып. 2. Иркутск: ГБПОУ ИО ИРКПО, 2016. С. 6.

мощь и поддержка многодетным семьям, семьям, в которых муж был призван на фронт, а также матерям, потерявшим своих мужей в войне.

Основными мероприятиями социальной политики в области материнства и детства в период Второй мировой войны стали выдача единовременного пособия всем матерям, рожающим ребенка в период войны. Оно выполняло роль некой компенсации за трудности при рождении ребенка в тяжелых условиях войны. Огромное значение для сохранения института материнства и детства имело организация детских садов и летних лагерей для детей, попавших в трудную ситуацию в связи с войной. В целом, социальная политика в регионе в годы Великой Отечественной войны была ориентирована на создание минимальных условий, обеспечивающих сохранение населения, особенно подрастающего поколения. Своевременное и эффективное введение социальных программ и льгот, а также целенаправленная работа по организации социальных услуг местными органами власти в совокупности с широким привлечением общественности к оказанию помощи тем группам населения, которые оказались в наиболее тяжелом положении, позволили обеспечить полноценное функционирование института материнства и детства, что стало серьезной предпосылкой обеспечения социально-политической стабильности в регионе и успешного выполнения оборонных задач.

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА, ОХРАНА И ЗАЩИТА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945-1953)

3.1. Приоритеты государственной политики в отношении института материнства и детства

Окончание войны создало ряд новых задач для государства: восстановить страну из разрухи, вернуть экономические показатели к довоенному уровню. Послевоенные годы были тяжелыми для советских семей. Война оставила огромные разрушения и горе в сердцах людей. Тысячи семей остались без кормильцев. Для Сибири не были характерны разрушения, как на фронтовых территориях, но человеческие потери коснулись практически каждой семьи.

По данным Комиссии партийного контроля в Иркутской области на январь 1946 г. проживало 134556 семей военнослужащих и погибших фронтовиков, из которых 35640 получали денежное пособие от государства. 811 семей получили квартиры, еще 8237 семей были обеспечены ремонтом. Для оказания помощи семьям было передано 1286 голов скота, 240 тыс. м³ дров¹. Создавались региональные продовольственные фонды, помощь из которых также направлялась семьям с детьми. По состоянию на январь 1946 г. запасы фонда составляли 230 т зерна, 98 т овощей.

Основными направлениями государственной политики в отношении материнства и детства стало повышение уровня социальной защищенности женщин и детей, обеспечение лучших возможностей для получения образования и высококачественной медицинской помощи, развитие детских садов, школ и медицинских учреждений. Наибольший приоритет отдавался обеспечению материальной поддержки матерей и детей. Введенные после войны ежемесячные пособия на детей и другие выплаты стали одними из основных мер поддержки.

Одновременно с этим осуществлялась деятельность по определенной перестройке системы здравоохранения под потребности матерей и детей. В стране

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 270. Лл. 44-47.

создавалась сеть детских клиник, детских поликлиник и женских консультаций, которые предоставляли медицинское обслуживание семьям с детьми. Также были разработаны программы по борьбе с туберкулезом, полиомиелитом и другими детскими заболеваниями.

Важным направлением работы стали социальные услуги для детей. Государство старалось обеспечить детям развивающиеся игры, книги и обучающие материалы. Вводились кружки и секции по интересам, организовывались экскурсии и поездки. Таким образом, государство пыталось обеспечить детям не только базовые условия жизни, но и духовное развитие.

В целом, государственная политика в отношении материнства и детства в СССР в 1945-1953 годах была направлена на улучшение условий жизни родителей и детей. Большое внимание уделялось не только материальному благополучию, но и духовному развитию детей. Создание образовательных и социальных услуг для детей считалось одним из важнейших направлений развития государства.

Эти направления социальной политики стимулировалась остротой демографической проблемы. Например, в Иркутской области естественный прирост населения в 1940 г. составлял 26 914 человек, но в период с 1942 по 1945 гг. количество умерших превысило количество новорожденных на 5575 случаев. Только к 1950 г. естественный прирост вновь превысил довоенный уровень.¹

В 1947 г. для многодетных семей и одиноких матерей были введены новые размеры пособий². Согласно Указу от 25 ноября, суммы денежных пособий были уменьшены почти вдвое, что было связано с повышением курса рубля. Размер пособий с 1 января 1948 г. устанавливался в объеме от 200 руб. при рождении третьего ребенка и до 2500 руб. за рождение более десяти детей. Матери-одиночки получали пособие в размере 50 руб. ежемесячно при наличии в

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф.127. Оп.14. Д.34. Л.164.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 ноября 1947 года «О размере государственного пособия многодетным и одиноким матерям» // Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947-1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Росспэн, 2020. 718 с.

семье одного ребенка, 75 руб. – если детей двое, 100 руб. – если детей трое и более.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 мая 1949 г. «Об улучшении дела государственной помощи многодетным и одиноким матерям и улучшении условий труда и быта женщин»¹ вводились новые гарантии для отдельных категорий населения. Прежде всего, регулирование касалось трудовых правоотношений. Многодетные и одинокие женщины не всегда имели возможность трудоустроиться. Работодатели неохотно брали таких работниц, поскольку не считали их способными полноценно выполнять все трудовые обязанности. Для того, чтобы такие ситуации не возникали, в Указе была прописана ст. 4, в которой за подобные трудовые нарушения вводилась уголовная ответственность. Она наступала в случаях, если работодатель не принимал на работу женщин, которые кормили младенцев грудью, а также в случаях снижения заработной платы. Также согласно указу, выплачивалось пособие при передаче ребенка от одинокой матери опекуну. При беременности женщинам предоставлялась возможность перейти на другую работу с сохранением трудового стажа. Одиноким матерям с доходом ниже 600 руб. предоставлялась скидка на оплату детского сада.

После окончания войны условия жизни продолжали оставаться тяжелыми. Система карточного распределения продовольствия и других товаров широкого потребления продолжала функционировать в городах. Ежемесячно по обычной карточке люди могли получать приблизительно 2 кг мяса и рыбы, 400 г жира, 1,5 кг крупы и макарон². Рост цен на продукты первой необходимости был выше роста заработной платы. В 1946 г. минимальная заработная плата составляла 300 руб., а средняя – 475 руб. в месяц. В 1947 г. она выросла до 550 руб. в месяц. Чтобы помочь низко- и среднеоплачиваемым работникам, были

¹ Указ Президиума ВС СССР от 19 мая 1949 года «Об улучшении дела государственной помощи многодетным и одиноким матерям и улучшении условий труда и быта женщин» // Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947-1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Росспэн, 2020. 718 с.

² Седова Д. В. Социальная политика Советского государства в послевоенный период 1945-1955 гг. // Поволжский педагогический поиск. 2013. № 4(6). С. 40.

установлены хлебные надбавки в среднем размере 110 руб. в месяц. Однако это лишь несколько смягчало, но не решало проблему снабжения. Поэтому руководство страны приняло решение об отмене карточек, поскольку существующего объема продовольственных и промышленных товаров не хватало для удовлетворения свободного спроса населения¹.

Так вспоминает послевоенное время А. У. Янхаева 1938 г. рождения: «В военное время было тяжело, но в послевоенное не многим легче. Мы жили в селе Бюлютай Бичурского района Бурятии. Нам повезло с тем, что школа была в самом селе. В нее приходили дети из соседних деревень. Некоторые шли пешком по 5-7 км до места учебы. Пишущих принадлежностей у нас не было. Чернила делали из свекольного сока, ручки были из палочек с наконечниками-перьями. Так и писали. Еда была только та, что выращена самостоятельно или принесена из колхоза. Пекли хлеб, варили каши, запекали картошку. Были семьи, которые совсем голодали. А в военные годы помню, что шутили, что птиц в округе не останется, даже мелких воробьев ловили и варили. Нехватка одежды тоже ощущалась. Одежду шили сами из всех подручных материалов. В 1945 г. отец пришел с войны. Он выжил, но здоровье его сильно пошатнулось. В 27 лет он выглядел намного старше своего возраста, постоянно кашлял кровью, часто жаловался на головную боль, кричал ночами, но про войну нам не рассказывал никогда, а мы старались не спрашивать – видели, что вспоминать ему не хочется²».

Жизненные условия после войны оставались очень тяжелыми для многих рабочих и их семей. Несмотря на увеличение средней зарплаты в два раза с 1946 по 1950 год и достижения уровня в 700 руб., большинство работающих не могли удовлетворить своих потребностей, так как из этой суммы вычитались налоги и средства на покупку государственных облигаций.

¹ Николаев Е. Е. Советская социальная политика в послевоенный период (1945-1953 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2018. №8 (52). С. 141.

² Из интервью с А. У. Янхаевой 1938 г. р. // Личный архив Д. А. Бурдиной.

По-прежнему актуальным направлением социальной политики оставалось обеспечение семей жильем. В городах население росло быстрыми темпами, а жилой фонд обновлялся и пополнялся очень медленно. Большинство временных сооружений, возведенных в период первой пятилетки и в годы войны, ежегодно приходили в негодность и требовали капитального ремонта. Расходы на эти работы в бараках были в 4 раза больше, чем в нормальных домах. После капитального ремонта с учетом первоначальных затрат стоимость 1 кв. м жилья барачного типа почти достигала стоимости 1 кв. м благоустроенного жилого фонда. Необходимо было сносить многие временные постройки. В Бурятии, например, на одного человека приходилось в среднем 2,2 кв. м жилой площади¹. При этом основную часть жилого фонда составляло неблагоустроенное жилье. По состоянию на 1950 г. в Иркутской области всего 12% жилья было оборудовано водопроводом, 17% - канализацией, 18% - централизованным отоплением².

Из-за последствий Великой Отечественной войны, включая голод, разруху и другие трудности, число беспризорных детей не уменьшилось. Сиротство, бездомность и правонарушения детей и подростков оставались серьезной социальной проблемой, которую нужно было решать. Были разработаны различные механизмы передачи детей в приемные семьи, такие как опека, попечительство, патронат или усыновление. Считалось, что семейное воспитание является наиболее эффективной формой пребывания для детей, оставшихся без родителей, и это было отражено во всех предписаниях о попечительстве. Даже с введением государственной системы помощи сиротам, практика воспитания детей в приемных семьях оставалась актуальной. Более того, материальный фактор был

¹ Культурное строительство в Иркутской области (1917-1967 гг.) / под ред. А.П. Косых. Иркутск, 1980. С. 74.

² Букин С. С, Исаев В. И. Жилищная проблема в городах Сибири в 1920-х - начале 1960-х годов // ЭКО. 2010. №2 (428). С. 27.

также важным, поскольку передача ребенка в приемную семью снижало материальные затраты государства на его содержание¹.

Воспитание детей-сирот в Байкальском регионе в первые послевоенные годы осуществлялось на основе общих принципов, предполагавших вовлечение воспитанников в общеобразовательные школы и пионерские лагеря, а также массовые детские организации, чтобы избежать их изоляции. К сожалению, подготовка педагогических кадров в то время не учитывала специфику интернатных детских учреждений. Многие воспитатели, работающие в данных учреждениях, имели низкую квалификацию. Тем не менее, благодаря усилиям партийных и государственных органов, профсоюзов и общественных организаций, детские дома в регионе смогли сохранить жизнь и здоровье многим тысячам детей, несмотря на ограничения в материальных возможностях. Детские дома стали спасением для многих детей, которые переживали голод, оккупацию и бродили по улицам. Одна из выпускниц детского дома в Бурятии, попавшая туда после освобождения из оккупированных территорий, вспоминает это место как рай, хотя вначале там не было ни кроватей, ни постельного белья, ни достаточного количества еды и одежды.

Дети, выросшие в детских домах, требовали особого внимания. После войны большинство из них имели тяжелый жизненный опыт и отставали в учебе. Несмотря на это, система воспитания и реабилитации этих детей была недостаточно развита. Эта проблема оставалась нерешенной многие годы. Только в конце 1980-х гг. начались широкие обсуждения проблем помощи детям-сиротам, и была осознана необходимость создания специальной службы психологической адаптации воспитанников интернатских учреждений.

В детских сиротских учреждениях главным принципом воспитания была связь обучения с трудом. В первые годы после войны воспитанники этих учреждений выполняли все домашние работы самостоятельно, а затем приступали к работе в мастерских, а после этого проходили практику на предприятиях. Та-

¹ Николаев Е. Е. Советская социальная политика в послевоенный период (1945-1953 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2018. № 8(52). С. 140.

ким образом, наряду с получением образование, выпускники таких заведений приобретали и определенные профессии.

Одной из проблем сиротских учреждений являлось то, что поступившие туда подростки не имели даже начального образования. В 1947 г. были созданы специальные учебные заведения для подростков, но лишь 15 из 62 планировавшихся школ были открыты. С 1949 г. подростки из детских учреждений и ДПР Иркутской области были направлены в ремесленные или сельскохозяйственные училища для получения профессионального образования перед практикой в предприятиях. Это давало им возможность получить опыт и навыки перед выходом на работу¹.

Послевоенная проблема беспризорности требовала создания учреждений, которые бы принимали и распределяли детей, а также детских домов, что диктовала необходимость подготовки квалифицированных педагогических работников. Кроме того, было необходимо усовершенствовать систему устройства сирот в приемные семьи.

С 1952 г. детские дома получили разрешение трудоустроить своих выпускников. Большинство подростков стремились поступить в училища, но выбор специальности часто принимался без учета их желаний. Те, кто не могли посещать училища из-за проблем со здоровьем, были направлены на работу. В детских учреждениях и колониях уделялось основное внимание рабочим специальностям. Государство обеспечивало воспитанникам доступ к образованию на 7 классов, профессиональной специальности и рабочему месту.

Возможности получения среднего или высшего образования для воспитанников детских домов и колоний были ограничены. Лишь детям с выдающимися художественными способностями была предоставлена возможность поступить в детские дома с профилем художественного образования, и впоследствии продолжить образование в художественном училище. К решению этой проблемы приступили, спустя пять лет после войны. Согласно указу Совета

¹ Седова Д. В. Социальная политика Советского государства в послевоенный период 1945-1955 гг. // Поволжский педагогический поиск. 2013. № 4(6). С. 40.

Министров СССР от 1950 года, сироты, успешно завершившие учебу в воспитательных колониях, могли получить полное государственное финансирование для продолжения своего образования¹.

Образовательная политика СССР в 1945 – 1953 гг. также претерпела изменение. В рамках пятилетнего плана был запланирован значительный рост культурных учреждений, в результате чего в 1947 г. было выделено на культурное просвещение на 4,2 млрд. руб. больше, чем в предыдущем году. Расходы на культурно-просветительские учреждения увеличились на 45%².

К началу 1947 г. в Иркутской области имелось 400 изб-читален, 79 клубов и 138 библиотек, а также множество Домов культуры и музеев, где местные жители проводили свободное время³. Газета "Восточно-Сибирская правда" в своих выпусках уделяла особое внимание культурно-массовой и агитационно-пропагандистской работе на селе. Среди клубов области в качестве образцового выделялся клуб в селе Усть-Куль Тулунского района. Он отличался высоким уровнем активности в области просвещения. Такой же клуб функционировал в селе Олонки Кировского сельского района и Кутуликский клуб. В работе клубных учреждений нередкими были неполадки с киноаппаратурой и освещением. Для помощи подобным организациям созывались агитбригады, применялись различные формы и методы массовой работы в каждом сельском клубе и избе-читальне. Данные учреждения играли важную роль в рамках реализации культпросвещения и воспитания подрастающего поколения⁴.

В Приложении 5 представлены данные о количественных показателях системы обучения в регионе за 1940-1952 гг. Из информации, представленной в таблице, следует, что наиболее быстрыми темпами в Иркутской области росло количество семилетних и средних. Общее число учеников в этих школах уве-

¹ Постановлению Совета Министров СССР «О мерах по улучшению содержания детских колоний МВД СССР» // Исторический архив. № 4. 1996. С. 149.

² Об участии комсомольских организаций в работе культурно-просветительских учреждений // Советская молодежь 1950. № 2. С. 3.

³ Финансирование социально-культурных мероприятий // Восточно-Сибирская правда. 1947. № 122. С. 4.

⁴ Крутенко О. Н. Становление культпросветшколы в послевоенный период в Иркутской области // Universum: общественные науки. 2021. №4 (73). С. 65.

личилось соответственно на 126% и 86%. В общей сложности, число учащихся в области выросло на 6%, однако в начальной школе наблюдается сокращение количества учеников на 28%. Число учеников на старшей ступени образования (средняя школа) впечатляюще выросло до 18,1 тысячи человек, что составляет рост на 230% по сравнению с предвоенным периодом. Причиной данного роста является включение в образовательный процесс детей, родившихся во время войны, и молодежи, которая не получила образование до начала войны¹. Одновременно росла потребность в учительских кадрах. Общее количество преподавателей в Иркутской области выросло с 5829 в 1938 году до 10555 в 1954 году, что составило увеличение в 1,8 раза.² Однако, уровень образования и квалификации многих учителей, занятых в школах, был недостаточным. В Иркутской области количество преподавателей с высшим образованием составляло 1755 человек, или 16,6% от общего числа работающих. У 2602 человек (24,7%) было неполное высшее образование. 5737 преподавателей (54,4%) имели среднее педагогическое или общее среднее образование, 461 учителей (4,4%) не имели профессионального образования³.

Развитие народного образования в период после войны имеет особое значение. С 1947 по 1949 государством были выделены значительные средства на развитие этой области – свыше 258,9 млрд рублей, что составляет почти половину (49,4%) общего финансирования социально-культурной сферы.

Государство в послевоенный период обращает особое внимание на повышение квалификации кадрового потенциала школ. Еще в августе 1945 г. было принято постановление СНК СССР, запрещающее краткосрочную подготовку учителей без наличия среднего образования. В каждом учительском институте были созданы три отделения – историко-филологическое, физико-математическое и естественно-географическое. С целью обеспечения квалифицированными кадрами школ и проведения подготовки/переподготовки учите-

¹ Делегеоз Е. Г. Основные тенденции развития системы народного образования Иркутской области в 1937-1953 гг. // Известия БГУ. 2006. №5. С. 38.

² ГАИО. Ф. р-1929. Оп. 1. Д. 235. Л. 18.

³ ГАИО. Ф. р-1929. Оп. 2 (дополнительная). Д. 14. Л. 3.

лей, ряд серьезных мер принимается органами власти в Иркутской области. Усилился контроль за успеваемостью студентов педагогического направления, особенно строго оценивалась практика. Для руководителей образовательных организаций вводилась ответственность за ненадлежащую подготовку кадров. Предприятия региона были обязаны передавать школам оборудование, которое уже не использовалось в производстве. К 1953 г. появились первые аттестационные мероприятия для учителей. Восстановление сети педагогических учебных заведений осуществлялось поэтапно, контингент школ постепенно вырос, учебно-материальная база была укреплена.

Приблизительно половина всех школ в Иркутской области находится в южных районах, которые сильно населены и пересекаются с Восточно-Сибирской железной дорогой. Однако, в отдаленных районах Среднего и Нижнего Приангарья, где население было невелико, количество семилетних и средних школ росло медленными темпами, не покрывая полностью потребность в обучении. Остро стояла проблема материально-технического оснащения.

30 августа 1946 года в Улан-Удэ прошел первый послевоенный съезд учителей, на котором были выявлены серьезные проблемы в системе школьного образования. Среди этих проблем были низкий уровень успеваемости учащихся, высокое число учеников, остававшихся на второй год обучения, недостаточное обеспечение материально-технической базой и недостаток квалифицированных кадров. В рамках образовательной политики было предусмотрено увеличение количества школ в разных регионах страны, в том числе в Бурятии. В 1949 году в Бурятии работало 503 начальных, 117 семилетних и 46 средних школ¹. Отдельное внимание уделялось городам и поселкам городского типа, где количество школ почти утроилось с 54 в 1941 г. до 163 к концу 1950-х гг. Количество учащихся, обучающихся в них, превышало 130 тыс., а количество учителей составляло 7 тысяч².

¹ ГАРБ. Ф. 1056. Оп. 2. Д. 6. Л. 32.

² Семенова Е. Ф. Школьное образование Бурятии в годы войны и в послевоенный период // Вестник БГУ. 2015. №7. С. 38.

В 1952 г. в Бурятии было введено всеобщее семилетнее обучение, что привело к увеличению финансирования народного образования из государственного бюджета. Были предприняты меры для улучшения условий в школах. Вся республика, особенно сельская местность, приступила к реализации различных инициативных проектов, включающих строительство школьных зданий, интернатов, общежитий, мастерских и спортивных залов. Например, целью жителей Бичурского аймака стало устранение многосменности в школах в течение двух-трех лет. За два года колхоз «Знамя Ленина» Мухоршибирского аймака построил две восьмилетние школы, одну начальную школу и общежитие для детей животноводов¹.

В послевоенный период вопросы развития национальной школы были решены через различные меры, включая применение нормативно-правовых актов, научно-методическое обеспечение и переподготовку кадров. Между 1949 и 1953 годами бурятская школа изменила свою языковую политику: были пересмотрены учебные программы, переведены на бурятский язык несколько учебников. Часть учителей из бурят были переведены из русских школ в национальные после двухнедельных курсов обучения. Многие родители выразили желание, чтобы их дети получали образование на своем родном языке. В июле 1951 г. на совещании, организованном Окружным комитетом партии по вопросам национальных школ, была поддержана идея преподавания учебных предметов на родном языке до седьмого класса. Для этой цели были созданы учебники на двух языках – русском и бурятском².

В послевоенный период детское движение в регионе переживало серьезную трансформацию. С одной стороны, работа пионерской организации стала более качественной и содержательной, с появлением новых и интересных видов деятельности. Однако, с другой стороны, организация испытывала немалые трудности из-за идеологической догматики и командно-административных методов управления. Вместо развития традиций пионерии, в данном периоде воз-

¹ ГАРБ. Ф. 1056. Оп. 2. Д. 6. Л. 32.

² ГАРБ. Ф. 1. Оп. 203. Д. 10. Л. 82.

никли формализм и копирование работ без учета специфики местности, а также различий по полу и возрасту.

В конце 1940-х – начале 1950-х годов пионерская организация в Бурятии, так же как и подобные организации во всей стране, активно занималась учебно-воспитательной работой в школах с целью повышения успеваемости и получения качественных знаний. В 1946 году лишь 66,1% школьников в Бурятии имели достаточную успеваемость, среди пионеров это число составляло 82%. Однако, к 1950 году общая успеваемость в школах республики значительно улучшилась и составила 76-80%, а успехи пионеров достигли 96%¹.

В различных школах Бурятии, отрядные вожатые и учителя организовывали предметные сборы для пионеров. Целью этих мероприятий было углубление знаний по отдельным предметам и повторение программного материала. При выборе темы, в большинстве случаев, не учитывались интересы детей. Такие предметные сборы были скорее формальными и представляли собой дополнительные уроки для повторения уже изученного материала. Наиболее типичные темы включали формулировку «Знаешь ли ты...»².

В условиях тех времен, многим детям и подросткам помощь приходила из различных кружков – технических, предметных и других, которые получили широкое распространение во всех школах Бурятии. Например, в учебном году 1946/47 только в двух средних и пяти семилетних школах Селенгинского аймака было 52 кружка, где занималось 713 детей. В 1950 г. в школах Заиграевского аймака было 58 кружков (с участием 1471 ребенка), а в школах Хоринского аймака – 49 кружков (участвовали 1246 детей). Всего в республике к 1950 г. функционировало более 1150 предметных, технических и других кружков, где занималось более 40% всех учащихся республики и более 50% пионеров³.

В школе №2 г. Улан-Удэ действовало 15 кружков, где занимались 350 школьников и пионеров. В газете «Смена», которая издавалась здесь, было вы-

¹ ГАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 58. Л.2.

² Там же. Д. 326. Л. 42-43.

³ ГАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д 90. Л. 11.

пущено 40 номеров за 1951 г., при участии более 200 корреспондентов. Внешкольные учреждения, такие как Дома пионеров, также были популярны. Например, в 1952 г. в Улан-Удэнском Городском Доме Пионеров работало 44 кружка, включая 12 трудовых и технических, а в Детской технической станции Кяхтинского аймака функционировало 12 кружков¹. Пионеры показывали инициативу в школьных и внешкольных мероприятиях.

Пионеры и школьники Бурятии проявили свою энергию и инициативу, занимаясь организацией работы на учебно-опытных участках и в садах республики. Например, учащиеся Уринской средней школы Баргузинского аймака, под руководством заслуженного учителя РСФСР Т. М. Малика, достигли успеха в выращивании арбузов, яблок, вишни, малины и лимонов в условиях северного аймака².

В апреле 1951 года в рамках Всесоюзного конкурса наиболее умелого садовода, секретарь Бурят-Монгольского Обкома ВЛКСМ Шведкова донесла в ЦК, что в республике имеются сады, причисляемые к 72 школам, а также питомники, связанные с 17 школами и сады, принадлежащие 9 детдомам³. В период 1951 – 1953 гг. группой юннатов было выращено 7445 плодовых деревьев, а школьная пасека стала центром для распространения и популяризации пчеловодства в Бурятии. Молодые пчеловоды собрали около 800 кг меда и распространили более 100 пчелосемей в другие колхозы и школы.

Первая республиканская «Неделя сада» была проведена в Бурятии с 1 по 8 октября 1951 года. В соответствующем постановлении было указано, что комсомольские и пионерские организации школ должны обеспечить озеленение и посадку плодово-ягодных деревьев на пришкольных участках городских и сельских школ, а также детдомов на период проведения «Недели»⁴.

По всей республике пионеры активно участвовали в различных трудовых мероприятиях, таких как помощь колхозам в выращивании урожая, сбор удоб-

¹ ГАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 90. Л. 11.

² ГАРБ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 2322. Д. 2853.

³ Там же. Д. 3216. Л. 64.

⁴ ГАРБ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 2637. Л. 14, 15.

рений, уход за животноводческими фермами, разведение домашней скотины и птицы, заготовка плодов дикорастущих растений, сбор макулатуры и металлолома, осуществление шефской работы и принятие участия в различных кружках для получения необходимых трудовых навыков. Именно поэтому многие колхозники из разных аймаков республики ценили помощь пионеров и называли их своими первыми помощниками в труде.

Важное место в социальной политике местных органов власти занимали вопросы организация оздоровления детей, особенно в период летних каникул. Несмотря на трудные послевоенные годы, каждый год количество детей, участвующих в организованном летнем отдыхе, росло. Например, в 1948 году, 7610 детей отдохнули в пионерских лагерях республики, а 550 детей – в лагерях санаторного типа. Кроме того, летними площадками было охвачено 1063 ребенка¹. В послевоенный период организация оздоровления детей, особенно летнего отдыха, играла важную роль. Каждый год количество детей, отдыхающих в пионерских лагерях республики и в лагерях санаторного типа, росло. Кроме того, были организованы летние площадки для детей. Помимо «трудового воспитания» и «политехнического обучения», была проведена работа по развитию детского творчества и культурно-массовой деятельности². Среди мероприятий были ежегодные Смотры художественной самодеятельности всех уровней, детские киносеансы и проведение Детских дней в кинотеатрах городов и райцентров. Все это позволяло пионерам заниматься творческой и яркой деятельностью, что было необходимо для их развития и оздоровления.

К середине 1950-х гг. детское движение в Байкальском регионе значительно активизировалось, появились более привлекательные для детей формы деятельности. XII Всесоюзный Съезд ВЛКСМ в 1954 г. рекомендовал организацию работы с пионерами на основе их собственной инициативы и учета их возрастных особенностей. Новый Устав повысил авторитет пионерской органи-

¹ ГАРБ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 2596. Л. 148-150.

² Балакирев А. Н. Пионерская организация Бурятии в послевоенные годы // Вестник БГУ. 2012. №7. С. 118.

зации, но она продолжала оставаться во многом формальной организацией, в которой детям сложно было проявить инициативу.

Активно в послевоенный период развивается социальная поддержка со стороны государства многодетным семьям. Многодетные матери с двумя детьми получают единовременное пособие при рождении третьего и каждого следующего ребенка, а матери с тремя детьми получают ежемесячное государственное пособие при рождении четвертого и каждого следующего ребенка. В 1945 г. количество многодетных матерей, получающих ежемесячное пособие, составляло 844 тыс. человек, а к 1956 году это число возросло до 3323 тыс. человек¹.

Еще одним важным направлением в деятельности органов власти в отношении семьи, материнства и детства в послевоенный период являлось организация нуждающимся семьям помощи со стороны предприятий. Эта помощь была значительна по объемам. В 1946 г. отделы социального обеспечения Иркутска выдали денежных пособий на сумму 710344 руб., в том числе семьям погибших и военнослужащих 622554 руб. Со стороны предприятий области объем выделенной помощи составил сумму 230813 руб. Отделы социального обеспечения выдали 29563 ордера на промышленные товары инвалидам, семьям погибших и военнослужащих. Предприятия выдали 3519 ордеров на одежду и 528 ордеров на обувь, в то же время со стороны населения было передано 1791 предмет одежды и 926 пар обуви².

Особое внимание в послевоенный период уделялось охране здоровья детей и матерей. В БМАССР значительно расширилась сеть родильных домов и женских консультаций, детских лечебно-профилактических и оздоровительных учреждений. Для детей в больницах по состоянию на 1950 г. было развернуто 504 койки, что почти в 10 раз больше, чем в 1940 г. Открыли свои двери новые пионерские лагеря, появились специальные оздоровительные группы в детских садах. В 1949 г. в пионерских лагерях проводили летние каникулы 6750 обу-

¹ ГАРБ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 2596. Л. 148-150.

² ГАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 90. Л. 11.

чающихся. В 1,5 раза выросло число мест в родильных домах. В больницах росла численность врачей-педиатров и акушеров-гинекологов. Все это позволило значительно снизить в республике заболеваемость и младенческую смертность¹.

В Иркутской области здоровью матерей также стали уделять больше внимания. С начала 50-х гг. регулярно проводились обследования женского здоровья, которые показали, что будущие матери страдают от недостатка витаминов С и D, в результате чего их иммунитет становится ослабленным, а рожденные дети часто имеют хронические заболевания и слабое здоровье. В Нижнеудинском районе в 1953 г. по инициативе женсовета был объявлен конкурс на самого чистого ребенка. Это была творческая попытка повысить уровень санитарно-гигиенического состояния населения в послевоенные годы.

Недостаток медицинских учреждений и персонала в Прибайкалье сильно затруднял проведение эффективного медикаментозного лечения. Высокий уровень смертности и низкая рождаемость вынуждали власти принимать дополнительные социальные меры.

В послевоенные годы курс социальной политики претерпел серьезные изменения, однако акцент на поддержку и защиту института материнства и детства сохранялся до 1953 года. Вводились новые пособия, социальные гарантии для матерей, меры поддержки и защиты материнства и детства. Все законодательные акты СССР, которые легли в основу социальной политики в регионах.

На территории Прибайкалья – в Иркутской области и Республике Бурятия – социальная политика в области материнства и детства имела свою специфику. После войны сеть детских учреждений сокращается (см. приложение 7). В Иркутской области количество детских садов в 1947 г. в сравнении с 1946 г. сократилось незначительно, с 336 до 324, но детей в них уменьшилось на 33%². В БМАССР сокращение было масштабнее: сеть детских садов за этот период уменьшилась более чем в два раза, с 115 до 52, а количество детей с 6728 до

¹ ГАРБ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 150. Л. 40.

² ГАРБ. Ф. 127. Оп. 14. Д. 587. Л. 1.

2906 человек. Это были самые значительные сокращения детских дошкольных учреждений в Восточной Сибири. Причинами такой тенденции являлось сокращение рождаемости, а также возвращение мужчин с фронта, в результате чего женщины получили возможность заниматься детьми на дому. Снижение оплаты за содержание детей в детских садах (для одиноких матерей на 50%) на этот процесс не повлияло¹. В последующие годы численность детей в детских садах продолжала сокращаться более низкими темпами. Выросло количество детей лишь по детским садам Иркутской области. В 1950 г. их посещало на 26.7% больше, чем в 1941 г.².

Сеть детских домов в послевоенный период продолжала расти. В Иркутской области к началу 1950 г. насчитывалось 50 таких учреждений, в которых находилось 5567 детей. Условия проживания в них практически не изменились. Наибольшие трудности их воспитанники испытали в период голода 1945-1947 гг. В это время показатели смертности по домам ребёнка были самыми высокими (17,8%). Значительное количество детей болело дистрофией (17,6%)³.

Особую роль в этих условиях продолжали играть программы оздоровления детей на летних оздоровительных площадках. В 1948 г. в Бурятии в пионерских лагерях побывали 7610 детей, ещё 550 прошли программы оздоровления в санаториях. Летними площадками было охвачено 1063 ребёнка, а общий охват оздоровительных мероприятий к 1952 г. превысил 30 тыс. детей⁴.

После войны на предприятиях и на базе крупных школ начали создаваться пионерские лагеря городского типа. К 1951 г. их насчитывалось до 37, а общий охват ими детей в Прибайкалье составлял 7600 человек⁵. Однако в целом в

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия - звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. С. 308.

² ГАНИИО. Ф. 6728. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 1,4.

³ ГАНИИО. Ф. 169. Оп. 7а. Д. 424. Л. 16.

⁴ ГАРБ. Ф. 36. Оп. 52. Д. 2596. Л. 148.

⁵ ГАРБ. Ф. 36. Оп. 52. Д. 2596. Л. 149.

послевоенный период забота о детях в политике местных органов власти не была столь ярко выраженной. Их деятельность свелась к планированию летних оздоровительных кампаний и контролю за детскими учреждениями, находящимися в системе здравоохранения и социального обеспечения.

Оценивая в целом меры органов власти по социальной поддержке детей, нельзя не признать их эффективность. Удалось не только приостановить, но и снизить рост детской смертности в сравнении с довоенным периодом. В Иркутской области в 1945 г., согласно проведенным расчетам, рождаемость составила 38.33% к уровню 1940 г., а детская смертность – 18.8%.

Работа с детьми в образовательных учреждениях продолжалась. С 1952 по 1958 годы в Бурятии были открыты восемь яслей для детей общей вместимостью 500 мест. В период с 1951 по 1955 годы в Иркутской области было открыто 20 новых дошкольных учреждений, с учетом активного строительства новых зданий для детских садов, многие из которых до настоящего времени продолжают использоваться по данному назначению¹.

Родители, комсомольцы и пионеры часто оказывали помощь в оборудовании яслей при колхозах, но не все председатели колхозов поддерживали данную идею. Открытие детских садов и яслей часто проводилось только для отчетности, когда приезжала проверка, фиксирующая наличие учреждения. Председатели колхозов закрывали сады сразу после того, как удавалось избежать наказания за невыполнение требований по организации детских учреждений в колхозах.

Однако в целом в регионе наблюдается заметное расширение сети детских дошкольных учреждений в конце исследуемого периода. Особенно это характерно для начала 1950-х гг. Среднее количество детей, посещающих детские сады, выросло более чем в три раза с 1947 по 1955 гг. Одним из основных факторов быстрого расширения сети детских учреждений по-прежнему являлась необходимость выполнения женщинами обязательного трудового минимума. В колхозах женщины, имеющие малолетних детей, не освобождались от трудо-

¹ ГАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 247. Л. 81-82.

дней, что вынужденно привело к увеличению количества детских садов. Например, в 1947 г. из работающих в колхозах БМАССР женщин 91% не выполнили установленный минимум трудодней¹. В послевоенное время женщины также привлекались к ответственности, если они не появлялись на работе из-за необходимости присмотра за малолетними детьми. В большинстве случаев они не имели возможности оставить маленьких детей в колхозных яслях, которых практически не было.

В целом, до 1953 г. Иркутская область и БМАССР активно развивали систему дошкольных учреждений, что было результатом реализации социальной политики по улучшению условий жизни населения. Женщины были освобождены от обязанностей по ведению домашнего хозяйства, им была предоставлена возможность воспитания детей в дошкольных учреждениях. Женщины могли работать минимальное количество дней, пока их ребенок находился под присмотром воспитателя. В некоторых регионах были затруднения, которые сокращали темпы развития яслей и детских садов по сравнению с европейской частью страны, но в целом, сеть детских дошкольных учреждений росла во всех районах обследованных регионов.

На социальное положение подрастающего поколения оказывали влияние различные факторы, в том числе состояние сети детских учреждений, объемы дополнительных источников питания за счет подсобных хозяйств, сбора дикорастущих, помощи со стороны жителей региона. Главными направлениями деятельности в данной сфере являлись кампании по оздоровлению детей летом и контроль за детскими учреждениями, включая Дома ребенка, детские поликлиники, санатории, а также детские дома и дома инвалидов для детей, которые подчинялись системе здравоохранения и социального обеспечения. Оценивая разные формы помощи детям с 1945 по 1953 год, можно отметить, что они были направлены на обеспечение выживания детей. Такая цель также преследова-

¹ Шалак А. В. Социально-демографические процессы как основа трудовой мобильности в годы Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг. (на примере Иркутской области) // Историко-экономические исследования. 2015. №2. С. 312.

лась всей системой социальной защиты детей со стороны государства, и она была успешно достигнута.

3.2. Проблемы реализации социальной политики в 1946 – 1953 гг. в Байкальском регионе

Великая Отечественная война изменила многие процессы в жизни советской семьи. Институт семьи пережил тяжелый социально-экономический кризис, вызванный тяготами военного времени. Война оказала самое серьезное влияние на изменение демографической структуры населения. В структуре населения повысился удельный вес женщин, а также увеличилось количество семей, имеющих только одного родителя. В воспоминаниях советских женщин можно нередко встретить упоминание о том, что к семьям, в которых мужчины не вернулись с фронта, зачастую было посредственное отношение, как к людям «второго сорта». Иногда, даже тем, кто не был на войне, уделяли большее внимание, чем семьям погибших¹.

В военные годы произошло значительное сокращение рождаемости в регионе. После войны наметился выход из демографической ямы. Демографическая ситуация в Иркутской области и Б-М АССР имеет схожие тенденции. К 1950 г. наблюдается рост рождаемости, однако ее показатели оставались ниже довоенного периода. В Иркутской области на одну тысячу жителей в 1940 г. рождалось 50 детей, в 1950 г. этот показатель составлял 48 человек. По Бурятии аналогичные показатели составили 43 и 37 человек.

Оценивая динамику социальных изменений за изученный в исследовании период, отметим ее положительный характер для Байкальского региона. Основные демографические показатели представлены на рис. 1-3.

¹ Ковригина С. В. Деревенская женщина в контексте советской повседневности в послевоенный период // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные проблемы развития регионов Сибири. 2013. Т. 1. С. 114.

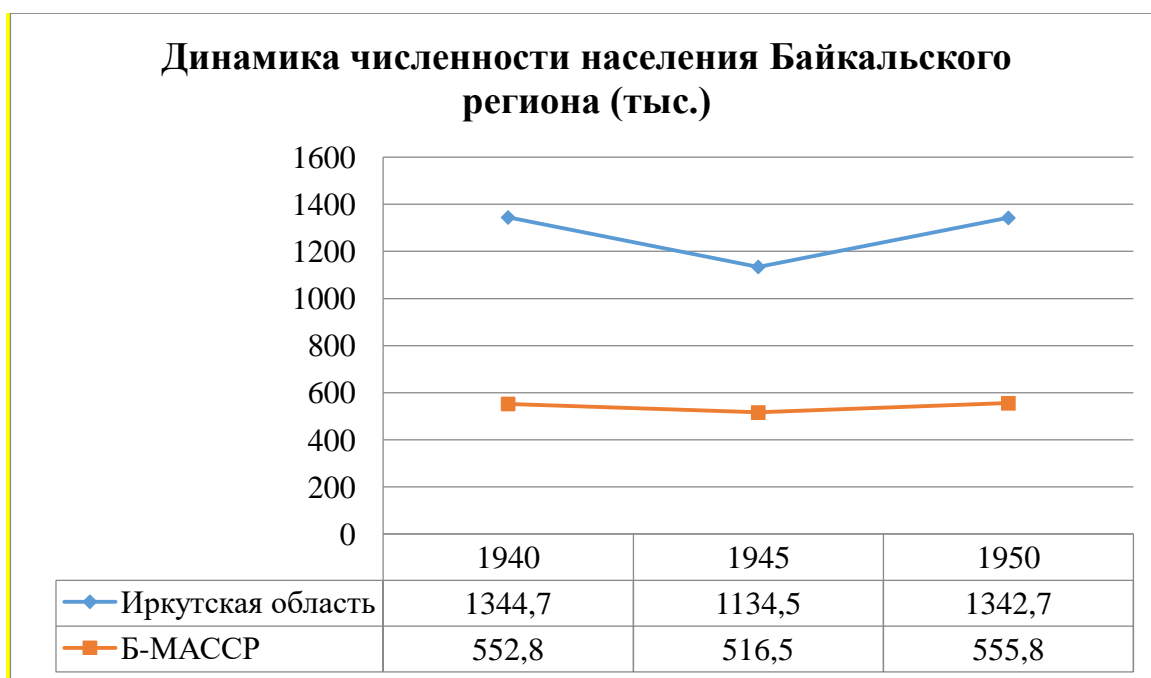

Рис. 1. Динамика численности населения Байкальского региона (тыс.)¹

Как видно из рис. 1, численность населения региона уже к 1950 г. практически вернулась к довоенным показателям, а в Бурятии и вовсе преодолела довоенный порог. Рост населения продолжался и на протяжении последующих лет, в чем, безусловно, заслуга социально-экономического курса, направленного на восстановление страны и улучшение материально-бытовых условий населения.

Как видно из рис. 2 динамика рождаемости в послевоенный период устойчиво росла и к 1950 г. приблизилась к довоенному уровню. Таким образом, к концу изучаемого периода институт семьи в плане демографических показателей практически вышел на довоенный уровень. Это несомненный успех реализации мер, направленных на укрепление института семьи и детства. В годы войны рождаемость в Байкальском регионе снизилась в 2,5 раза.

¹ СССР в цифрах [в 1958 году] : [краткий сборник статистических материалов]. М.: Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР, 1958. 469 с.

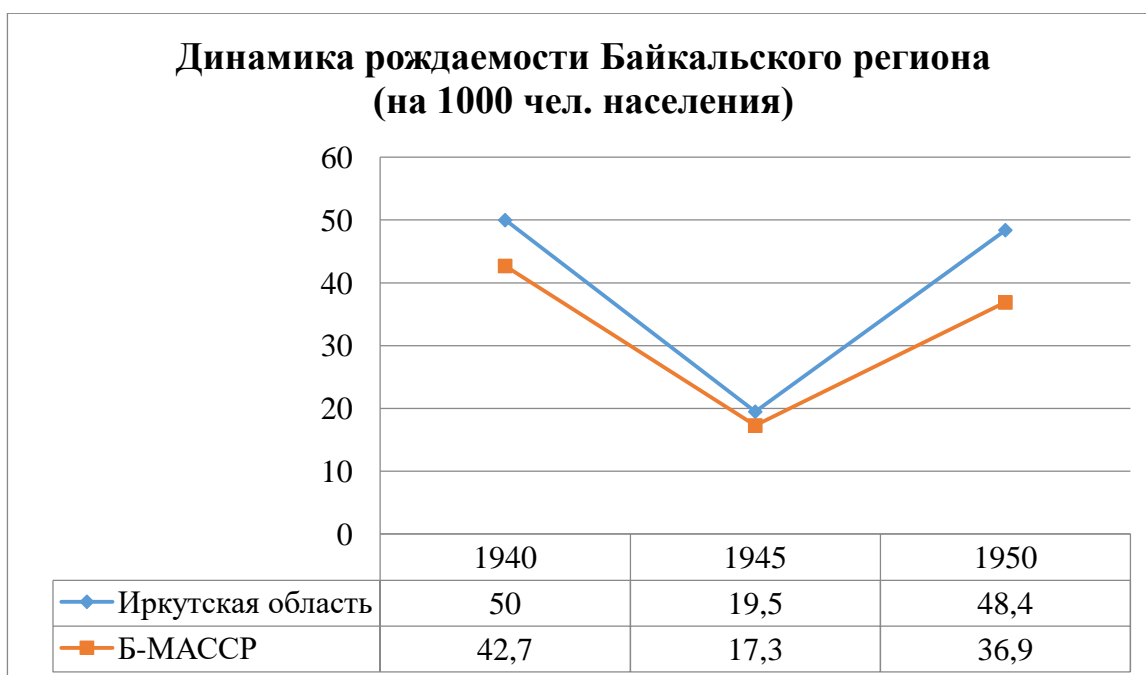

Рис. 2. Динамика рождаемости Байкальского региона (на 1000 чел. населения)¹

Из данных рис. 3 видно, что в изучаемый период произошло заметное уменьшение младенческой смертности.

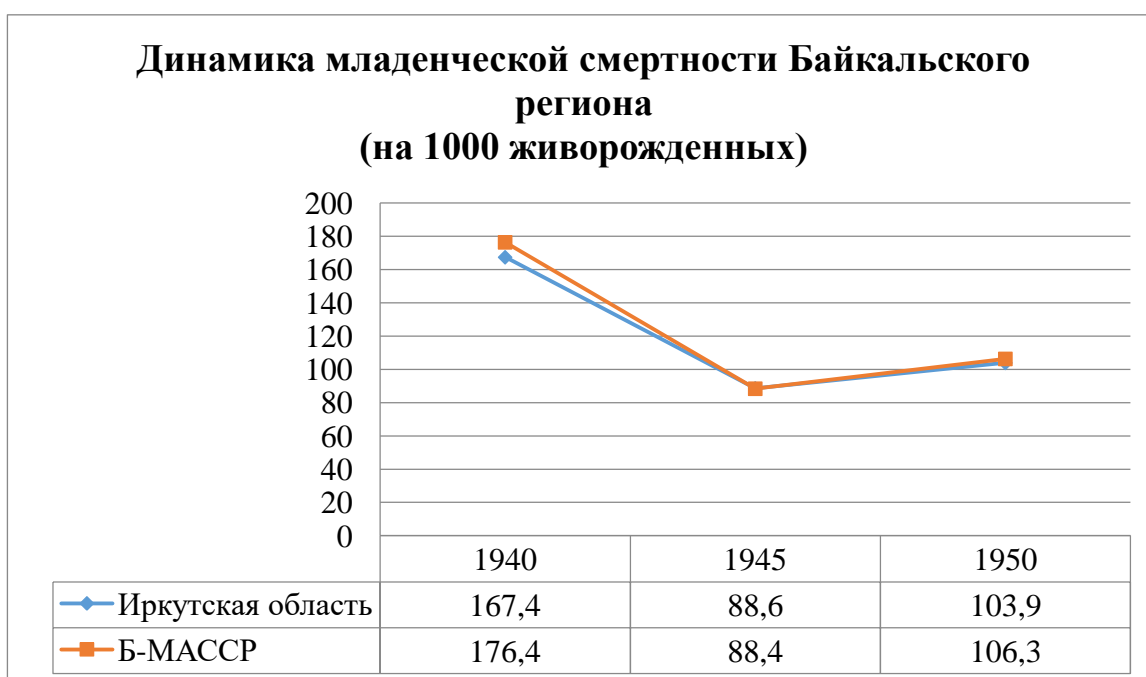

Рис. 3. Динамика младенческой смертности Байкальского региона
(на 1000 чел. населения)²

¹ За строкою цифр: к 95-летию Иркутской статистики Иркутск: Иркутскстат, 2015. С. 15-16.

² Память о великом подвиге: цифры и факты. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.. Иркутск: Иркутскстат, 2020. С. 23.

В период восстановления народного хозяйства СССР социальная политика в области института материнства и детства была направлена, прежде всего, на улучшение материального положения семьи.

Архивные данные, подтверждающие сложные материально-бытовые условия семей, отчетливо коррелируются с воспоминаниями. Нина Фёдоровна Безносова, уроженка г. Зима Иркутской области, так вспоминает свое послевоенное детство: «Мне было 12 лет, когда закончилась война. Мать работала на ферме, а отец вернулся из ИТЛ только в 1947 г. Все хозяйство было на плечах матери и старшего брата. Все свободное время проводили на ферме, помогала матери доить коров и чистить коровник. Старший брат Анатолий получал образование машиниста в другом городе, поэтому помощь мог оказывать только в выходные дни. Нам повезло с тем, что был собственный дом, построенный своими силами еще до войны. Отопление было печное, топили по два раза в день, чтобы поддерживать температуру. Хозяйство было небольшое – куры, кролики, две свиньи и одна корова. Был большой огород. Выращивали все овощи. Колхоз выделял поля под посадку картофеля и сенокос. С 10 лет приходилось помогать матери во всем, умела готовить, ухаживать за скотом. Когда в 1947 г. вернулся из лагеря репрессированный отец, стало намного легче. Но здоровье у него было очень сильно подорвано, поэтому тяжелые работы ему давались с трудом. Сами пекли хлеб, жили за счет тех продуктов, которые выращивали сами»¹.

Н. В. Слесарева, проживающая в г. Нижнеудинске Иркутской области, примерно также оценивает послевоенное время: «Жили в собственном доме и вели свое хозяйство. Женщины работали на железной дороге, на кондитерской фабрике, кирпичном заводе. Не было таких мест, где бы они не работали. Родители работали в ремонтных мастерских железнодорожной станции. В период мобилизации отца не забрали на фронт из-за состояния здоровья. Поэтому нашей семье было легче, чем многим другим – в семье были мужские руки. Мать

¹ Интервью с Н. Ф. Безносовой // Личный архив Д. А. Бурдиной.

всегда говорила, что если бы отец ушел на фронт, то она бы сама с трудом потянула хозяйство и двоих детей»¹.

При невысокой заработной плате серьезным бременем для семьи в послевоенный период являлись налоговые выплаты. Налог с дохода был установлен на основании Указа от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения». Налог был прямо пропорционален размеру месячного заработка. Минимальная сумма налогообложения при доходе ниже 151 руб. составляла 2,25 руб. Помимо этого Указом от 10 апреля 1942 г. «О местных налогах и сборах» сохранялись налоги на строения, на земельную ренту, сбор с владельцев скота, транспортных средств, а также разовый сбор на колхозных рынках².

Стоит отметить, что вдовы, которые потеряли своих мужей на фронте, были освобождены от уплаты налога на холостяков, одиноких и небольших семей только с 1 января 1954 г.³ До этого времени налог «на холостяков» взимался в размере 5 руб. в месяц при зарплате до 150 руб., а при более высоком заработке в размере 5% от доходов.

В 1947 году вышел новый Указ о размере государственного пособия для многодетных и одиноких матерей. Начиная с 1 января 1948 г., ежемесячные и единовременные пособия начали выплачиваться в зависимости от количества детей в семье. При рождении третьего ребенка единовременно выплачивалась сумма в 200 рублей, а при четвертом - 650 рублей, а также ежемесячное пособие в размере 40 рублей. С увеличением количества детей, суммы пособий растут⁴. Одиноким матерям на воспитание и содержание детей выплачивалась пособие в размере 50 руб. на одного ребёнка, 75 – на двух детей и 100 руб. – на трёх и более детей. С 1949 г. для одиноких матерей предусматривались льготы

¹ Интервью с Н. В. Слесаревой // Личный архив Д. А. Бурдиной.

² Указ Президиума ВС СССР от 10.04.1942 о местных налогах и сборах // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. (1938 – июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. С. 49.

³ Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947-1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Росспэн, 2020. С. 154.

⁴ Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947-1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Росспэн, 2020. С. 158.

на содержание ребёнка в детском саду при условии, что доход в семье не превышает 600 руб. в месяц¹.

Женщины с малолетними детьми находились в более сложной ситуации, включая матерей-одиночек и вдов фронтовиков. Они вынуждены были работать в колхозах и на заводах для того, чтобы обеспечить свою семью, а также дополнительно заниматься домашними работами для более состоятельных соседей в ночное время. В то же время, крестьянские семьи не только производили сами продукты питания, но и удовлетворяли нужды в одежде и обуви. Они самостоятельно ткали холсты и выращивали лен, а также шили одежду, плели кружева и вязали чулки и носки, поскольку в сельской местности практически не было возможности приобрести готовую одежду².

Во всех семьях материальные проблемы во многом решались за счет личных усилий. Молодые девушки умели рукодельничать, в том числе вышивать, прясть и вязать, и получали эти навыки от старшего поколения. Так как взрослые главным образом заняты были на колхозах и на производстве, бытовые задачи целиком лежали на плечах детей. Их обязанности включали уборку дома, уход за огородом и скотом. Взрослые доверяли сбор урожая и ловлю рыбы старикам и детям.

Проблемы семьи и детства, связанные с обучением в школе, были обусловлены низким уровнем материально-технической базы и недостатком квалифицированных кадров. После Великой Отечественной войны вопросы улучшения педагогической работы и введении семилетнего обучения вновь были актуализированы. Война внесла свои коррективы в программы обучения. Потребовались дополнительные усилия и ресурсы, чтобы доучить детей, которые вновь вернулись в школы, дополнительно обучить взрослых, которые не успели получить образование до войны. В январе 1946 г. состоялось заседание бюро

¹ Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947-1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Росспэн, 2020. С. 154.

² Ковригина С. В. Деревенская женщина в контексте советской повседневности в послевоенный период // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные проблемы развития регионов Сибири. 2013. Т. 1. С. 112.

Обкома ВКП(б) и Облисполкома Иркутской области, на котором проанализировали работу органов народного образования по проведению всеобщего обучения и разработали меры для улучшения материального положения учителей. Перед местными органами власти была поставлена задача взять под контроль материально-техническое состояние школ и условия жизни учителей. Контролировать данный участок работы должны были члены бюро партийных комитетов, а также представители районных отделов народного образования. С этой целью они обязывались совершать совместные рейды для контроля состояния школ и условий жизни педагогов. К решению проблемы привлекались в соответствии с этим решением ресурсы организаций и предприятий региона.

Выполняя постановление, РК ВКП(б) Иркутского сельского района в 1946 г. провел анализ условий в школах и жилищах учителей. По итогам проверки были приняты конкретные решения по ремонту школ и домов, обеспечению топливом, продуктами питания и промтоварами. Совместно с колхозами района, организации решили предоставить учителям огороды и участки для сенокоса. Однако, анализ архивных документов позволяет сделать вывод, что комплексного решения эти вопросы в области до конца исследуемого периода не нашли.

С решением вопросов по укреплению материальной базы в школах и в целом условий обучения и улучшения бытовых условий учителей было связано повышение качества работы всей системы образования. Отчеты Министерства образования республики за первое полугодие 1951/52 учебного года указывали на низкий уровень учебно-воспитательной, внешкольной и внеклассной работы с учащимися. Как результат, большинство учащихся испытывали трудности с основными предметами, такими как русский язык и математика. Успеваемость учащихся составляла только 76% (68533 из 90386 учащихся), причем успеваемость была особенно низкой в школах Окинского, Торейского и Тункинского аймаков - 66%, 70,5% и 70,7% соответственно¹. Не было предприняты необходимых мер аймисполкомом Тункинского района и его отделом народного обра-

¹ ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 1. Д. 721. Л. 168.

зования для улучшения работы школ. По плану, обучением охвачено 82,3% детей, и 541 учащийся не продвигается на следующий учебный год. Никаких мер для ликвидации неграмотности и обучения письменности бурятского населения на русском языке в аймаке не проводилось¹.

Обучение в школе проходило далеко не в комфортных условиях. Например, по воспоминаниям А. И. Круглова, обучающегося в 1952 г. в начальной школе д. Листвянка Иркутской области, школа находилась в здании церкви, уюта не было, всегда было холодно. Классы были маленькие по площади, и зачастую детям приходилось сидеть на подоконниках, поскольку парт на всех не хватало². В период войны многие здания вышли из эксплуатации, не было необходимых материалов для ремонта, у некоторых даже не было дверей. Вопросы, связанные с обслуживанием школьных зданий, решались учителями и правлением колхозов. Однако возможности колхозов были ограничены: по последним данным на 1 июля 1953 г. в Иркутской области из 685 колхозов 302 было экономических слабых. Поэтому проблемы школы решались учителями, родителями, а иногда даже детьми. Регулярные проверки показали, что родительские комитеты школ сосредотачиваются на материальном обеспечении, игнорируя успеваемость учащихся. Недостаток дров является основной проблемой, из-за которой занятия отменялись в сильные морозы. Формально школы были подчинены министерству образования, но в то же время с точки зрения материального обеспечения полностью зависели от благосостояния района и колхоза, где они находились.

К началу 1950-х гг. только 25% отдаленных школ имели достаточное количество учебников и наглядных пособий. Средние школы не имели специализированных кабинетов для химии, биологии и физики, а те, что были, не имели лабораторного оборудования. Государство уделяло особое внимание развитию физкультуры и спорта среди школьников, но в сельских школах не было спортивных залов. Занятия проводились только на тех немногих спортивных пло-

¹ ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 1. Д.. 703. Л. 114-115.

² Интервью с А. И. Кругловой // Личный архив Д. А. Бурдиной.

щадках, которые существовали. Вопросы о том, как обеспечить учебный процесс спортивными инвентарем, не рассматривались, и школы вынуждены были самостоятельно его изготавливать. Как вспоминает Т. В. Котельникова, в Заларинской школе учебники были ценными и выдавались централизованно. Использование чернил было затруднительным. Тетради были доступны только из района и не продавались в магазинах. Обычно они были грифельными и много-разового использования. Доступность мела была ограничена, поэтому его приходилось самим делать из извести. Из-за недостатка освещения для написания уроков первые занятия проводились по физкультуре. Из-за отсутствия спортивной площадки занятия проходили прямо в классе, а зимой иногда катались на самодельных лыжах. По этой причине занятия по физической культуре часто отменялись.

При этом архивные документы свидетельствуют, что контроль за деятельностью школ осуществлялся достаточно регулярно. Комиссии приезжали из области и райцентров, проживали на территории нахождения образовательного учреждения, при этом питались зачастую за счет ресурсов школ, а в некоторых организациях учителям приходилось самостоятельно обеспечивать питание проверяющих. Нужно также отметить, что среди работников райОНО в Байкальском регионе был достаточно низкий процент имеющих высшее образование – всего 28%¹.

Для учителей было обязательным помогать отстающим учащимся, но количество индивидуальных консультаций не было ограничено и не оплачивалось. Учителя должны были пройти курсы повышения квалификации в районных центрах во время летних каникул. Однако, отмечалось, что половина учащихся в отдаленных деревнях Среднего и Нижнего Приангарья не успевала осваивать программу из-за недостаточной подготовки учителей.

Деятельность детских садов, школ и иных учреждений для детей во много зависела от работы колхозов и их помощи. Первые послевоенные годы были чрезвычайно сложными относительно условий жизни населения. Производи-

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф.127. Оп. 30. Д. 62. Л. 58.

тельные силы многих коллективных хозяйств был подорваны непосильными для них обязательными поставками государству, а затем ситуация еще более осложнилась из-за неблагоприятных погодных условий. При этом имеющийся необходимый продукт в хозяйствах часто распределялся в интересах небольших привилегированных групп. В 1946 – 1953 гг. встречается множество случаев присвоения колхозных средств председателями или руководителями. Например, руководство Боханского аймака и их приближенные присваивали колхозные продукты и продавали их на рынке. В результате разбирательств руководитель был снят с должности, а остальные причастные к деянию получили строгие выговоры¹. Подобные ситуации были частыми – в Черемховском, Тайшетском, Балаганском районах. В том же 1946 г. в г. Иркутске за счет местных жителей, а также учреждений для детей и организаций здравоохранения формировался фонд подарков для детей партийных работников. Всего было собрано 47 индивидуальных майских подарков. В них были включены масло, печенье, конфеты, сгущенка, рыбные консервы, рыба копченая и соленая². В то же время по городу встречались случаи детской смерти от голода, а многие жители Иркутска не могли воспользоваться продовольственными карточками для получения минимального набора продуктов. Стоит также отметить, что в детских домах города находились дети, которые питались одной лапшой и ели из консервных банок, не зная о том, каковы на вкус конфеты. Часто совершившие подобные проступки руководители не несли никакого наказания, что влекло за собой продолжение подобных преступлений.

Вопрос защиты здоровья матерей и детей являлся одним из наиболее значимых в социальной сфере. Динамика численности учреждений здравоохранения представлена на рис. 4. Из них видно, что количество больниц и поликлиник в исследуемый период росло. При этом в Иркутской области рост был более заметен, чем в Б-МАССР.

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф.127. Оп.14. Д.572. Л.260-262.

² Там же. Д. 271. Л. 42-43.

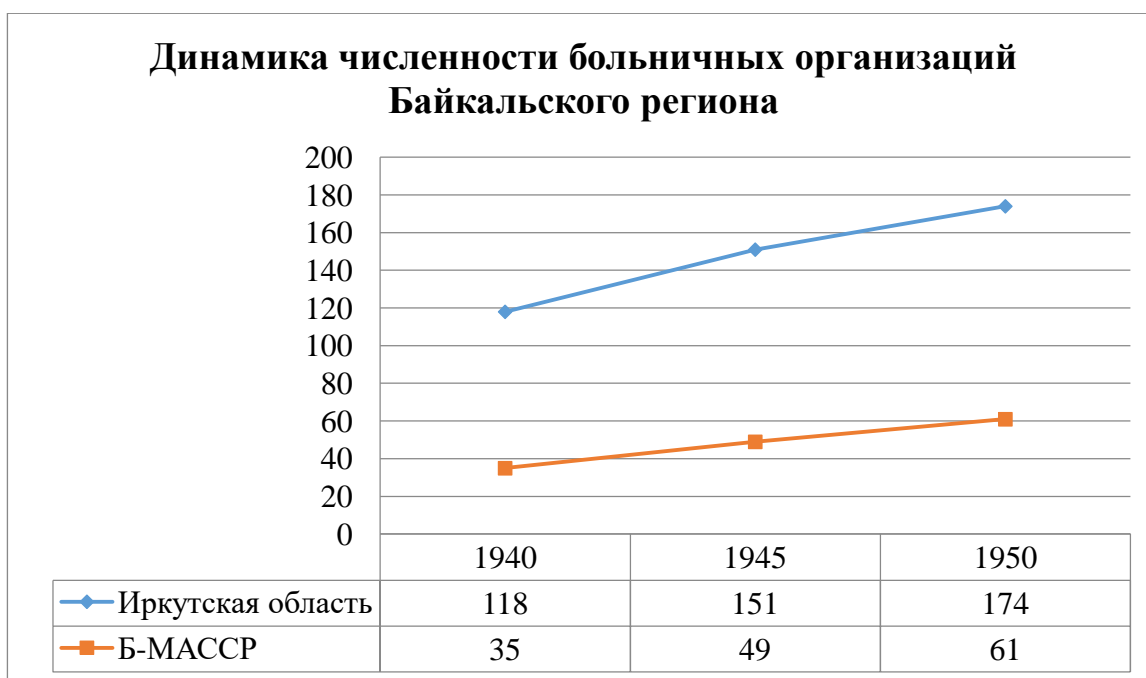

Рис. 4. Динамика численности больничных организаций Байкальского региона¹
 Количество амбулаторно-клинических в Байкальском регионе оставалось практически на довоенном уровне, о чем свидетельствуют данные рис. 5.

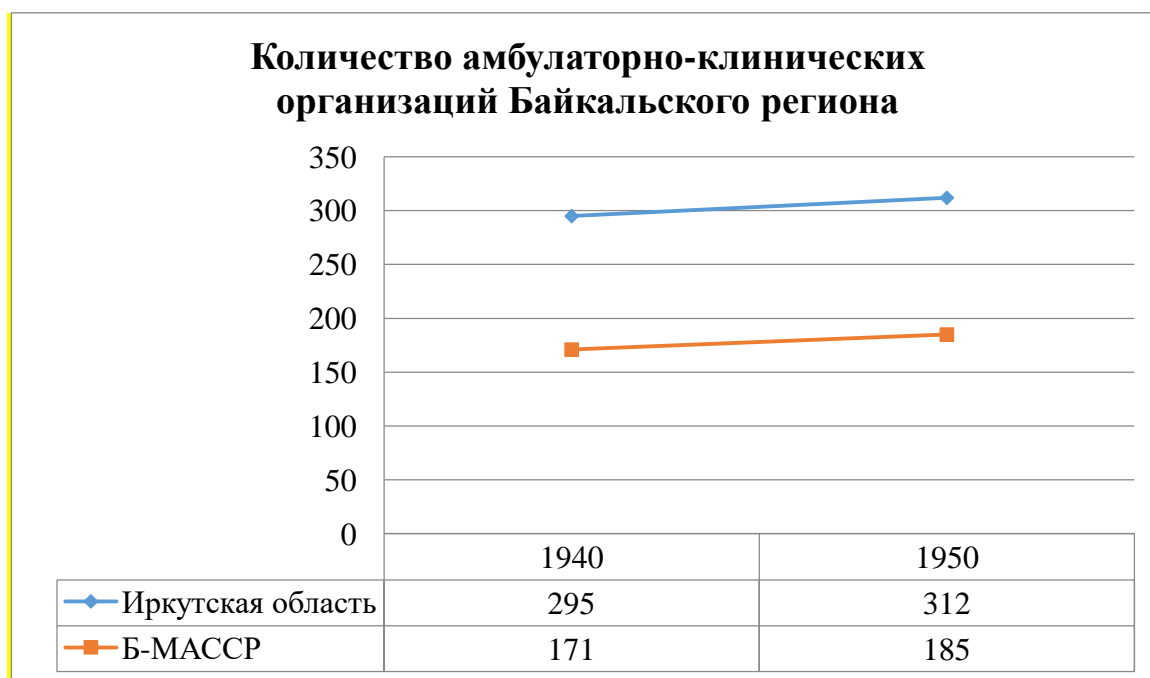

Рис. 5. Количество амбулаторно-клинических организаций Байкальского региона²

Указанный рост не является прямым свидетельством улучшения качества работы. В среднем, на 10 тыс. населения региона в 1950 г. приходилось 15 вра-

¹ За строкою цифр: к 95-летию Иркутской статистики Иркутск: Иркуткстат, 2015. С. 15-16.

² ЦДНИ ГАИО. Ф.127. Оп.14. Д. 271. С. 22.

чей. По сравнению с 1945 г. этот показатель вырос на треть, но все еще не мог в полной мере удовлетворить потребности населения на качественное медицинское обслуживание. Относительно детских заболеваний, наиболее острой проблемой являлся туберкулез. В 1947 г. в Иркутске 30% детей школьного возраста были заражены туберкулезом. Это привело к резкому увеличению детской смертности, которая достигла 20%. В течение 1940-х гг. уровень смертности от туберкулеза оставался на очень высоком уровне. В марте 1947 и 1948 гг. были случаи заболевания тифом в 14 районах и 5 городах Иркутской области, но все вспышки были успешно остановлены при 95 и 92 заболевших соответственно. В 1949 году было зарегистрировано 22 очага эпидемии сыпного и брюшного тифа в детских учреждениях области¹.

Высокий уровень инфекционных заболеваний был обусловлен общим состоянием социально-бытовой инфраструктуры, санитарным состоянием городов и населенных пунктов. Санитарно-гигиеническое дело с июня 1948 г. получило новый виток развития. Постановлением Совета Министров Бурят-Монгольской АССР № 443 от 2 декабря 1948 г. и приказом Минздрава БМАССР № 10 от 14 января 1949 г. учреждалась в Бурятии санитарно-эпидемиологическая станция III категории. Борьба с заболеваемостью легла на плечи ее сотрудников.

Хотя представленная динамика не отражает напрямую качество медицинского обслуживания непосредственно матерей и детей, тем не менее она свидетельствует о положительной тенденции, что не могло не отразиться на защите института материнства и детства. Несмотря на многие проблемы в системе здравоохранения, которые были устранены только в 1960-х гг., показатели послевоенного периода свидетельствуют о значительном вкладе советского государства в развитие данной системы в стране, что находит отражение и в данных по Байкальскому региону.

Важнейшим направлением было обеспечение материальной помощи матерям и детям, что было достигнуто через введение ежемесячных пособий на

¹ ЦДНИ ГАИО. Ф.159. Оп.6. Д.298. Л.2-3,27.

детей в послевоенный период и возобновление выплат материнского капитала. Важно также отметить, что кроме законодательных мер, направленных на защиту института материнства и детства, большое внимание этой проблеме уделялось в пропаганде и идеологической работе местных органов власти. Нельзя не отметить, что постепенно решение проблем и детства стало связываться и с морально-нравственными ориентирами советского общества. Активная советская пропаганда также являлась важным инструментом привлечения общественности к защите института материнства и детства.

В конце изучаемого периода в Иркутской области и Республике Бурятия семьи с детьми имели стабильное социально-экономическое положение благодаря индивидуальному труду и усилиям для блага советского общества. Для многодетных семей сохранялись и расширялись меры социальной поддержки, а матерям-одиночкам уделялось особое внимание. Восстановление экономики после войны было приоритетным направлением, поэтому каждая семья стремилась внести свой вклад в развитие страны и улучшение жизни населения для будущих поколений. Важно отметить, что поддержка советских семей после Великой Отечественной войны была не только со стороны государства. Многие семьи также получали помощь от других граждан, организаций и общественных объединений. Благодаря объединенным усилиям всех секторов общества, поддержка советских семей была эффективной и важной частью процесса восстановления страны после войны.

Поддержка советских семей после Великой Отечественной войны была многоуровневой и включала в себя жилье, финансовую помощь, медицинскую помощь и культурные мероприятия. Эта поддержка не только помогала семьям выжить и восстановить свою жизнь, но и давала им надежду и веру в будущее.

Сохранялись значительные трудности и в области медицинского обслуживания матерей и детей. С одной стороны, сохранялась тенденция расширения сферы здравоохранения. Численность больничных организаций по Иркутской области выросла со 151 в 1945 г. до 174 в 1950 г., а в Бурятии аналогичные показатели составили соответственно 49 и 61.

Проблемы реализации социальной политики в Иркутской области и Республике Бурятия в период с 1946 по 1953 год были обусловлены недостатком ресурсов, нехваткой квалифицированных специалистов. Это создавало трудности в улучшении условий жизни, доступности социальных услуг и обеспечении социальной защиты населения. Несмотря на эти сложности, политика в отношении института и детства после войны в целом имела положительную динамику. В период с 1945 по 1953 год социально-экономическое положение семей с детьми в Иркутской области и Республике Бурятия оставалось стабильным. Меры социальной поддержки многодетных семей продолжали сохраняться и расширяться, а материальное положение матерей-одиночек получало особое внимание. Народное хозяйство восстанавливалось, и каждая семья стремилась внести свой вклад в развитие страны и создание улучшенных условий для будущих поколений.

В послевоенное время в семьях особое значение придавалось труду. В Иркутской области и Республике Бурятия среднегодовая выработка в сельском хозяйстве увеличилась до 303 трудодней в 1950 г. по сравнению с 264 трудоднями в довоенное время. Привлечение детей к труду имело идеологическое сопровождение. Советская пропаганда утверждала, что только усердный труд позволяет человеку создать реальную жизнь, близкую к идеалу. В результате, у членов семьи формировалось чувство ответственности за свою работу и за своих близких, что способствовало утверждению моральных ценностей в обществе. Все это не могло не отразиться на процессе воспитания подрастающего поколения, а также его духовном облике.

Проблема материального благосостояния многих семей после войны оставалась нерешенной. После отмены карточной системы и денежной реформы наблюдался резкий скачок цен на товары. В среднем цены стали выше, чем в довоенное время. Заработная плата в колхозах варьировалась в районе 8-10 руб., а у большинства рабочих была немногим выше. В итоге многие семьи оказались в сложной ситуации. Правительством были введены регулярные обследования семейных бюджетов. Но если в центральной части страны они уже

проводились с 1950, то в Иркутской области подобная мера была введена в 1952 г., а в Бурятии – еще позднее. Доходы семей в основном уходили на питание и состояли из заработной платы, пенсий, пособий, стипендий. Иных доходов чаще всего в семьях не было.

Одним из приоритетов социальной политики после войны стало развитие жилищного строительства. В годы войны жилищное строительство практически не велось, при этом в Сибирь прибыли более 900 тыс. человек. Широкое развитие стало приобретать индивидуальное жилищное строительство, которое велось при финансовом участии государства (рис.6). После окончания войны у большинства людей не было достаточных финансовых сбережений для покупки хотя бы небольшого дома. Государство предлагало кредиты под 1% на 10-12 лет, но их выдача была ограничена суммой до 20 тыс. рублей. На получение кредита могли рассчитывать только те граждане, кто имел достаточно высокие доходы. Большинство же граждан могли улучшить свои жилищные условия, только опираясь свои силы.

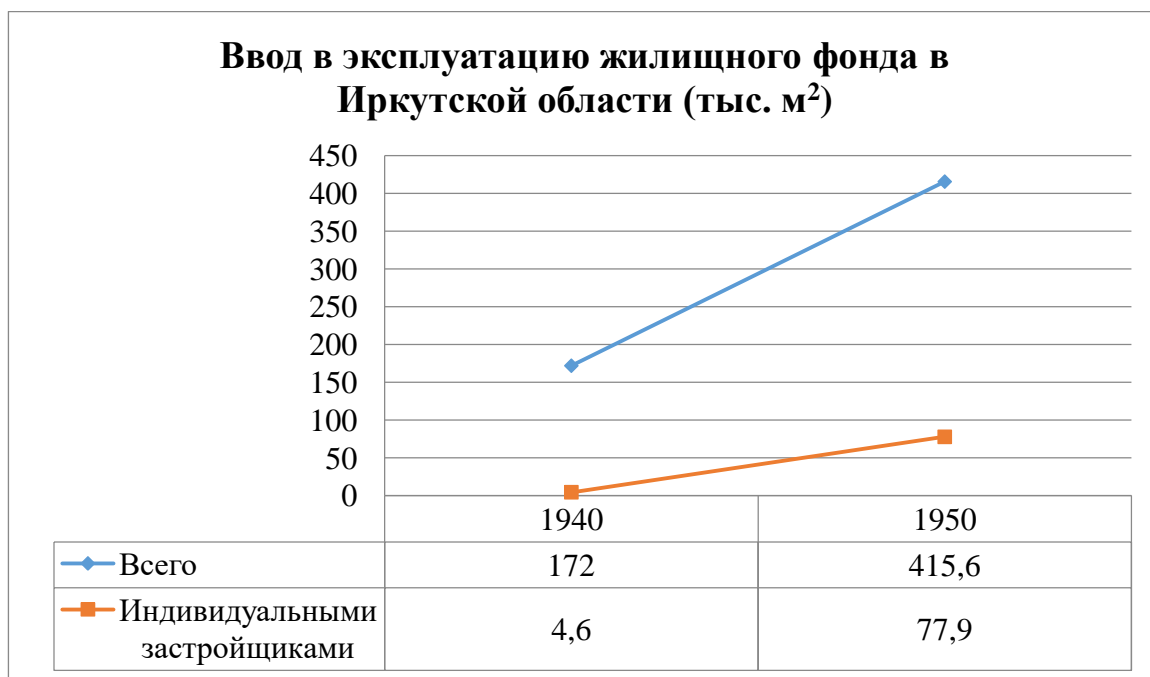

Рис. 6. Ввод в эксплуатацию жилищного фонда в Иркутской области (тыс. м²)¹

В качестве примера можно привести Иркутскую область, где жилищное строительство, как государственное, так и частное, велось высокими темпами.

¹ За строкою цифр: к 95-летию Иркутской статистики Иркутск: Иркуткстат, 2015. С. 23.

К 1946 г. было построено 1451,7 кв. м. жилплощади для различных категорий населения, а к 1951 г. объемы жилищного строительства увеличились в два раза. Если в первые послевоенные годы большая часть жилья строилась жителями региона, но к началу 1950-х гг. доля государственных организаций в строительстве жилья значительно выросла¹. Схожая картина наблюдалась и в Республике Бурятия. Подобные темпы роста жилищного строительства явно не отвечали потребностям и нуждам населения. Несмотря на то, что в годы войны регион являлся тыловым районом, к середине 1950-х годов города и деревни Восточной Сибири выглядели запущенными, многие дома нуждались в ремонте, а количество разрушенных зданий очень большое.

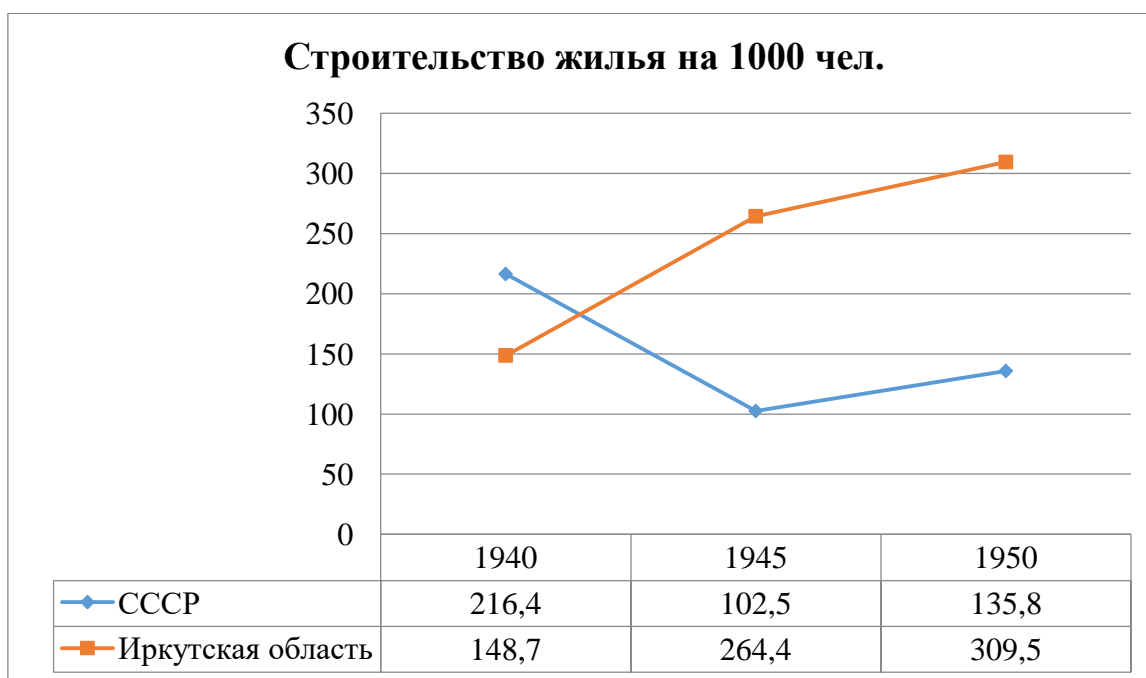

Рис. 7. Строительство жилья (тыс. м² на 1000 чел.)²

Из рис. 7 видно, что темпы строительства жилья в регионе к 1950 г. опережали союзные показатели более чем в 2 раза. Однако такие темпы достигались за счет введения к эксплуатации бараков и жилья, неоснащенного канализацией и водопроводом. В Иркутской области 17,4% жилой площади составля-

¹ Долголюк А. А. Индивидуальное жилищное строительство в Сибири в 1946–1970 гг. // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв. – Новосибирск: Параллель 2008. С. 83.

² За строкою цифр: к 95-летию Иркутской статистики Иркутск: Иркуткстат, 2015. С. 23.

ли бараки, в Бурятии этот показатель был чуть выше – 18,9%. Проживание семей с детьми в подобном жилье вызывало массу трудностей, связанных с обеспечением санитарно-гигиенических условий и необходимостью подвоза воды.

Таким образом, в послевоенный период институт семьи и детства не занимал столь приоритетное положение в социальной политике государства, как в годы войны. Наибольшее влияние на положение семей оказывало качество жилищных условий, дефицит кадров, специализирующихся на детских заболеваниях в системе здравоохранения, а также в образовании. На материальное положение семей особенно в первые послевоенные годы значительное влияние оказывали злоупотребления в системе распределения продуктов и промышленных товаров. Решение многих социальных проблем в регионе по-прежнему решалось не комплексным подходом органов власти, а возлагалось по ситуации на предприятия, организации или самих граждан.

Среди положительных тенденций, оказавших существенное влияние на состояние института семьи и детства, следует отметить рост численности учреждений здравоохранения и образования, которые были необходимы для обеспечения базовых потребностей семей с детьми, выравнивание демографических показателей на довоенный уровень, уменьшение младенческой смертности, снижение уровня безнадзорности и беспризорности в стране и регионах. В качестве позитивной тенденции следует также отметить деятельность по вовлечение населения в решение социальных проблем, формирование особого менталитета советского человека, готового прийти на помощь к нуждающемуся соотечественнику. Такая установка, формулируемая на основе господствующей идеологии, соответствовало цивилизационному своеобразию российского общества, обеспечивала коллективное, а не индивидуальное, выживание, что позволяло сглаживать многие проблемы, связанные с общей отсталостью социально-бытовой инфраструктуры в данный конкретно-исторический период.

Социальная политика в области материнства и детства в 1945 – 1953 гг. стала продолжением системного курса советской социально-экономической политики, начатой еще в конце 1930-х гг. В Иркутской области и Республике

Бурятии имелись общие черты в практической реализации данного курса. Институт материнства и детства имел значительную поддержку со стороны государства, помощь носила адресный характер, но для нуждающихся семей она была крайне необходима. Развитие системы образования, здравоохранения, обеспечение детей, оставшихся без попечения родителей, борьба с беспризорностью, решение бытовых проблем семьи долгое время были главными задачами органов власти Байкальского региона, даже частичное решение которых способствовало улучшению демографических и экономических показателей в стране.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Государственный общеполитический курс всегда ориентирован на развитие различных аспектов жизни страны и ее граждан. Основным элементом такого курса является социальная политика, направленная на повышение уровня жизни населения, его благополучия и поддержку разных социальных слоев. В общем понимании социальная политика представляет собой специфический способ удовлетворения потребностей граждан, а в узком – инструмент для контроля социальных противоречий и согласования интересов различных групп населения.

В ходе социальной политики реформированию и модернизации подвергаются условия жизни населения. Такие секторы, как здравоохранение, образование, социальная инфраструктура, условия труда, личные доходы и демографические процессы, претерпевают изменения. Особое внимание при осуществлении социальной политики уделяется поддержке женщин и детей, которые являются наиболее уязвимыми категориями граждан.

Важнейшим этапом для становления советской социальной политики в области материнства и детства стали 1930-е гг. С 1936 г. с принятием Конституции СССР главными задачами в области здравоохранения в отношении материнства и детства в СССР во второй половине 1930-х гг. стали:

- необходимость расширения сети медицинских учреждений, оставалась высокая потребность в новых родовспомогательных учреждениях, санаториях, детских поликлиниках;
- решение кадрового вопроса медицинских организаций;
- снабжение медучреждений необходимым оборудованием и медикаментами;
- развитие акушерско-гинекологической помощи;
- расширение санитарно-просветительской работы для борьбы с распространением социальных болезней.

Основными проблемными моментами в области образования и воспитания подрастающего поколения можно обозначить:

- нехватку педагогических кадров и слабую подготовленность имеющихся учителей;
- слабая обеспеченность учебниками и иными материалами, необходимыми для организации обучения;
- отсутствие стабильной материально-технической базы культурно-образовательных учреждений;
- выстраивание национального компонента в курсе советского образования.

Оценивая проблемные вопросы социальной сферы к середине 1930-х гг., нужно учитывать, что перед государством стояла непростая задача по реформированию практически всех аспектов социальной сферы. Решение этих задач напрямую было связано с защитой и развитием института материнства и детства. Требовалось реализовать комплекс мер по социальным гарантиям для родивших женщин, отдельные меры поддержки матерей-одиночек, многодетных семей. Существовала высокая потребность в женских консультациях, родильных домах, детских медицинских учреждениях, кадровом ресурсе для них. Необходимо было стабилизировать санитарно-эпидемиологическую обстановку, нейтрализовать угрозы социальных болезней, прежде всего туберкулеза. Оставались нерешенными многие проблемы в сфере борьбы с безнадзорностью и беспризорностью. Требовалось серьезно укрепить материальную базу детских учреждений, организовать систему воспитания и обеспечения детей-сирот. Оставалась нерешенной проблема кадрового потенциала для системы детских учреждений, а также рационального расходования бюджетных средств в этой сфере. Образовательная политика в отношении подрастающего поколения осложнялась многонациональным составом населения региона. Соотношение русского и национального языков, сохранение культуры этносов, провозглашенное при создании СССР требовало отдельной проработки всех воспитательных и образовательных моментов для каждой отдельной территории.

Для поддержки и защиты института материнства и детства, был разработан комплекс мероприятий, в рамках социальной политики. В регионе, как правило, местные власти пролонгировали задачи, спускаемые центральными органами власти. Внимание уделялось женщинам и детям, как одной из наиболее уязвимых групп. Система государственных мер включала в себя различные пособия, награды и способы поддержки многодетных и одиноких матерей. Важно отметить, что меры в области защиты материнства и детства имели идеологическое и пропагандистское сопровождение. На протяжении всего исследуемого периода советская пропаганда подчеркивала важность семьи и будущего поколения для развития коммунистического общества, что отчетливо отслеживается в местной прессе. Защита материнства и забота о детях культивировались и в системе здравоохранения, образования и социального обеспечения.

Реализация социальной политики требовала значительных инвестиций финансовых, правовых и административных ресурсов. Проводимые меры социальной политики часто не достигали результатов из-за недостаточного уровня их ресурсного обеспечения, а также из-за приоритетности решаемых хозяйственных проблем, особенно в годы войны. В довоенный период не удалось решить вопросы, связанные планировкой населенных пунктов и организацией водоснабжения. Значительная часть населения потребляла воду из рек и озер, в которые нередко сваливался весь сельский мусор. Употребление такой воды сопровождалось инфекционными заболеваниями, в том числе и тифом.

Медицинское сопровождение института материнства и детства осложнялось тем, учреждения здравоохранения базировались в основном в городской местности. В 1939 г. в г. Улан-Удэ действовали 4 детские поликлиники и две республиканские больницы, в то время как в сельской местности порой не было даже фельдшерских пунктов, куда могли обратиться местные жители. Не удалось в регионе реализовать идею масштабного строительства бань. Согласно Конъюнктурному отчету о состоянии противоэпидемической работы в Иркутской области за 1938 г. банные установки отсутствовали во многих районах. Население продолжало топить сельские бани, оборудованные по-черному. В

Усть-Ордынском округе население посещало бани 1-2 раза в год, что было самым низким показателем по всему Байкальскому региону. Идея создания колхозных бань не увенчалась успехом, поскольку так и не были представлены конкретные инструкции по реализации проекта. Поэтому санитарно-эпидемиологическая ситуация во многих местностях региона оставалась сложной, а инфекционные заболевания наиболее тяжкие последствия имели прежде всего для детей.

Актуализация социальной политики в 1930-е гг. в Байкальском регионе, предъявило к местным органам власти особые требования в решении этих новых направлений деятельности. Поддержка материнства и детства, создание условий для воспитания подрастающего поколения и защиты детей, лишенных попечения родителей формально входили в число приоритетных задач. Однако на практике таковыми они являлись для большинства местных органов власти далеко не всегда. Невыполнение многих задач в области укрепления института материнства и детства в предвоенный период не могли не отразиться на его функционировании в годы войны.

Социальная политика в отношении материнства и детства в период Великой Отечественной войны была одной из самых важных и ответственных задач органов власти. В годы Великой Отечественной войны вовлечение женщин в народное хозяйство региона потребовало быстрого расширения сети детских дошкольных учреждений, в том числе и в сельской местности. Одновременно это было связано с прибытием в регион значительного контингента эвакуированных семей из западных районов страны. Для многих детей детские учреждения стали единственным местом, где они могли получить образование и заботу. Изначально детские сады в годы войны устраивались в школах, пионерлагерях, домах культуры и просто в квартирах обычных жителей. Тем не менее, педагоги и воспитатели делали все возможное, чтобы создать в детских садах атмосферу безопасности и радости. В них проводились занятия по гимнастике, труду, музыке и рисованию. Дети учились считать и читать, знакомились со многими историческими событиями.

Во время Великой Отечественной войны детские дома в Байкальском регионе столкнулись с недостатком продовольствия, униформы и учебных принадлежностей. Тем не менее, благодаря этим учреждениям было спасено множество жизней сирот. Политика оказания помощи населению была разнообразной и затрагивала наиболее важные в тех условиях аспекты функционирования института материнства и детства. Помощь семьям военнослужащих и детям-сиротам, которая была оказана, направлялась на обеспечение постоянной заботы о гражданах. Острые проблемы, возникающие на местах, часто были связаны с неправильным выполнением должностных обязанностей, жадностью получения выгод отдельными должностными лицами и отсутствием регулярных проверок. Тем не менее, принятые меры позволили сохранить подрастающее поколение в тех экстремальных для страны условиях.

В период Великой Отечественной войны, помощь семьям с детьми не ограничивалась лишь государственной поддержкой. Органы власти постоянно обращались к гражданам с просьбами оказать помощь в сложных ситуациях, а также семьям военнослужащих и детям-сиротам, которые в наибольшей степени нуждались в поддержке. К таким видам поддержки со стороны граждан СССР можно отнести:

- сборы вещей и продуктов питания, чтобы помочь семьям, чьи дети остались без родителей или без кормильца;
- организация временного пребывания или приютов при предприятиях и колхозах для детей, потерявших связь с родителями или оставшихся без попечения взрослых;
- оказание материальной и психологической помощи женщинам и детям, потерявшим близких родственников;
- помощь в организации детских лагерей, где дети могли проживать в безопасности и проходить оздоровительные программы;
- опека и патронат над детьми-сиротами;
- сбор подарков в виде одежды, обуви, книг, игрушек;

- проведение благотворительных мероприятий, в рамках которых оказывалось множество добрых дел: заготовка дров, сбор лекарственных растений, осуществление присмотра за детьми работающих матерей и многое другое.

- помощь в доставке продуктов питания и лекарств в дома семей с детьми.

В 1941 – 1945 гг. война реанимировала проблему, которая уже была ранее «побеждена» в стране. Одной из главных задач в социальной политике стала борьба с безнадзорностью и беспризорностью. В Байкальском регионе существовала проблема детской беспризорности, которая была характерна для всей страны. Для ее решения были задействованы различные организации, включая органы внутренних дел, прокуратуру, профсоюзы, школы и предприятия. Однако, несмотря на усилия, проблема сохранялась на протяжении всего периода военного времени. Только к концу войны начали функционировать детские учреждения, направленные на профилактику безнадзорности.

После окончания войны главной задачей, которая стояла перед государством, было восстановление страны. Важнейшей целью государственной политики в области материнства и детства стала стабилизация демографической ситуации и повышение рождаемости. Для этого были определены основные направления, включающие повышение социальной защищенности женщин и детей, обеспечение доступа к качественному образованию и медицинской помощи, а также развитие детских учреждений, включая детские сады, школы и медицинские учреждения.

Вопрос защиты здоровья матерей и детей являлся одним из наиболее значимых в социальной сфере. Динамика численности учреждений здравоохранения показывает, что количество больниц и поликлиник в исследуемый период росло. При этом в Иркутской области рост был более заметен, чем в Б-МАССР. Несмотря на многие проблемы в системе здравоохранения, которые были устранены только в 1960-х гг., показатели послевоенного периода свидетельствуют о значительном вкладе советского государства в развитие данной системы в стране, что находит отражение и в данных по Байкальскому региону.

Важнейшим направлением было обеспечение материальной помощи матерям и детям, что было достигнуто через введение ежемесячных пособий на детей в послевоенный период и возобновление выплат материнского капитала. Важно также отметить, что кроме законодательных мер, направленных на защиту института материнства и детства, большое внимание этой проблеме уделялось в пропаганде и идеологической работе местных органов власти. Нельзя не отметить, что постепенно решение проблем и детства стало связываться и с морально-нравственными ориентирами советского общества. Активная советская пропаганда также являлась важным инструментом привлечения общественности к защите института материнства и детства.

В конце изучаемого периода в Иркутской области и Республике Бурятия семьи с детьми имели стабильное социально-экономическое положение благодаря индивидуальному труду и усилиям для блага советского общества. Для многодетных семей сохранялись и расширялись меры социальной поддержки, а матерям-одиночкам уделялось особое внимание. Восстановление экономики после войны было приоритетным направлением, поэтому каждая семья стремилась внести свой вклад в развитие страны и улучшение жизни населения для будущих поколений. Важно отметить, что поддержка советских семей после Великой Отечественной войны была не только со стороны государства. Многие семьи также получали помощь от других граждан, организаций и общественных объединений. Благодаря объединенным усилиям всех секторов общества, поддержка советских семей была эффективной и важной частью процесса восстановления страны после войны.

Поддержка советских семей после Великой Отечественной войны была многоуровневой и включала в себя жилье, финансовую помощь, медицинскую помощь и культурные мероприятия. Эта поддержка не только помогала семьям выжить и восстановить свою жизнь, но и давала им надежду и веру в будущее.

Оценивая динамику социальных изменений за изученный в исследовании период, отметим ее положительный характер для Байкальского региона. Численность населения региона уже к 1950 г. практически вернулась к довоенным

показателям, а в Бурятии и вовсе преодолела довоенный порог. Рост населения продолжался и на протяжении последующих лет, в чем, безусловно, заслуга социально-экономического курса, направленного на восстановление страны и улучшение материально-бытовых условий населения.

Рождаемость в послевоенный период устойчиво росла и к 1950 г. приблизилась к довоенному уровню. Таким образом, к концу изучаемого периода институт семьи в плане демографических показателей практически вышел на довоенный уровень. Это несомненный успех реализации мер, направленных на укрепление института семьи и детства. В годы войны рождаемость в Байкальском регионе снизилась в 2,5 раза.

В изучаемый период произошло заметное уменьшение младенческой смертности. При этом показатель смертности к концу исследуемого периода оставался более низким, в сравнении с довоенным 1940 г. Этот феномен исследователями отмечается как демографическое чудо. По нашему мнению, значительное влияние на снижение младенческой смертности оказали именно меры социальной поддержки женщин с детьми, семей военнослужащих. Ослабление данных мер привело к изменению демографических показателей и уже к 1950 гг. уровень детской смертности вырос. Даже если учитывать, что в годы войны статистические показатели могли иметь погрешности, вряд ли есть серьезные основания считать приведенные данные не соответствующими действительности.

Опыт советской социальной политики в области материнства и детства является примером решения государством этой общественно значимой задачи. Курс на развитие и защиту института материнства и детства был закреплен в Конституции СССР 1936 г. и являлся одним из наиболее значимых приоритетов в области социальной политики. Именно он потребовал решение многих проблем в области здравоохранения и образования, развития бытовой инфраструктуры. Современное общество может по-прежнему извлекать примеры решения социальных проблем из опыта советской региональной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Неопубликованные источники

I. Государственный архив Иркутской области (ГАИО)

1. Ф. 11. Иркутская губернская рабочекрестьянская инспекция и ее уполномоченные по уездам.
2. Ф. 155. Отдел народного образования Исполнительного комитета Верхотенского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.
3. Ф. 160. Отдел народного образования Исполнительного комитета Иркутского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Иркутск.
4. Ф. 246. Отдел народного образования Исполнительного комитета Тулунского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г.Тулун Тулунского округа Сибирского края.
5. Ф. 265. Отдел здравоохранения Исполнительного комитета Зиминского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Зима.
6. Ф. 331. Отдел народного образования Исполнительного комитета Тулунского районного Совета депутатов трудящихся. г. Тулун Иркутской области.
7. Ф. 600. Исполнительный комитет ВосточноСибирского краевого Совета рабочих, крестьянских и 1930 1937 2289 красноармейских депутатов г. Иркутск Восточно-Сибирского края 1930 – 1936.
8. Ф. 635. Комиссия по улучшению жизни детей Исполнительного комитета Иркутского областного Совета депутатов трудящихся г. Иркутск Иркутской области 23.03.1922 - 25.09.1938.
9. Ф. 729. Комиссия по улучшению жизни детей [Комиссия по борьбе с детской беспризорностью] (Окрдеткомиссия) Исполнительного комитета Киренского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Киренск

10. Ф. 1121. Отдел народного образования Исполнительного комитета Киренского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Киренск Киренского округа

11. Ф. 1928. Отдел народного образования Исполнительного комитета ВосточноСибирского краевого Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Иркутск Восточно-Сибирского края 23.07.1930 - 08.12.1936

12. Ф. 1929. Министерство образования Иркутской области г. Иркутск Иркутской области

13. Ф. Р-1893. Министерство здравоохранения Иркутской области г. Иркутск Иркутской области.

14. Ф. Р-2677. Управление народно-хозяйственного учета при Плановой комиссии ВосточноСибирского краевого Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Иркутск Восточно-Сибирского края 1930 – декабрь 1936.

15. Ф. Р-2793. Прокуратура Иркутской области Генеральной прокуратуры Российской Федерации г. Иркутск Иркутской области.

16. Ф. Р-3101. Отдел здравоохранения Исполнительного комитета Восточно-Сибирского краевого Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Иркутск Восточно-Сибирского края.

II. Государственных архив Республики Бурятия (ГАРБ)

17. Ф. 36. Бурятский реском ВЛКСМ.

18. Ф. 40. Баргузинский райком ВЛКСМ

19. Ф. 60. Политотдел 4-го отделения ВСЖД.

20. Ф. 195. Отдел труда Прибайкальского областного ревкома.

21. Ф. П-1. Бурят-Монгольская областная контрольная комиссия ВКП(б).

22. Ф. П-2. Улан-Удэнский горком КПСС.

23. Ф. П-20. Центр документации новейшей истории Бур.АССР.

24. Ф. П-31. Кабанский райком КПСС.

25. Ф. П-36. Бурятский реском ВЛКСМ.

26. Ф. р-60. Министерство образования и науки РБ.
27. Ф. р-248. Комиссия по улучшению труда и быта женщин при ЦИК БМАССР, г. Верхнеудинск.

28. Ф. р-665. Министерство здравоохранения РБ.

29. Ф. р-840. Производственное объединение «Фармация».

III. Центр документации новейшей истории Государственного архива Иркутской области (ЦДНИ ГАИО)

30. Ф. 29. Бодайбинский районный комитет КПСС.

31. Ф. 67. Усольский городской комитет Коммунистической партии РСФСР в составе КПСС.

32. Ф. 127. Иркутский обком КПСС.

33. Ф. 159. Иркутский горком КП РСФСР в составе КПСС.

34. Ф. 169. Первичная организация КПСС ПГО «Иркутскгеология».

35. Ф. 185. Иркутский обком ЛКСМ.

36. Ф. 199. Тайшетский райком КПСС.

37. Ф. 243. Куйтунский райком КП РСФСР.

38. Ф. 263. Черемховский горком, ГК КП РСФСР в составе КПСС.

39. Ф. 1913. Восточно-Сибирский крайком профсоюза работников дошкольных учреждений и детских домов.

40. Ф. 6728. Личный фонд Ганзбург Н.А.

IV. Муниципальное казенное учреждение «Архив города Черемхово» (МКУ «Архив города Черемхово»)

41. Ф. Л-41. Трест «Черемховуголь».

42. Ф. Л-62. Шахта № 7 Треста «Черемховуголь».

V. Муниципальный архив Заларинского района.

Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 202. Л. 3.

Опубликованные источники

I. Законодательные акты

I.1. Конституция СССР: утв. Чрезвычайным VIII Съездом Советов Союза ССР 5 Декабря 1936 г. // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918-

1937): сборник документов / под ред. А. Я. Вышинского. – М.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. - 298 с.

I.2. Постановление ЦИК СССР N 3, СНК СССР N 598 от 07.04.1935 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. (1938 - июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. – М.: Госюриздат, 1956. - 500 с.

I.3. Постановление ЦИК СССР N 65, СНК СССР N 1134 от 27.06.1936 «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. (1938 - июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. – М.: Госюриздат, 1956. - 500 с.

I.4. УК РСФСР 1926 г.// Конституции и конституционные акты РСФСР (1918-1937): сборник документов / под ред. А. Я. Вышинского. – М.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. - 298 с.

I.5. Указ Президиума ВС СССР от 19 мая 1949 года «Об улучшении дела государственной помощи многодетным и одиноким матерям и улучшении условий труда и быта женщин» // Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947-1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. – М.: Росспэн, 2020. – 718 с.

I.6. Указ Президиума ВС СССР от 10.04.1942 о местных налогах и сборах // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. (1938 - июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. – М.: Госюриздат, 1956. - 500 с.

I.7. Указ Президиума ВС СССР от 08.09.1943 «Об усыновлении» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. (1938 - июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. – М.: Госюриздат, 1956. - 500 с.

I.8. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 ноября 1947 года «О размере государственного пособия многодетным и одиноким матерям» // Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947-1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. – М.: Росспэн, 2020. – 718 с.

I.9. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. (1938 - июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. – М.: Госюриздат, 1956. - 500 с.

I.10. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия - звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. (1938 - июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. – М.: Госюриздат, 1956. - 500 с.

II. Периодическая печать

II.1. Больше заботы о семьях фронтовиков // Ленская Правда. – 11 февраля 1943 г. - №13(2234). – 4 с.

II. 2. Забота о детях // Ленская Правда. – 27 февраля 1942 г. - №15(2139). – С.2.

II.3. Колхозная правда. – 1 мая 1942 г. - №35(1014) – 4 с.

II.4. Колхозная правда. – 26 июля 1942 г. - №57(1036) – 4 с.

II.5. Ленская Правда. – 11 января 1942 г. - №3(2127). – 4 с.

II.6. Ленская Правда. – 21 января 1942 г. - №5(2129). – 4 с.

II.7. Ленская Правда. – 25 января 1942 г. - №6(2130). – 4 с.

II.8. Ленская Правда. – 28 января 1942 г. - №7(21331). – 4 с.

II.9. Ленская Правда. – 1 февраля 1942 г. - №8(2132). – 4 с.

II.10. Ленская Правда. – 12 февраля 1942 г. - №11(2135). – 4 с.

II.11. Ленская Правда. – 15 февраля 1942 г. - №12(2136). – 4 с.

II.12. Ленская Правда. – 19 февраля 1942 г. - №13(2137). – 4 с.

- П.13. Ленская Правда. – 2 апреля 1942 г. - №24(2148). – 4 с.
- П.14. Ленская Правда. – 5 апреля 1942 г. - №25(2149). – 4 с.
- П.15. Ленская Правда. – 12 апреля 1942 г. - №27(2151). – 4 с.
- П.16. Ленская Правда. – 14 мая 1942 г. - №35(2159). – 4 с.
- П.17. Ленская Правда. – 17 мая 1942 г. - №36(2160). – 4 с.
- П.18. Ленская Правда. – 4 июня 1942 г. - №41(2165). – 4 с.
- П.19. Ленская Правда. – 11 июня 1942 г. - №43(2167). – 4 с.
- П.20. Ленская Правда. – 21 июня 1942 г. - №46(2170). – 4 с.
- П.21. Ленская Правда. – 13 сентября 1942 г. - №68(2192). – 4 с.
- П.21. Ленская Правда. – 27 сентября 1942 г. - №72(2196). – 4 с.
- П.22. Ленская Правда. – 11 октября 1942 г. - №76(2200). – 4 с.
- П.23. Ленский шахтер. – 1941. – №98 (5049). – 4 с.
- П.24. Пособие по многодетности // Ленская Правда. – 15 марта 1942 г. - №19(2143). – 4 с.
- П.25. Праздник трудящихся женщин // Сталинский путь. – 8 марта 1941 г. - №21 (497). – С.1.
- П.26. Сергеев А. Борьба с безнадзорностью // ВСП. – 1945. – №238. – С. 3.
- П.27. Сталинский путь. – 31 августа 1941 г. - №71 (547). – С.2.
- П.28. Сталинский путь. – 12 октября 1941 г. - №82 (558). – С.2.
- П.29. Сталинский путь. - 5 декабря 1941 г. - №96 (572). – С.2.
- П.30. Сталинский путь. - 7 декабря 1941 г. - №97 (573). – С.2.
- П.31. Счастливое детство // Сталинский путь. – 1 мая 1941 г. - №36 (512). – С.3.
- П.32. Учеба на дому // Сталинский путь. – 19 января 1941 г. - №6 (482). – С.2.
- П.33. Финансирование социально-культурных мероприятий // Восточно-Сибирская правда. – 1947. – № 122. – С. 4

III. Сборники документов

III.1. Бурятия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: [сб. док.] / авт.-сост.: Б.Ц. Жалсанова, М.С. Новолодская, Н.С. Барданов и др.; науч. ред. Л.В. Курас. – Иркутск: Оттиск, 2020. – 848 с.

III.2. Бурятия в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг.: Сб. док. / Парт. архив Бурят. обкома КПСС; Сост. Н.Ф. Прокопьева и др. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975. – 454 с.

III.3. Всё для фронта, всё для победы!: сборник документов из фондов ГАНИИО. – Иркутск: Оттиск, 2011. – 512 с.

III.4. Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны 1941 - 1945 гг.: документы и воспоминания. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2005. – 320 с.

III.5. Конституции и конституционные акты РСФСР (1918-1937): сборник документов / под ред. А. Я. Вышинского. – М.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. – 298 с.

III.6. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. (1938 - июль 1956 гг.) / Сост.: М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. – М.: Госюриздат, 1956. – 500 с.

IV. Источники личного происхождения

IV.1. Дети войны: сборник воспоминаний и очерков ветеранов Иркутского регионального колледжа педагогического образования / сост. Л. Д. Свирковская. – Вып. 2. – Иркутск: ГБПОУ ИО ИРКПО, 2016. – 66 с.

IV.2. Интервью с А. И. Кругловой // Личный архив Д. А. Бурдиной.

IV.3. Из интервью с А. У. Янхаевой 1938 г. р. // Личный архив Д. А. Бурдиной.

IV.4. Интервью с А. Ф. Глушаченко // Личный архив Д. А. Бурдиной.

IV.5. Интервью с Н. В. Слесаревой // Личный архив Д. А. Бурдиной.

IV.6. Интервью с Н. Ф. Безносовой // Личный архив Д. А. Бурдиной.

IV.7. Интервью с П. П. Лазовским // Личный архив Д. А. Бурдиной.

IV.8. Из интервью с С. В. Буртоновой (1938 г. р.) 2022 г. // Личный архив Д. А. Бурдиной.

IV.9. Утюжникова, Г. И. Мои года – моё богатство... / Г. Утюжникова. – Иркутск: Оттиск, 2022. – 128 с.

V. Статистические сборники

V.1. За строкою цифр: к 95-летию Иркутской статистики. – Иркутск: Иркутскстат, 2015. – 94 с.

V.2. Память о великом подвиге: цифры и факты. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – Иркутск: Иркутскстат, 2020. – 50 с.

V.3. СССР в цифрах [в 1958 году] : [краткий сборник статистических материалов]. – М.: Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР, 1958. – 469 с.

Литература

1. Авдеев, А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и в СССР // Историческая демография: Сборник статей / Под ред. М. Б. Денисенко, И. А. Троицкой. – М.: Демографические исследования, 2008. – С. 13-71.

2. Алексеев, В. В. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны / В. В. Алексеев, В. А. Исупов. – Новосибирск: Наука, 1986. – 230 с.

3. Амосов, Н. К. Забота социалистического государства о нуждах народа / Н. К. Амосов. – М.: Профиздат, 1947. – 48 с.

4. Андрейчук, Д. Ю. Особенности социально-экономической политики СССР в первые послевоенные годы (1946-1953 гг.) / Д. Ю. Андрейчук // StudNet. – 2020. – №6. – С.639-646.

5. Андрющенко, О. Е. Социальная политика СССР в отношении военнослужащих и их семей в послевоенные годы (1945-1953) / О. Е. Андрющенко, А. М. Кобзева // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2016. – Т. 10. – № 1. – С. 13-16.

6. Афанасова, Е. Н. Детская беспризорность в Восточной Сибири в 1920-1930-х гг. Опыт реализации государственной политики в сфере социальной защиты детства. Монография / Е. Н. Афанасова. – Германия : LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 282 с. – ISBN 9783659258503.

7. Афанасова, Е. Н. Изменение уровня младенческой смертности в Восточной Сибири в 1920-1930-х гг / Е. Н. Афанасова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013 / Печатается по решению редакционно-издательского совета Байкальского государственного университета экономики и права. – Иркутск : Байкальский государственный университет, 2013. – С. 467-473.

8. Афанасова, Е. Н. История детской беспризорности в Иркутской области и Красноярском крае в 1920-1930-х гг : специальность 07.00.02 "Отечественная история" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Афанасова Елена Николаевна. – Иркутск, 2007. – 26 с.

9. Афанасова, Е. Н. Материалы государственного архива Российской Федерации об охране материнства и детства в Восточной Сибири в 1920-1930-е гг / Е. Н. Афанасова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 1-2(51). – С. 25-28.

10. Афанасова, Е. Н. Материалы региональных архивов об охране материнства и детства в Восточной Сибири в 1920-1930-х гг / Е. Н. Афанасова // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2015. – № 4(99). – С. 365-370.

11. Афанасова, Е. Н. Работа комиссии по улучшению жизни детей в борьбе с детской беспризорностью в 1920-1930-х гг. (на примере Иркутской области и Красноярского края) / Е. Н. Афанасова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. – Иркутск : Байкальский государственный университет экономики и права, 2010. – С. 235-238.

12. Афанасова, Е. Н. Реализация постановления ЦИК И СНК СССР "о запрещении аборт..." на территории Восточной Сибири во второй половине 1930-х гг / Е. Н. Афанасова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2012. – Иркутск : Байкальский государственный университет экономики и права, 2012. – С. 322-327.
13. Балакирев, А. Н. Пионерская организация Бурятии в послевоенные годы / А. Н. Балакирев // Вестник БГУ. – 2012. – №7. – С. 118-127.
14. Банзаракцаева, Е. В. Военно-патриотическое воспитание в школах Бурятии в годы Великой Отечественной войны / Е. В. Банзаракцаева // Байкальские встречи - VIII: Историко-культурное наследие региона как фактор социально-экономического развития : Материалы международной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 11–13 сентября 2014 года / Ответственный редактор Пшеничникова Р.И.. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2014. – С. 321-325.
15. Банзаракцаева, Е. В. Детские дома Бурятии в годы Великой Отечественной войны / Е. В. Банзаракцаева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 7. – С. 17-21.
16. Банзаракцаева, Е. В. Заиграевский детский дом Бурятии в годы Великой Отечественной войны / Е. В. Банзаракцаева // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. – 2014. – № 2(7). – С. 87-91.
17. Банзаракцаева, Е. В. К вопросу охраны материнства и детства в бурят-монгольской АССР в 1941-1945 гг / Е. В. Банзаракцаева // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. – 2018. – № 3(7). – С. 63-67.
18. Банзаракцаева, Е. В. Организация работы с детьми, потерявшими связь с родителями советских и партийных органов бурят-монгольской АССР во время Великой Отечественной войны / Е. В. Банзаракцаева // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 2(9). – С. 77-80.

19. Банзаракцаева, Е. В. Охрана детства в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (на материалах Бурят-Монгольской АССР) : специальность 07.00.02 "Отечественная история" : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Банзаракцаева Елена Васильевна. – Улан-Удэ, 2005. – 169 с.
20. Батоев, С. Д. Организация охраны материнства и детства в бурят-монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны / С. Д. Батоев // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2010. – № 4. – С. 61-64.
21. Башкуев, В. Ю. Пробуждая "буддийский Восток": кампании за оздоровление и санитарное просвещение в Бурятии и Монголии (1920-1970-е гг.) / В. Ю. Башкуев // Власть. – 2015. – № 10. – С. 198-203.
22. Блинова, В. В. Роль детских колоний в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны / В. В. Блинова // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2019. – № 38. – С. 21-25.
23. Борисов, Б. Ю. Дошкольное воспитание в годы Великой Отечественной войны / Б. Ю. Борисов // Диалоги о дошкольном образовании : Материалы Международной научно-методической конференции, Псков, 05–06 декабря 2019 года. – Псков: Псковский государственный университет, 2020. – С. 53-56.
24. Букин, С. С. Жилищная проблема в городах Сибири в 1920-х - начале 1960-х годов / С. С. Букин, В. И. Исаев // ЭКО. – 2010. – №2 (428). – С. 27-32.
25. Васильева, Л. Е. Особенности развития семейного права СССР в области охраны материнства и детства в 1930-40-е годы / Л. Е. Васильева // Изв. Саратов. ун-та. – 2007. – №2. – С.67-69.
26. Ващук, А. С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (1945 г. – конец 80-х годов) / А. С. Ващук. – Владивосток: Дальнаука, 1998. – 212 с.

27. Власова, П. А. Профсоюзные организации Челябинской области и проблемы социальной защиты женщин в годы Великой Отечественной войны / П. А. Власова, Г. А. Панина // Вестник ЧелГУ. – 2012. – №34 (288). – С.89-94.

28. Волкова, Е. Ю. Маленькие участники большой войны (дети в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.) : монография / Е. Ю. Волкова ; Е. Ю. Волкова ; М-во образования и науки Российской Федерации, Костромской гос. технологический ун-т. – Кострома : Издательство КГТУ, 2010. – 155 с.

29. Геомедицина и политика здравоохранения в Байкальском регионе: история и современность / В. Ю. Башкуев, Е. Ю. Башкуева, Б. З. Нанзатов [и др.]. – Иркутск : Общество с ограниченной ответственностью "Издательство Оттиск", 2016. – 306 с.

30. Горелова, Л. Е. Охрана материнства и детства на завершающем этапе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы / Л. Е. Горелова, В. Н. Шелкова // Вопросы современной педиатрии. – 2020. – Т. 19. – № 4. – С. 268-271.

31. Греков, А. П. Льготы и государственное обеспечение военнослужащих и их семей / А. П. Греков. – М.: Воениздат, 1951. – 168 с.

32. Гуров, В. А. Социальная политика советского государства в отношении материнства и детства в годы Великой Отечественной войны на примере Ставропольского района Куйбышевской области (1941–1945 гг.) / В. А. Гуров // Концепт. – 2017. – №15. – С.3-13.

33. Денисов, М. С. Охрана здоровья матери и ребенка: историко-правовой обзор / М. С. Денисов, О. В. Салицева, М. Л. Толстова, Т. Г. Денисова // Здравоохранение Чувашии. – 2016. – №4. – С. 76-81.

34. Деревскова, В. М. Общенадзорная деятельность территориальной прокуратуры в условиях тыла в годы Великой Отечественной войны (на примере прокуратуры Иркутской области) / В. М. Деревскова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 2(76). – С. 103-111.

35. Дурнева, Л. А. Повседневная жизнь детей тыловой республики в годы Великой Отечественной войны (по материалам мультимедийного проекта

"Дети войны") / Л. А. Дурнева // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2020. – № 1(49). – С. 41-48.

36. Ермакова, А. А. Социальная политика СССР в отношении коренных малочисленных народов в 20–50-х годах XX века: проблемы материнства и детства / А. А. Ермакова, В. А. Кудашкин // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2019. – № 4. – С. 97–100.

37. Жадан, А. В. Органы НКВД Дальнего Востока в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (1941-1945) / А. В. Жадан // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16. – № 3. – С. 44-53. – DOI 10.21209/1996-7853-2021-16-3-44-53.

38. Занданова, Л. В. Повседневная жизнь населения Байкальской Сибири в XX веке: к постановке проблемы / Л. В. Занданова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2009. – № 1. – С. 227-232.

39. Зарубина, А. Д. Героический труд женщин в период Великой Отечественной войны: (по материалам Хакасии) / А. Д. Зарубина // Ученые записки. – 1963. – Вып. 9. – С. 40-48.

40. Зезина, М. Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945 – 1955 г.г.) / М. Р. Зезина // Вопросы истории. – 1999. – № 1. – С. 127-134.

41. Зима, В. Ф. Голод в СССР. 1946-1947 гг.: происхождение и последствия / В. Ф. Зима. – Москва : Институт Российской истории РАН, 1996. – 265 с. – ISBN 5201005950.

42. Зинич, М. С. Изучение социальной политики Коммунистической партии и советского государства периода Великой Отечественной войны / М. С. Зинич // Вопросы истории. – 1987. – № 7. – С. 104-111.

43. Зинич, М. С. Забота советского государства о материально-бытовом положении населения в 1941-1945 гг. / М. С. Зинич // История СССР. – 1985. – №3. – С. 87-104.

44. Зубкова, Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945-1953 / Е. Ю. Зубкова. – М.: Росспэн, 2000. – 229 с.

45. Иванов, А. А. Иркутск на фронте и в тылу: обзор советской и современной научной историографии / А. А. Иванов, С. И. Кузнецов // История подвига : материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Посвящается 75-летию Победы, Иркутск, 15 мая 2020 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2020. – С. 15-23.

46. Иванова, Г.М. Финансовая политика в социальной сфере в СССР в 1950-1970-е гг. / Г.М. Иванова // Известия Самарского научного центра РАН. – 2014. – №3-2. – С. 525-531.

47. Кадырова, В. Ю. Дети войны и их судьбы на Иркутской Земле / В. Ю. Кадырова // История подвига : материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Посвящается 75-летию победы, Иркутск, 15 мая 2020 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2020. – С. 140-143.

48. Казарин, В. Н. Советский Союз в 1945-1952 гг.: ключевые проблемы внутренней и внешней политики / В. Н. Казарин // История России : пособие для абитуриентов юридического факультета. – Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 1998. – С. 168-177.

49. Карамашева, Н. Н. Из истории борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны: на материалах Красноярского края / Н. Н. Карамашева // Проблемы отечественной истории. –1991. – Вып. 1. – С. 124-134.

50. Карамашева, Н. Н. Некоторые проблемы охраны детства в годы Великой Отечественной войны: (на материалах Восточной Сибири) / Н. Н. Карамашева // Проблемы отечественной истории. – 1993. – Вып. 2. – С. 84-104.

51. Карамашева, Н. Н. Охрана детства в СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах Восточной Сибири) : специальность 07.00.02 "Отечественная история" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Карамашева Наталья Николаевна. – Москва, 1993. – 20 с.

52. Ким, М. Ю. Социальная политика советской власти (1930-е гг.) в Отечественной и зарубежной историографии / М. Ю. Ким, К. А. Кузоро // Вестник ТГУ. – 2010. – №334. – С. 64-67.
53. Князькина, Т. А. К вопросу охраны материнства и детства на Крайнем Северо-Востоке СССР в 1941-1945 гг / Т. А. Князькина // Инновации в науке. – 2015. – № 47. – С. 137-143.
54. Красноженова, Е. Е. Государственная политика по охране материнства и детства в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (на материалах нижнего Поволжья) / Е. Е. Красноженова // Известия ВГПУ. – 2012. – №3. – С. 36-39.
55. Кринко, Е. Ф. Семья и брак накануне и в годы Великой Отечественной войны / Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина // Вопросы истории. – 2015. – № 12. – С. 46-55.
56. Крылова, Н. Б. Правовые основы защиты детей в СССР (1941-1943 гг.) / Н. Б. Крылова, В. С. Меркурьева // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 4(35). – С. 153-157.
57. Крючкова, И. М. Социально-психологические аспекты темы материнства и детства в советском плакате в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы / И. М. Крючкова // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки : Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Тула, 19 ноября 2020 года. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2020. – С. 225-229.
58. Кузнецов, Г. Ю. Развитие сети детских домов в СССР в годы Великой Отечественной войны / Г. Ю. Кузнецов // Молодежь в годы Великой Отечественной войны : сборник статей преподавателей и студентов / Образовательное частное учреждение высшего образования "Гуманитарно-социальный институт". – Красково : Б. и., 2020. – С. 7-9.

59. Кузнецов, И. И. Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны / И. И. Кузнецов. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1974. – 510 с.
60. Кузнецова, И. П. Государственная политика в области охраны материнства и детства во второй половине 1940-х – первой половине 1960-х годов (на примере Башкирской АССР) / И. П. Кузнецова // Вестник ЧелГУ. – 2014. – №8 (337). – С. 41-48.
61. Ланцев, М. С. Социальное обеспечение в СССР / М. С. Ланцев. – М.: Экономика, 1976. – 143 с.
62. Липатов, А. В. Государственная и общественная поддержка семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны: на материалах сталинградской области / А. В. Липатов, В. С. Меркурьева, Ф.А. Такташева // Известия ВГПУ. – 2017. – №2 (115). – С.192-198.
63. Малхасян, Н. В. Мероприятия правительства по борьбе с детской беспризорностью в годы Великой Отечественной войны / Н. В. Малхасян // Перспективные исследования в науке: теория и практика : The Collection of Scholarly Papers. – London : Общество с ограниченной ответственностью "Глобальное партнерство по развитию научного сотрудничества", 2016. – С. 19-22. – DOI 10.17809/0557468427-03.
64. Малхасян, Н. В. Опыт борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны / Н. В. Малхасян // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2016. – Т. 6. – № 5-1. – С. 83-87.
65. Малышева, Е. М. Государственная политика борьбы с беспризорностью в СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) / Е. М. Малышева // Война и судьбы молодежи: опыт осмысления и проблемы сохранения исторической памяти : Сборник научных статей участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию начала Великой Отечественной войне, Курск, 19–20 июня 2021 года. – Курск: Университетская книга, 2021. – С. 58-64.

66. Мартынов, Е. В. Социальная реклама как направление государственной политики в СССР / Е. В. Мартынов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2017. – № 2(786). – С. 132-143.

67. Марченко, В. С. Становление пионерского движения в Иркутской области / В. С. Марченко // Вестник Иркутского университета. – 2018. – № 21. – С. 142-143.

68. Мачульская, Е. Е. Право социального обеспечения : учеб. пособие / Е. Е. Мачульская, Ж. А. Горбачева. – М. : Кн. мир, 2000. – 286 с.

69. Меерович, М. Г. Жилищная политика СССР как средство социального управления (1917-1941 гг.) / М. Г. Меерович // Социологические исследования. – 2014. – № 1(357). – С. 95-101.

70. Мезит, Л. Э. Борьба с детской беспризорностью в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны / Л. Э. Мезит, В. П. Астафьева // Великая Отечественная война советского народа: история и современность : Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Посвящается 70-летию Сталинградской битвы, Казань, 02 февраля 2013 года / Ответственный редактор Б.Г. Кадыров. – Казань: Издательство "Познание", 2013. – С. 111-114.

71. Меркурьева, В. С. Правовые основы защиты детей в 1941-1943 гг. (на материалах Сталинградской области) / В. С. Меркурьева // Известия ВГПУ. – 2015. – №1 (96). – С. 158-162.

72. Микульский, К. И. Социальная политика КПСС / К. И. Микульский, В. З. Роговин, С. С. Шаталин. – М.: Политиздат, 1987. – 351 с.

73. Молодчик, А. Государственная социальная политика СССР и уровень жизни советского населения в 1929-1953 гг.: дис. ... д. ист. наук / А. Молодчик. – М., 2004. – 322 с.

74. Мухамбетгалиева, А. К. Государственная поддержка материнства в 1945 - начале 1950-х годов (по материалам Актюбинской области) / А. К. Мухамбетгалиева // Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России : Международная научно-практическая конфе-

ренция к 75-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией. Сборник статей, Оренбург, 23–25 апреля 2020 года. – Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2020. – С. 226-230.

75. Мухаммадиев, И. С. Прокурорский надзор и борьба с детской безнадзорностью и беспризорностью в годы Великой Отечественной войны / И. С. Мухаммадиев // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 38-51.

76. Николаев, Е. Е. Советская социальная политика в послевоенный период (1945-1953 гг.) / Е. Е. Николаев // Общество: философия, история, культура. – 2018. – №8 (52). – С. 27-33.

77. Пелих, И. В. Социальная политика СССР в 1945-1953 гг. (на материалах Краснодарского края): дис. ... канд. ист. наук / И. В. Пелих. – М., 2005. – 194 с.

78. Пернай, Н. В. Пионерия как фактор оздоровления и безопасности в молодежной среде / Н. В. Пернай // ОБЖ: Основы безопасности жизни. – 2017. – № 4. – С. 10-14.

79. Петрушин, Ю. А. Дети войны: суровая правда повседневности / Ю. А. Петрушин // Проблемы фальсификации истории в контексте становления и развития силовых структур, Иркутск, 23–24 апреля 2015 года / Под редакцией П.А. Капустюка. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. – С. 186-189.

80. Петрушин, Ю. А. Историография Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): / Ю. А. Петрушин // Проблемы фальсификации истории в контексте становления и развития силовых структур, Иркутск, 23–24 апреля 2015 года / Под редакцией П.А. Капустюка. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. – С. 175-181.

81. Попков, В. Д. Социальная политика советского государства и права / В. Д. Попков. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 136 с.

82. Попова, А. Д. Фронт после победы: причины роста преступности в СССР в послевоенные годы (1945-1950-е гг.) / А. Д. Попова // Вестник Кеме-

ровского государственного университета. – 2021. – Т. 23. – № 1(85). – С. 62-70.
– DOI 10.21603/2078-8975-2021-23-1-62-70.

83. Роговин, В. З. Социальная политика в развитом социалистическом обществе / В. З. Роговин. – М.: Наука, 1980. – 205 с.

84. Роговин, В. З. Проблемы социальной политики и общественно-политической мысли в России и СССР / В. З. Роговин и др.. – М.: ИС, 1992. – 188 с.

85. Рожков, А. Ю. Беспризорники (1920-1970 гг.) / А. Ю. Рожков // Родина. – 1997. – №9. – С. 7-76.

86. Рубин, В. А. Реализация государственной политики по отношению к семьям военнослужащих и инвалидам войны на Южном Урале в 1941-1945 гг. / В. А. Рубин, А. А. Рубин // Вестник ОГУ. – 2009. – №4. – С. 25-30.

87. Сагитова, А. Х. Повседневные проблемы женщин в годы Великой Отечественной войны и их решение / А. Х. Сагитова // Молодежь. Наука. Будущее : Международная студенческая научно-практическая конференция, Оренбург, 19–21 мая 2021 года. – Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2021. – С. 272-274.

88. Седова, Д. В. Меры поддержки семей в СССР в период первого послевоенного десятилетия / Д. В. Седова // Симбирский научный вестник. – 2014. – № 1(15). – С. 69-71.

89. Седова, Д. В. Об отдельных мерах государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям согласно Указу Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик от 8 июля 1944 г / Д. В. Седова // Поволжский педагогический поиск. – 2013. – № 3(5). – С. 62-64.

90. Седова, Д. В. Социальная политика Советского государства в послевоенный период 1945-1955 гг. / Д. В. Седова // Поволжский педагогический поиск. – 2013. – № 4(6). – С. 40-43.

91. Семенов, М. А. Динамика национального состава Азиатской России по материалам переписей (1926-1989 гг.) / М. А. Семенов // Континент Сибирь.

– Новосибирск : Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2020. – С. 113-129.

92. Семенов, М. А. Здоровье населения и развитие здравоохранения в Сибири в конце XIX В. - 1940 г / М. А. Семенов // Гуманитарные науки в Сибири. – 2019. – Т. 26. – № 4. – С. 72-78. – DOI 10.15372/HSS20190411.

93. Семенов, М. А. Развитие медицинской сети Советского Союза в годы Великой Отечественной войны / М. А. Семенов // Клио. – 2020. – № 12(168). – С. 122-127.

94. Семенова, Е. Ф. Школьное образование Бурятии в годы войны и в послевоенный период / Е. Ф. Семенова // Вестник БГУ. – 2015. – №7. – С. 38-42.

95. Серебряков, Е. А. Основные этапы становления и развития Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина в Иркутской области / Е. А. Серебряков // Одиннадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения : материалы: в 2 томах, Иркутск, 05–26 апреля 2017 года / Печатается в соответствии с планом научно-исследовательских работ ИГУ. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2018. – С. 253-261.

96. Славко, А. А. Роль специальных детских колоний в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период / А. А. Славко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 3(4). – С. 169-172.

97. Смирнова, Т. М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917-1940 гг. / Т. М. Смирнова. – М.: Институт российской истории РАН, 2015. – 384 с.

98. Соловей, М. А. К вопросу о борьбе с детской беспризорностью в СССР после Великой Отечественной войны / М. А. Соловей // Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности, Донецк, 16–18 мая 2016 года / под общей редакцией С.В. Беспаловой. – Донецк: Издательство Южного федерального университета, 2016. – С. 192-195.

99. Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947-1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. – М.: Росспэн, 2020. – 718 с.
100. Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940 – 1985 / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. – 376 с.
101. Социальная помощь населению Сибири в годы мировых войн XX века: Монография / Павлова И.П., Катцина Т.А., Мезит Л.Э. - Краснояр.:СФУ, 2016. - 316 с.
102. Такташева, Ф.А. Государственная поддержка материнства в 1943 – начале 1950-х гг. (по материалам Сталинградской области) / Ф.А. Такташева // Известия ВГПУ. – 2018. – №4 (127). – С. 192-196.
103. Такташева, Ф.А. Социальная поддержка женщин в Сталинградской области в 1943-м начале 1950-х гг. / Ф.А. Такташева // Известия ВГПУ. – 2011. – №9. – С. 88-91.
104. Удальцов, А. А. Безнадзорность и беспризорность несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны и борьба с ней органами охраны правопорядка / А. А. Удальцов, С. Е. Байкеева // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : Сборник материалов XXV международной научно-практической конференции, Иркутск, 05 июня 2020 года. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – С. 439-442.
105. Фадеева, О. М. Социальная политика СССР по охране детства / О. М. Фадеева, М. А. Рогачев, Ю. Э. Никифорова // Теоретические и практические исследования XXI века : труды II международной научно-практической конференции, Дедовск, 24–26 февраля 2016 года. – Дедовск: Московский государственный областной университет, 2016. – С. 129-134.
106. Фахрутдинова, Н. Р. Политика охраны материнства и детства в РСФСР в 1950-1980 годах и её региональные проявления / Н. Р. Фахрутдинова // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. – 2017. – №22. – С. 129-131.

107. Хамадеева, Р. Х. Борьба с беспризорностью в годы Великой Отечественной войны / Р. Х. Хамадеева // Актуальные проблемы социальной экологии в России : межвузовский сборник научных трудов. – Уфа : Башкирский государственный университет, 2021. – С. 40-48.
108. Хасбулатова, О. А. Социальная политика СССР в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: гендерный аспект / О. А. Хасбулатова // Женщина в российском обществе. – 2015. – № 2(75). – С. 3-10.
109. Хисамутдинова, Р. Р. Развитие системы охраны здоровья советских женщин и детей в 1946-1953-х гг. (по материалам Актюбинской области) / Р. Р. Хисамутдинова, А. К. Мухамбетгалиева // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2020. – № 2(34). – С. 204-216.
110. Хуснутдинова, Ф. А. Восстановление системы охраны здоровья женщин и детей в Сталинградской области в 1943 1945 годах / Ф. А. Хуснутдинова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2011. – №2. – С. 211-213.
111. Чернышева, Н. В. Государственная защита материнства и детства в годы Великой Отечественной войны / Н. В. Чернышева // Отечественный журнал социальной работы. – 2013. – № 1(52). – С. 56-64.
112. Чернышева, Н. В. Социальная политика государства в отношении семей военнослужащих в 1941-1945 гг. (на материалах Кировской области) / Н. В. Чернышева // Вестник ВятГУ. – 2012. – №1. – С. 54-59.
113. Чистякова, Н. А. Охрана материнства и детства в годы Великой Отечественной войны / Н. А. Чистякова, О. М. Яковлева // Великая отечественная война в судьбе народа: история и современность : Сборник трудов Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Воронеж, 21 мая 2021 года. – Воронеж: ФГБОУ ВО ВГМУ им. Н. Н. Бурденко Минздрава России, 2021. – С. 9-11.

114. Шалак, А. В. Условия жизни и быт населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) / А. В. Шалак. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998. – 183 с.
115. Шалак, А. В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940-1945 гг.) / А. В. Шалак. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. – 357 с.
116. Шаламов, В. А. Кадровый вопрос в системе Наркомздрава БМАССР и попытки его решения в 1930-е гг / В. А. Шаламов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2018. – № 4(32). – С. 33-45.
117. Шаламов, В. А. Санпросвет в Бурят-Монгольской республике в 1920-1930-е гг / В. А. Шаламов // Десятые байкальские социально-гуманитарные чтения : Материалы: в 2-х томах, Иркутск, 01 марта – 30 2016 года. Том 1. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2017. – С. 305-310.
118. Шамрина, Е. А. Послевоенная политика социальной поддержки детей, оставшихся без попечения родителей, в СССР / Е. А. Шамрина // Инновационные подходы к решению социально-экономических, правовых и педагогических проблем в условиях развития современного общества : материалы I международной научно-практической конференции, Старый Оскол, 26–27 ноября 2015 года. – Старый Оскол: Воронежский экономико-правовой институт, 2015. – С. 285-292.
119. Шибанов, Е. С. Государственная политика по охране материнства и детства в годы Великой Отечественной войны / Е. С. Шибанов, В. В. Данилов // Особенности развития государственно-правовых институтов во время Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Саранск, 07 мая 2015 года. – Саранск: Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Мордовский гуманитарный институт", 2015. – С. 177-182.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Уровень младенческой смертности в Восточно-Сибирском крае в 1935-1936 гг.¹

1935 г.					
Местность	Рождаемость	Младенческая смертность	% от уровня рождаемости	Общая смертность в крае	% от уровня общей смертности
Общее значение	71125	10304	14,4	32523	31,6
Город	25763	4407	17,1	14227	30,9
Сельская местность	45362	5897	12,9	18296	32,2
1936 г.					
Общее значение	75779	14185	18,7	38414	36,9
Город	30254	6072	20,0	17850	34,0
Сельская местность	45525	8113	17,8	20564	39,4

¹ ГАИО. Ф. р-2677. Оп. 4. Д. 21.

Информация о детских домах Байкальского региона

Таблица 1

Детские дома г. Иркутска к началу 1930-х гг.¹

Тип учреждения	Количество
Для детей дошкольного возраста	6
Для детей школьного возраста	16
Дефективные детские дома	6
Всего	38

Таблица 2

Детские дома Иркутской области по состоянию на 1935 г.²

Учреждение	Тип учреждения	Численность воспитанников
Александровская трудовая коммуна	Для детей школьного возраста	300
Бирюсинский детский дом	Сельскохозяйственный для детей без отклонений	200
Бодайбинский детский дом	Производственный для детей без отклонений	25
Детский дом инвалидов	Физически-дефективный	30
Заларинский детский дом	Сельскохозяйственный для детей без отклонений	215
Иккейский детский дом	Сельскохозяйственный для детей без отклонений	200
Иркутский детский дом №1	Дошкольный для детей без отклонений	120
Иркутский детский дом №2	Дошкольный для детей без отклонений	120
Иркутский детский дом №3	Производственный для детей без отклонений	100
Иркутский детский дом «Юный транспортник»	Морально-дефективный	60
Иркутский детоприемник	Смешанный	50
Квитокский детский дом	Производственный для детей без отклонений	324
Киренский детский дом	Сельскохозяйственный для детей без отклонений	60
Мальтинский детский дом	Туберкулезный	60
Тулунский детский дом	Дошкольный для детей без отклонений	100
Черемховский приемник	Смешанный	50
Черемховский детский дом	Дошкольный для детей без отклонений	80
Шадринский детский дом	Производственный для детей без отклонений	100
Всего	18	2194

¹ ГАИО. Ф. 11. Оп. 1. Д.657. Л. 193-194.² ГАИО. Ф. 635. Оп.1. Д. 63. Л. 56.

Количественные данные об абортах в Байкальском регионе¹

Таблица 1

Данные об общем количестве аборт и родов в РСФСР

	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Роды	1392709	1806036	2371697
Зарегистрированные аборты	1315249	800738	350278
Процент родов от количества зачатий	51,4	69,3	87,1
Процент абортов от количества зачатий	48,6	30,7	12,9

Таблица 2

**Численность абортов на территории
Иркутской области и Бурят-Монгольской АССР**

	1936 г.	1937 г.
Иркутская область	4650	233
Б-МАССР	822	77

**Численность абортов, начатых вне учреждений здравоохранения на территории
Иркутской области и Бурят-Монгольской АССР (на 100 всех абортов)**

	1939 г.
Иркутская область	92,0
Б-МАССР	87,6

¹ Сост. по: Афанасова Е. Н. Реализация постановления ЦИК И СНК СССР «О запрещении абортов...» на территории Восточной Сибири во второй половине 1930-х гг / Е. Н. Афанасова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2012. Иркутск : Байкальский государственный университет экономики и права, 2012. С. 322-327.

Динамика численности медицинских учреждений Бурят-Монгольской АССР¹

Учреждения	1933	1938	1940	1941
Больницы	18	30	35	37
Роддома	-	-	15	14
Поликлиники и амбулатории	50	87	107	118
Женские консультации	7	?	25	19
Акушерские пункты	50	89	171	178
Дом ребенка	-	-	1	1
Молочные кухни	1	-	4	5
Санатории	2	4	4	2
Детские амбулатории	3	?	14	-

¹ ГАРБ. Ф. Р-665. Оп. 1. Д. 526. Л. 77.

Народное образование в Иркутской области в 1936 – 1953 гг.

Таблица 1

Школы г. Иркутска в 1936 – 1940 гг.¹

Год	Численность школ		Количество мест
	Общая	построено	
1936	66	30	16020
1937	108	42	35760
1938	136	27	50360
1939	141	7	53520

Таблица 2

Контингент обучающихся в Иркутской области в 1940 – 1952 гг.²

Показатель	1940	1947	1949	1952
Школы	1479	1865	1912	1951
Из них:				
начальные	1261	1632	1596	1484
семилетние	150	152	236	340
средние	68	81	80	127
Обучающиеся, тыс. чел.	216,6	187	222,8	229,7
Из них:				
1-4 классы	149	152,9	162,1	106,9
5-7 классы	59,7	29,7	54,1	104,7
8-10 классы	7,9	4,4	6,6	18,1

¹ Сост. по: ГАИО. Ф. р-1929. Оп. 1. Д. 27. Л. 15-31.² Там же.

**Помощь семьям фронтовиков и военнослужащих по г. Улан-Удэ
(1942 – 1943 гг.)¹**

Округ	Виды помощи							
	Всего семей	Получили финансовую помощь	Сумма финансовой помощи	Одежда	Обувь	Белье	Носки, чулки	Мыло
Городской	14565	1096	231357	1125	635	743	133	1765
Железнодорожный	4481	1393	267425	1861	902	5133	4148	1181
Пригородный	2300	342	59150	760	503	-	1961	1256
Всего по городу	21327	2331	557932	3746	1940	5976	6242	4202
	Виды помощи							
	Продукты разные	Овощи	Дрова	Уголь	Отремонтировано квартир	Устроено детей в сады	Устроено на работу членов семей	
Городской	11233	2150	1275	10,3	-	-	-	
Железнодорожный	7061	34449	2071	14,7	368	1597	175	
Пригородный	6763	39472	5445	-	459	120	-	
Всего по городу	25057	75796	8791	41,9	822	1717	-	

¹ ГАРБ. Ф. П-20. Оп. 2. Д. 2056. Л. 1.

Обеспечение детей-сирот в детских домах 1941 – 1945 г.¹

Питание к 1942 г. (на примере Заиграевского детдома)			
Завтрак	Обед	Ужин	
Картофель с салом	Щи с салом	Лапша с салом	
Чай с хлебом			
Итого: 1500 кКл			
Питание к 1945 г.			
100 г хлеба	борщ	200 г хлеба	
яйцо	омлет	20 г масла	
чай с сахаром	200 г хлеба	чай	
Итого: 1988 кКл			
Ассигнования на развитие детдомов в период войны (по данным Наркомпроса СССР)			
1941 г.	562 015 тыс. р.		
1943 г.	947 781 тыс. р.		
1945 г.	1 415 855 тыс. р.		
Ассигнования на развитие детдомов в период войны (по данным Наркомпроса Б-МАССР)			
1942 г.	2 379 тыс. р.		
1945 г.	3 703 тыс. р.		
Нормы средств на содержание одного воспитанника в СССР			
Детдом общего типа	2905 р.		
Детдом особого типа	3799 р.		
Детдом дошкольного типа	2905 р.		
Нормы средств на содержание одного воспитанника в Бурятии			
	Всего	На питание	На обмундирование
Детдом общего типа	3 241 р.	1 600 р.	490 р.
Детдом особого типа	3 862 р.	1 458 р.	500 р.
Детдом дошкольного типа	3 241 р.	1 600 р.	490 р.

¹ Сост. по: ГАРБ. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 1866. Л.55-59. ГАРБ. Ф. Р-60. Оп. 3. Д. 237. Л. 204-210.

Численность детских садов в Байкальском регионе в 1946- 1947 гг.¹

Территориальное образование	1946 г.		1947 г.	
	Детские сады	Численность детей	Детские сады	Численность детей
Иркутская область	336	20405	324	12868
Б-МАССР	115	6728	52	2906

¹ Сост. по: ГАИО. Ф.1893. Оп.3. Ед. хр.П. Л.1 ГАРБ. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 1866. Л.55-59.